Евгений Мышкин

Последний ветер

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Annotation

Мир на юге меняется. И племя уходит за сломанную гору в холодный и дикий край. Природа хранит здесь много секретов, и в один из дней, когда плато накроет снежное одеяло, приходит один из тех, кого раньше называли богами. Он открывает маленькому человеку некоторые секреты этого мира. Только по следу за одним идёт другой. И намерения у него не дружелюбные...

- Часть 1. пролог#1
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Часть 2. пролог#2
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- ЭПИЛОГ.

Последний ветер

Часть 1. пролог#1

Посвящаю эту книгу моему другу, у которого живет девять котов.

И который понял её лучше, чем я сам.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Самое начало истории мне приснилось. Вернее, не начало истории, а начало повествования. И я был настолько впечатлен и настолько озадачен, что решил непременно записать всё, что увидел. Я считал, что это может вырасти в неплохую повесть. О большой полноценной книге я тогда даже не думал.

Когда через пару дней я постарался максимально точно записать увиденное (имена, кстати, большей частью, тоже из сна), у меня осталось больше вопросов, чем ответов. И я решил узнать, что же будет (или было) дальше. Пока часть повествования "созревала", обрастая множеством подробностей и второстепенных историй, прошел почти год.

Несколько фактов о книге, которыми я хотел бы поделится с читателем.

1. Книга целиком и полностью написана и сверстана в текстовом редакторе на сотовом телефоне.

2. Помимо самого начала, ещё несколько частей этой истории также приснились автору.

3. Всего один персонаж из книги имеет реальный прототип. Правда, на момент написания, эта личность умерла, проиграв борьбу с раком. Её образ используется здесь сознательно, с данью уважения этому человеку.

4. Первая глава была написана осенью 2015 года. Вторая - зимой 2016. Название книги появилось только весной 2018.

5. Автор выражает огромную благодарность Мире, Анами, Сене и моей Ю. Без вас бы ничего не было.

ЧАСТЬ 1

Там, где есть солнце,

Всегда есть тень.

ПРОЛОГ

Песок был повсюду. Он витал в воздухе, и пустынный ветер старался принести его как можно больше. Он противно скрипел на щербатом бетонном полу, таился в щелях и сыпался сквозь трещины в потолке.

Человек провел здесь несколько тысяч лет, и большую часть времени он провёл в анабиозе. Когда он не спал, он маялся бездельем, пока не наступало апатичное отупение. Он спал с открытыми глазами, пытаясь одновременно бодрствовать. Расставлял силки на пустынных крыс - мерзких упитанных тварей, практически лишенных шерсти, и оттого казавшихся особенно отвратительными. Последнюю пойманную крысу он за лапу подвесил на крюк. Это оказалось достаточно увлекательным зрелищем для человека. Крыса, вереща от боли с остервенением пыталась перегрызть толстый металл. Несколько часов спустя крыса осознала тщетность своих усилий. Она принялась за лапу. Она кричала и вопила, но инстинкт самосохранения брал верх над чувством боли. Когда твердые острые зубы начали со скрипом вгрызаться в кость, человек улыбнулся.

Он улыбался от уха до уха. Он улыбался, когда лилась кровь и трещали сухожилия.

Крыса с громким стуком шлепнулась на пол, и тут же вскочила на лапы, но отсутствие конечности заставило ее неуклюже заковылять. Человек молниеносно вскочил и схватил безногую крысу за шкирку. Она снова начала извиваться, пытаясь укусить человека за руку.

Человек пристально посмотрел в ее глаза. Он видел в них злобу. Первобытную ненависть к существу, которое убивает и калечит ради собственного развлечения. Человек подошел к узкому выходу из пещеры и вышвырнул крысу под палящее солнце.

Он обладал белоснежной кожей и бесцветными белыми волосами. Он давно перестал следить за растительностью на голове и лице, и теперь стал похож на старого монаха. Впрочем, его это нисколько не волновало. Здесь, в этой части бывшего бункера, служившей ему убежищем, он мог чувствовать себя настоящим. Таким, каков он есть. Нормальным. Если конечно, можно назвать его перманентную злобу нормальным состоянием.

Он ждал. Он мог прождать в сердце этой пустыни еще десятилетие, если потребуется. Очень сомнительно, что сюда решит забрести кто-то в здравом уме.

Единственными свидетелями пребывания его в этой пещере были скорпионы и тарантулы. По крайней мере, они были очень похожи на скорпионов и тарантулов. Всего один раз, перед рассветом он увидел цепь следов, уходящих за пустынную дюну. Возможно, это был шакал. Возможно, кто-то еще. Через несколько часов началась буря, и следы замело.

Он лег на пол, положив под голову плотную кожаную сумку. Он улыбался. Скоро его брат и сестричка начнут действовать, и тогда он отыщет их и закончит то, что начал когда-то давно. Проклятый рассказал ему, что что-то изменилось. Некие волнения, отобразившиеся в потоке.

Интересно, что они там такое задумали? Человек улыбнулся.

Глава 1

ГЛАВА 1

Все здесь было совершенно иначе. И климат, и деревья, и даже животные попадались такие, каких он никогда ранее не встречал. Кхаа сидел в хижине и грел свои ноги у костра. Костер сильно дымил, из-за чего в хижине становилось очень душно. Кхаа надеялся, что скоро огонь разгорится как надо, и дым уйдет. Еще от матери он слышал, что чем больше пламя, тем меньше дыма. Но, в этом суровом зимнем краю дрова всегда были сырыми. Сколько он не грел их у огня, чтобы из них ушла влага, они страшно дымили.

Пламя занялось сильнее и в хижине заплясали тени от огней. Жена Кхаа, босая сидела на соломенной кровати и чистила рыбину. Рыбина была очень жирная, и от неё шел специфический дух. Рыбьи потроха она клала просто на землю, а жир аккуратно собирала в старую деревянную плошку. Жир очень ценен, чтобы давать ему стекать впустую. Над огнем на веревке сушилось мясо. Оно было подвешено под самый потолок, рядом с пучками собранных трав.

Кхаа сам толком не понимал, что заставило его идти в столь отдаленные места. Он вспоминал, с каким пылом он доказывал всем, что на севере наверняка есть что-то такое, ради чего стоит там обосноваться. Не может быть, чтобы там был только снег и ничего более. Наверняка природа там хранила нечто такое, ради чего стоит бороться со стихией. Прежнее место было уже не такое как раньше. Климат менялся, и огромный континент, богатый на леса и бизонов становился другим. Никто не мог сказать, в чем конкретно это заключалось – слишком незначительны были перемены. Но, что-то определенно происходило. Бизоны, прежде бесстрашно бродившие здесь огромными стадами, стали отстраняться от людей. Деревья становились не такими великими. Этот маленький мир, облюбованный небольшой группой людей становился каким-то тусклым. Природа начала скрывать свои богатства от них. И все это прошло почти незаметно всего за несколько десятков лет.

Последний год до прихода зимы племя активно спорило, что происходит с миром, и нужно ли уходить из этих мест. И, если

уходить, то куда? Практически все решили двинуться на юг, где по слухам, было такое количество воды, что ею смогли бы напиться даже Боги. И когда весной сошел снег, племя начало активно запасаться провизией, и готовиться к переселению.

И тут появился молодой Кхаа с его смелой идеей перейти через сломанную гору, и осесть на севере. Большинство считало его безумцем, потому, что все знали, что за сломанной горой ничего нет. Не того всепоглощающего ничего, не пустоты, а есть только бескрайняя ледяная пустошь с холодным пробирающим ветром и завываниями диких и опасных зверей. Сначала Кхаа поддерживала лишь его жена – Маат. Но, со временем некоторые его соплеменники все-таки решились испытать удачу. Ко времени отхода, группа Кхаа насчитывала всего сотню человек. В том числе женщин и детей. Совершив переход через сломанную гору, они оказались в невиданном ранее мире, где лето наступало всего на несколько недель, дабы показать, что оно есть, и оно помнит про людей, которые решили тут жить. Где-то далеко, за горизонтом, были ещё земли. И Кхаа с удивлением понял, что до края мира им ещё далеко.

Они долго и упорно продвигались вглубь континента. Климат здесь был очень суровым и холодным, но не таким, как про него все рассказывали. Дичи здесь было мало, но она была на порядок крупнее и жирнее, чем ранее. Лисья шерсть была гуще, и из неё делали отличные теплые шапки и рукавицы. Волчьи шкуры шли на шубы и штаны. А обувь делалась из плотной бизоньей кожи. К концу года Кхаа и его племя остановились на краю огромного плато, разрезаемого широкой рекой, где с одной стороны были высокие горы (имя им ещё пока никто не дал), а с другой – густой лес.

Начиналась зима. Суровая и темная. Снег ещё не шел, но в воздухе был слышен его свежий запах. Облака с каждым днем опускались всё ниже, и цвет их становился все темнее.

Кхаа пытался согреться в своей хижине и вспоминал, как он встретил последнего бизона в этом краю.

Его племя верило, что Бизоны после смерти попадают в другой мир, где всегда солнечно, вволю травы и много чистых озер. Но если Бизон умирает не своей смертью, то он сможет и не найти дорогу к миру мёртвых. Поэтому охотники собирались в круг и пели песни бизоньим богам, чтобы те пустили его в своё царство. Охотники на

бизонов никогда не убивали молодых и взрослых особей, а так же самок. Даже старая бизониха могла родить теленка. Убивали обычно старых особей. Бизоны никогда не боялись человека в этих краях, поэтому охотники подходили к бизону и гладили его, разговаривали с ним. Когда все было готово и молитвы прочтены, бизону давали выпить кадку воды, настоянную на определённых травах. После выпитого бизон начинал активно опорожнять свой кишечник. Затем ему давали вторую кадку, и когда из него выходила только вода, один из охотников длинной заостренной полой костью пробивал кожу меж ребер и доставал до сердца. Бизон, не успев ничего почувствовать, закрывал глаза и падал на бок. Кровь, которая из него выходила, начинали собирать в бурдюки. Когда бурдюки были полны, бизона начинали свежевать. Племя Кхаа всегда с умом распоряжалась добычей. Все что можно было употреблять в пищу – съедали. Особо ценился мясистый язык и богатый жиром горб.

Этот бизон был крупнее всех виденных им ранее. Почти в полтора раза крупнее обычного здорового самца, да и рога его были куда больше. Кхаа подумал, что в один такой огромный рог должно вмещаться два бурдюка воды. Но, самым необычным было то, что он был белого цвета. Кхаа еще ни разу в жизни такого не видел. Сначала он даже было решил, что это всего лишь снег так плотно налип на бизонью шкуру. Но, подойдя поближе, он с удивлением отметил, что шерсть действительно белоснежная. Бизон посмотрел на Кхаа своими большими мутными глазами, и Кхаа понял, что тот очень стар. Возможно, он пережил уже более сотни зим. Возможно, он уже жил здесь, когда на юге еще не появилось первое племя. За долгую и холодную зиму он тощал, подъедая скудные остатки растительности. Пил воду из чистых источников, разбивая толстый лед массивным копытом. А за короткое лето вновь набирал массу, и сбрасывал старую грязную шерсть. И никого не боялся. Вряд ли в этих краях нашлось бы существо, осмелившееся напасть на столь великого зверя. В какой-то момент Кхаа решил, что перед ним сейчас стоит великий Бизоний Бог, который много лет назад породил все живое. И теперь его жизненные силы иссякли, и он медленно умирал среди этой бескрайней ледяной пустоши.

Бизон нашел немного тусклой зеленой поросли и принялся ее жевать. Кхаа свесил с плеча большие бурдюки и сел на них. Он

наблюдал за зверем и тщательно обдумывал, что ему сейчас делать. Упускать такого зверя не хотелось, но и один он с ним не справился бы. В конечном счете, Кхаа решил, что раз уж Течение было благосклонно к нему настолько, чтобы он встретил этого бизона, то они обязательно столкнуться друг с другом снова. Течение сделает виток, и вот тогда Кхаа будет готов. И если Древние услышат их песни, то Кхаа убьет этого зверя.

Этим вечером Кхаа что-то предчувствовал. Маат, разделавшись с рыбиной, завернула ее в лед и солому. Кхаа обулся и вышел на улицу. Небольшой поселок уже готовился отойти ко сну. Лишь изредка между хижин сновали женщины с ведрами или дровами в руках. Небо постепенно затягивало тучами, и блеклый лунный диск медленно растворялся на небе. Звезд не было видно и вовсе. Кхаа плотнее закутался в шкуру и подумал о том, что, возможно, сегодня пойдет снег. Когда свинцовые облака окончательно съедят луну, на землю очень тихо начнут падать первые снежинки, постепенно набирая силу, и к утру полностью покроют белым все плато.

Сначала он и вовсе подумал, что ему это мерещится. Но, покуда темный силуэт приближался, Кхаа все больше убеждался, что это не дикий зверь и не призрак, а человек. Очень большой человек. Когда он подошел меньше, чем на пару шагов, Кхаа немного опешил и сделал шаг назад. Незнакомец был почти на две головы выше его, и невероятно мускулист. Кожа его была настолько бледной, что казалось почти белоснежной. Волосы были белыми, или правильнее сказать бесцветными. Они были собраны в толстый хвост, ниспадавший почти до лопаток. Незнакомец был одет в длинную белую одежду. Кхаа удивило то, что одежда была очень тонкой и совершенно без меха. А еще он был бос и, судя по всему, не испытывал совершенно никаких неудобств по этому поводу. Кисти рук его были спрятаны в рукава, как в муфту. Незнакомец остановился, вытащил руки, и поднял ладони вверх, демонстрируя, что он безоружен и пришел с добрыми намерениями. Кхаа заметил, что пальцы человека были худыми и длинными, а на одном из них было кольцо. Понять, из какого материала оно сделано, Кхаа не смог. Он просто удивился такой тонкой работе. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и Кхаа заговорил первым.

- Кто ты? - спросил он.

- Меня зовут Тотль. - сказал человек низким, но достаточно приятным голосом.

- Зачем ты пришел?

- Думаю, этот вопрос мы еще обсудим. Лучше спроси себя, зачем ТЫ сюда пришел?

- Если ты собрался угрожать нам, то, уверяю тебя, мужчин, способных дать тебе отпор здесь достаточно. - Сказал Кхаа.

- Совсем наоборот. Я пришел помочь вам.

- Нам не нужна твоя помощь! Убирайся!

- Ошибаешься, мой дорогой Кхаа. Совсем скоро начнутся большие перемены, и вы должны быть готовы к ним. - Сказал Тотль с улыбкой.

Кхаа и Тотль сидели в душной хижине. Маат отправилась к своей матери. Когда она увидела своего мужа в компании белого незнакомца, она схватилась за нож и замахнулась на чужака. Кхаа осадил ее, и сказал, чтобы та оставила их наедине. Сначала она долго сопротивлялась, но Кхаа убедил ее, что все будет в порядке. Но сначала он убедил в этом самого себя. Он смотрел на этого необычного человека (человека ли?) и чувствовал в нем что-то такое родственное. Человек, решивший жить здесь, в суровой зимней природе явно знал, на что идет.

Тотль сидел на шкуре, сложив ноги крест-накрест. Создавалось впечатление, что этот человек вообще не мерзнет. Кхаа сомневался, что он мог так просто приспособится к здешнему климату. Проживи он здесь даже сто лет, все равно он должен ощущать холод. Словно прочтя его мысли, Тотль заговорил:

- Да, я чувствую холод. И, кстати жару тоже чувствую. Просто я могу контролировать температуру своего тела.

- Разве так можно? – Удивленно спросил Кхаа.

- Как видишь, можно. – Тотль развел руками.

- А откуда ты знаешь, как меня зовут? Кто-то сказал тебе?

- Нет. - Сказал Тотль - Я прочел это.

- Что ты сделал?

- Прочел. У тебя твое имя на лбу написано. Не знаю, как тебе это доступно объяснить, но я вижу это в виде непрерывно появляющихся цветных вспышек над твоей головой.

- Это невозможно! Разве я бы тогда не заметил этого? - спросил Кхаа, на всякий случай глянув вверх.

- Нет. Такое видение вырабатывается многими годами. К тому же я практиковал некие способствующие этому... практики. Извини за тавтологию. - Улыбнулся Тотль.

- Это невероятно. - Кхаа был потрясен. - Тогда ты можешь и видеть то, о чем я сейчас думаю?

- Не совсем. Я вижу всего лишь мыслеобразы, то есть примерно догадываюсь, в каком направлении ты мыслишь, исходя из смысла разговора.

Кхаа задумался; кем бы ни был этот человек, он явно не желал зла ни ему, ни его племени. С его огромной силой и невероятными способностями он мог бы расправиться со всем поселком очень быстро. Следовательно, он не желал причинять зла. Значит, он пришел сюда с какой-то определенной целью. Только с какой?

- Ты говорил, что скоро здесь все будет совсем по-другому.

- Да - сказал Тотль - Грядут перемены. В этот раз игру немного ускорили.

- Игру? Какую игру? Кто ускорил?

- Так, так, так, спокойней. Давай обо всем по порядку...

В костре трещали дрова. Редкие искры вились вверх. Огонь плясал и поедал дерево. Тотль начал говорить. Голос его заворожил Кхаа. Он слушал и внимал каждое слово. Многие слова Кхаа слышал впервые, и не понимал ни их значения, ни то, как они образовались вообще. Их он поглощал с особой жадностью, пытаясь разгадать их смысл, или хотя бы запомнить, чтобы потом узнать непосредственно про каждое слово в отдельности. Понять общий смысл было несложно, но вот уловить отдельные моменты порой было непросто.

Таких как я, люди в прошлом называли Богами. Очень странное определение, и в корне неправильное. В какой-то момент я просто переставал появляться на публике, и через несколько поколений человечество обо мне забывало. По всем биохимическим показателям я обычный человек. Просто, те способности, которые я приобретал со временем, стали возможны лишь благодаря тому, что мой век неограничен. Если бы ты жил столько же, сколько и я, ты бы тоже приобрел некоторые, невообразимые для тебя в данный момент, умения. И тут ты, наверное, спросишь, сколько же мне лет, или, как вы

их здесь, исчисляете, зим? К сожалению, я не могу тебе даже примерно ответить на этот вопрос. С точным подсчетом я сбился уже давно, и сейчас меня вполне устраивает цифра - два с половиной цикла. Про это я расскажу чуть позже. А пока мне бы хотелось ответить тебе на вопрос, который ты задавал только самому себе. Что, в действительности привело тебя сюда, в этот край вечного холода? Зачем ты променял теплый и сытый климат на постоянную зиму. Ты ведь столько раз задавал себе этот вопрос, и чувствовал, что ответ был где-то рядом, но ответ был слишком эфемерным, чтобы ухватиться за него. И, тем не менее, ты знал, что ты должен осесть именно здесь, на этом плато. Признайся, тебя влекла сюда непреодолимая сила. Что-то подсказывало тебе, куда надо идти.

Сила.

Мы называем эту силу Инерцией. Она, словно пружина, толкает то, что ей нужно толкнуть. Представь себе, что этой силе необходимо, например, сдвинуть с места участок суши. Непосильная задача. Но, представь себе, высокую гору. Настолько высокую, что ее хребет теряется где-то в облаках. Даже в самую теплую погоду на вершине царит жуткий холод и не тает снег. Начинается снегопад. Сначала это всего лишь снежинки, но, спустя время, это уже настоящая снежная буря. И внезапный порыв ветра несет одну-единственную снежинку на холм, где слежавшийся снег лежит десятилетиями. Раздается жуткий грохот, и многотонные слои снега начинают лавиной сходить со склона. С каждым метром лавина увеличивается в массе, захватывая все новые и новые слои, и ускоряется. Она сметает все на своем пути. Ломаются деревья, крошатся скалы. А когда все заканчивается, пробуждается древний вулкан, мирно спавший у подножия горы несколько сотен лет. Извержение его настолько сильно, что земля начинает содрогаться. Меняется рельеф, ибо раскаленные потоки лавы расплавляют даже камни. Меняется все вокруг. Воздух раскаляется настолько, что деревья вспыхивают как факелы. А пепел и камни закрывают небо. Через несколько недель все утихает. Оседает пепел, и вулкан вновь засыпает. Тектоническая плита пришла в движение, и огромный участок суши сдвинулся с места. Конечная цель выполнена. Так вот именно Инерция подтолкнула нужную снежинку в нужное место. Это самый простой пример деятельности этой силы. Точно также она поступает и со всем остальным. Правда, сила эта достаточно

переменчива, и является, скорее, неизвестной в уравнении. Инерция - достаточно хаотичная единица, и мотивы ее являются зачастую ни мне, ни кому-либо ещё непонятны. И, да, она воздействует только на известные ей сущности или явления. Почувствовать ее можно только после того, как что-то произошло. Хотя, мощность Инерции иногда достигала такой силы, что почувствовать событие можно было в тот момент, когда оно происходит. Такое бывало нечасто, но все же.

Именно Инерция и привела тебя сюда. Последствия этого толчка мне до конца не ясны, но у меня есть некое предположение. Если оно верно, то мы сейчас начнем двигаться в одном направлении. Я не имею в виду дорогу, я говорю про путь, который нам предстоит пройти. Когда я говорю "нам", я действительно имею в виду тебя и меня. Потому что меня тоже толкнула сюда Инерция. Правда, я почувствовал это гораздо позже. Или сама сила подействовала на меня позднее. Сейчас это уже не определишь. Да, оно и не имеет большого значения. Самое главное, что все свершилось.

Кхаа сидел в задумчивом молчании. Слова большого белого незнакомца были большей частью понятны, но у него все равно было много вопросов к Тотлю.

- Ты говорил про свой возраст. Ты сказал, что тебе два с половиной...

- Цикла. - Закончил за Него Тотль. - Да, именно так. Я давно отказался от годичной системы измерения.

- А сколько времени в цикле? - спросил Кхаа.

- Всегда по-разному. В прошлом цикле было около шести тысяч лет.

- Шесть тысяч лет. - Тихо повторил Кхаа. - А сколько же было в первом?

- В первом цикле было около двенадцати с половиной. Тысяч, разумеется.

- А как ты узнаешь, что цикл закончен?

- Это странное чувство. Вообще, давай я как-нибудь потом тебе это расскажу. Обещаю.

- А про Игру? - Кхаа произнес это слово с такой интонацией, будто оно могло наказать его, если он будет с ним невежлив.

- Про игру я могу сказать пока только то, что она очень сложна. Даже я не знаю всех правил и тонкостей. Могу сказать лишь то, что

она похожа на шахматы. Чтобы ты имел хоть какое-то представление о шахматах, скажу, что была такая настольная игра с фигурами различной формы и различной тактикой перемещения по полю. Есть король и королева, есть две башни, два коня, два ферзя и десяток пешек - простых воинов. Все фигуры ходят и, соответственно, атакуют по-разному. Задача у каждого игрока - убить короля. Если король убит, или находится в безвыходном положении, игра заканчивается.

У Игры похожий механизм действия, и схожая тактика.

- А кто играет в эту Игру? - спросил Кхаа.

- Я не знаю. Нет, серьезно, я не имею представления об этом. – Сказал Тотль, и развел руками.

- Тогда кто же ты в этой Игре?

- Хороший вопрос. Я привык думать, что я играю целой партией. Такие себе, многомерные шахматы. Игра в игре, если хочешь.

- И ты пришел, чтобы управлять мной и моим племенем?

- Нет. Меня толкнула сюда та же сила, что и тебя. То есть, мы часть одного целого. И у нас один путь. Я буду стараться помочь тебе.

- Помочь в чем?

- Помочь в том, что скоро произойдет.

- Скоро?

- Относительно скоро.- Сказал Тотль.

Костер, на удивление, не прогорел. За весь разговор Тотль незаметно подбрасывал в него дрова. В хижине было достаточно жарко, но дыма практически не было.

Кхаа сидел на полу и думал. Он сомневался, стоит ли верить чужаку, потому что вещи, которые он рассказывал, были невероятными. Настолько невероятными, что Праматерь, породившая людей, наверное, пришла бы в ужас от таких речей.

В какой-то момент ему в голову закралась мысль, что Тотль безумен. Словно, отвечая на незаданный вопрос, он сказал:

- Нет, я не безумец. Поверь, среди тех, немногих, что нас осталось, есть один сумасшедший. Его душевное расстройство прогрессировало тысячи лет. И вот с ним я тебе не советую встречаться. - Тотль встал и потянулся.

- Куда ты? - спросил Кхаа.

- Ухожу. - Спокойно ответил Тотль.

- Ты еще придешь, ведь так?

- Я вернусь, когда обе луны будут рядом. Это будет совсем скоро. А пока у меня есть некоторые незаконченные дела.

С этими словами он вышел из хижины. Спустя несколько минут Кхаа вышел вслед за ним. На улице было холодно. Красная луна шла на убыль, и в ее свете все казалось багровым. Кхаа видел удаляющийся темный силуэт чужака, и смотрел ему вслед, пока тот вовсе не растворился в ночной мгле.

Спустя еще минуту пошел снег. Толстые хлопья опускались на серую землю и не таяли. Кхаа подумал о том, что в этот момент началась настоящая суровая зима. Снег будет держаться на этом плато ближайшие восемь месяцев. Может быть, даже больше. Он знал, что первая зима будет самой тяжелой. Некоторые, возможно, не доживут до теплых дней. Теперь, правда, у Кхаа появилась небольшая искра надежды. Он знал, что высокий человек вернется. Он придет снова и будет... Будет рассказывать свои невероятные истории. Будет помогать племени. В этот момент появилась Маат. Она подошла сзади и обняла Кхаа. Он повернулся к ней лицом и тоже обнял. Вместе они прошли в хижину, где горел костер, и пахло рыбой.

** *

В эту ночь он спал очень плохо. Ему постоянно снился большой белый человек, который в противовес невысокому и смуглому Кхаа, вовсю насмехался над ним. Он говорил какие-то странные и непонятные слова. Слова сначала были просто смешением букв и звуков, не поддающихся расшифровке. Чуть позже Кхаа начал понимать, что Тотль говорит на каком-то другом языке. *" - А разве бывают ДРУГИЕ языки?"* - раздался голос Маат. В конце концов, все сводилось к одному странному слову "Ллотр". Это слово произносилось на разный лад и с разной интонацией. Оно плавало в воздухе и временами вспыхивало холодным, синим цветом.

Потом слово растворилось в холодном полумраке, и из него вышел бизон. Он, как и Тотль, был большим и белым. И говорил таким же низким и приятным голосом.

- Мы с тобой связаны Инерцией - сказал бизон. - Скоро все изменится. То, что происходит сейчас, всего лишь прелюдия к происходящему. Игра уже началась, и ты в ней участвуешь. Твоя роль в племени незначительна, но роль твоего потомства очень весома. Если, конечно, ты сделаешь все так, как должен сделать.

Затем бизон разбил копытом полумрак, и извне повалил пар. Когда тот рассеялся, на месте разлома оказалась трава. Бизон принялся ее поедать.

- Что я должен сделать? - спросил Кхаа.

Бизон молчал. Он продолжал есть траву, и даже не смотрел в его сторону.

- Что я должен сделать?! - Закричал Кхаа.

Бизон очень медленно повернул голову и сказал: Инерция толкнула тебя сюда. Остальное мне неизвестно.

Начал падать снег, и мгновенно стало холодно. Кхаа посмотрел на себя и понял, что совершенно наг. Кожа его стала практически белой. Волосы также полностью утратили свой цвет. Он посмотрел на бизона, но того уже нигде не было. Кхаа остался один, в холодного цвета мгле, засыпаемой снегом. Он пытался закричать, но в горло попал снег, и, все что он смог - это захрипеть. Он хрипел, и кашлял, пока не упал на колени. Он не мог дышать...

Маат проснулась от крика мужа. Кхаа часто дышал, и грудь его ходила ходуном. Затем он сел возле огня, и укутался в шкуру. При этом по его телу струился пот.

- Тебе увиделось нечто нехорошее? - участливым тихим голосом спросила Маат.

- Не нехорошее. Странное. Видения были про большого белого человека и про большого белого бизона. Как будто бы они были одним и тем же. А потом человек-бизон говорил вещи еще более непонятные, чем я услышал сегодня вечером. Там было такое непонятное слово. Очень странное. Как будто сказано оно было на *другом* языке.

- Ты думаешь, существуют другие языки? - спросила Маат. Но, тогда должны быть и другие люди, которым этот язык принадлежит.

- Я думаю, есть вещи более невероятные, чем другие народы. - Сказал Кхаа.

- Это из-за того разговора с этим белым человеком?

- Да.

- И что же такое он тебе рассказал?

- Он рассказал мне много чего, но, я подозреваю, это только малая часть ВСЕГО. Какими бы невозможными не казались его разговоры, я ему верю. Если же ты желаешь, чтобы я рассказал это тебе, то,

наверное, я сейчас не смогу. Многих слов я просто не понял. Как я тогда смогу донести до тебя то, что не смог понять сам?

- Тогда расскажи мне, когда поймешь.

- Обязательно. Я расскажу все, что смогу.

Кхаа в молчании провел возле костра еще несколько минут, и подбросил в догорающий огонь пару толстых и сырых поленьев. В полумраке хижины ярким веером вспыхнули искры. Кхаа посмотрел на небо сквозь небольшую дыру в потолке, но увидел только густое белое полотно из снега и туч. Он постарался представить, сколько завтра выпадет снега. Сколько работы завтра придется совершить по его уборке. А еще нужно запастись едой на зиму.

Тут мысли его вернулись к бизону и Кхаа подумал, что если он попадется ему в следующий раз, то он убьет того не раздумывая. Бизон. Странный белый человек. Игра. Инерция.

Ллотр. Это слово из сна внезапно всплыло в его голове. Кхаа не понимал почему, но оно пугало его. Что-то зловещее было связано с этим словом. Он хотел проговорить это слово вслух, но передумал. Он встал и направился спать. К своей Маат, которая уже успела уснуть, пока он сидел у огня.

Все утро Кхаа провел за уборкой снега в лагере. Солнце сидело низко, и, то и дело скрывалось в облаках.

После обеда он переоделся в сухие теплые вещи, взял пару пустых бурдюков для воды и направился в лес. Дорогу к роднику он нашел еще месяц назад. Вода там была чистой, с легким привкусом соли. Она лилась из расщелины, почти правильной круглой формы. За долгое время вода сточила камень, образовав углубление глубиной в локоть. Придя к роднику, Кхаа обнаружил, что по краям углубления налип мокрый снег. Вода же казалось, не поддалась температуре, и осталась такой же.

Кхаа опустил бурдюк в воду и стал ждать, когда тот наполнится. В этот момент он вспомнил про Тотля. Тот обещал вернуться, когда встретятся две луны. До следующего двулуния осталось совсем недолго. Всего неделя с небольшим.

Внезапно в лесу раздался шум. Захрустели сломанные ветки. Кхаа показалось, что он слышит, как с глухим мягким стуком падает небольшое дерево. Вскрикнула птица, и эхо разнесло этот крик по лесу. Мимо Кхаа стремительно промелькнула белая тень. Рогатая

лисица, которая, судя по поджатому хвосту, очень быстро убегала от кого-то. Кхаа удивился. Он думал, что, у здешних лис нет естественных хищников. Да и вряд-ли мог случиться пожар, чтобы так напугать животное. Кхаа надел на себя один из наполненных бурдюков и достал из кармана нож.

Ножом он так и не воспользовался. Рука просто замерла. Равно, как и он сам. На маленькую поляну, оставляя за собой огромные грязные следы в снегу, вышло нечто большое.

Огромное.

Гигантский медведь. Держался он на задних лапах, но, по-человечески прямо. Его здоровенное хозяйство было практически на уровне лица Кхаа, отчего тот ни разу не усомнился, что медведь был самцом. Мохнатое тело, кое-где поросшее коростой и лишайниками, бугрилось внушительными мышцами. Непропорционально большие передние лапы походили на человеческие, только пальцы были массивнее, и из них торчали крючковатые кошачьи когти. Из открытой пасти капала слюна.

Медведь осмотрелся по сторонам, казалось, не замечая Кхаа, и принялся пить воду из источника. Пил оно ровно до того момента, пока Кхаа не пошевелился. Медведь вздрогнул, облизал губы и принялся внимательно рассматривать маленького человека, закутанного в шкуры.

Кхаа еле сдерживал себя, когда животное рассматривала его. Он чувствовал что-то в этом взгляде. Гигант склонил голову набок, и осторожно потянул лапу к человеку. Кхаа в ответ ощетинился ножом. Тот перевел взгляд на нож, вздрогнул, замотал головой, и затем принялся издавать странные звуки, будто прочищал горло.

А потом произошло то, чего Кхаа совсем не ожидал. Зверь заговорил.

- Ресс гха нумм и моот?

Голос был грубый, низкий, и складывалось впечатление, что идёт он глубоко из утробы животного. Будто бы издавал он звуки не горлом, а выплевывал их.

- Ресс гха нумм и моот? Повторило существо.

- Прочь! - закричал Кхаа, сообразив, что большое животное напугано маленьким ножом.

- Лх'гат морр моот скаа! - теперь уже закричало животное. В его глазах читалась обреченная злость и бессилие. - Лх'гат скаа!!

- Поди прочь, тварь! - Кхаа начал наседать на существо, размахивая ножом.

Тот лишь утробно зарычал в ответ, и начал пятиться назад в лес. Через минуту всё стихло. Кхаа даже не удивился тому, что не слышит, как столь большой монстр может передвигаться абсолютно бесшумно.

Он так и стоял возле родника, понимая, что взмок до нитки.

* * *

Рыба. Большая рыба. Просто огромная и сильная, в сравнении с маленьким слабым мальчиком. Только недавно, казалось, было тепло, но речушка уже неутомимо остыла с приближением длинной холодной зимы. Оставалось загадкой, почему эта рыба пошла не по большой реке, а свернула в этот маленький рукав. Мальчик не знал этого. Мальчик знал, что рыба достаточно отъелась к холодам, и теперь идет против течения, к самому истоку. Её мускулистое тело извивалось, преодолевая пороги. Иногда рыбу оттесняло течением, но она упорно двигалась к своей цели. Солнце то и дело блестело на её боках. Славная добыча. Мать будет рада такому улову. Она будет гордиться маленьким мальчиком, который сумел поймать такую рыбину.

Мальчик был терпелив. Он ждал, когда рыба зайдет в самый узкий участок реки, и там её можно будет поймать, не рискуя самому искупаться в холодной воде.

Мальчик забрался на большой плоский камень, врезающийся в воду. Он достал из-за пазухи свое секретное оружие. На камень вывалились пять чёрных медвежьих когтей, и несколько длинных кожаных шнурков. Мальчик собрался с духом, и принялся поочередно привязывать когти к своим пальцам. Делал он это без спешки, но уверенно и скоро. За несколько минут он крепко (и, наверное, достаточно прочно) приладил все пять штук. Мальчик удовлетворенно рыкнул и взмахнул рукой, представляя себя большим медведем, почувствовавшим охотничий азарт. Прошедшие два вечера он упражнялся в привязывании когтей к руке, пока не нашел несколько оптимальных точек для узлов. В первый вечер он настолько увлёкся, что не заметил, как уснул с когтями на руке. Рука к утру, разумеется, набухла. Мать сделала вид, что ничего не заметила.

Сейчас он и в самом деле был похож на юного медведя. Худой, завернутый в бурые шкуры, с выпущенными когтями, готовый опрометью броситься на добычу. Он ждал. Рыба подошла уже совсем близко. Ещё немного. Ещё мгновение, и рыба прыгнет на очередной порог. Она зависнет в воздухе, и тогда он одним ударом выбросит её на берег, как это делают большие бурые хищники.

Мальчик изготовился и левой рукой вцепился в острый и мокрый край камня. Приготовился.

Рыба словно вылетела из воды. Время на мгновение остановилась. Мальчик в мельчайших подробностях рассмотрел рыбину: её горб над острой мордой, её блестящую чешую, и её хвост, оставляющий за собой каскад брызг.

Мальчик со всей силы ударил рукой.

Рука зацепила лишь воздух.

Момент отчаяния, и мальчик чуть было сам не упал в реку. Он выровнялся, и увидел, что и рыба не осилила столь высокий уступ.

Сейчас природа дала им обоим ещё один шанс. Мальчик осознавал, что со второго раза рыба одолеет препятствие, и пойдёт дальше против течения.

Во второй раз рыба вылетела ещё выше и стремительнее. Мальчик осознал свою первую ошибку, и теперь бил на опережение. Удар был внезапным. Узлы больно впились в пальцы, и на секунду вся кисть занемела. Рыба вылетела на траву, и начала извиваться иподскакивать, беспомощно открывая рот. Мальчик поспешил выскочить на берег, стараясь не дать уйти столь жирной добыче. Он поскользнулся, упал, и содрал кожу на ладони. Но, он не заметил этого. Он снова вскочил, и прижал рыбу к земле, ухватив её пальцами под жабры.

Мать встретила его у входа в хижину. Мальчик молча подошел, и протянул матери тушку, которая, впрочем, ещё изредка дергалась.

- Я сам поймал её! - Сказал мальчик.

- И как же ты одолел горбатую рыбу? - Спросила женщина.

- Когтями. Как у медведя. Я дождался, пока она зайдёт в самое узкое место, и выбросил её на берег. Как медведь! – Повторил он.

По мальчику было заметно, что его распирает от гордости, но он ожидал решения матери.

Она придирчиво осматривала то добычу, то своего сына, а потом сказала:

- Ты молодец. Это славный улов. Пожалуй, я сварю её на ужин. Только разделаешь её сам. Раз ты достаточно смышлен для того, чтобы руками поймать рыбу, то и выпотрошить её не составит труда.

- Хорошо. Я справлюсь. Я постараюсь справиться.

После ужина мальчик укутался в шкуру и устроился поближе к костру. В большом глиняном котелке ещё дымилась рыбная похлёбка.

- Мама?

- Да? - слегка отстраненно ответила женщина.

- Расскажи мне ту историю.

- Какую?

- Ту, про чудовище из леса.

- А не испугаешься?

- Нет! - ответил мальчик. Я уже взрослый, и у меня есть когти!

В довершении фразы мальчик выпростал из-под шкуры руку с привязанными медвежьими когтями, и негромко зарычал.

- Ладно, ладно! - рассмеялась мать. Я расскажу ту историю. Только не перебивай.

- Хорошо. Я буду слушать внимательно.

Женщина на секунду замолчала, будто вспоминая с чего начать, а затем заговорила.

Когда-то давно, одна девочка отправилась в лес. Возраста она была, вот как ты сейчас. Взяла она с собой бурдюк, чтобы набрать чистой воды из родника, и заплечную корзину, чтобы по дороге набрать грибов, ягод, и трав для своей мамы. Мама её была сведущей в травах, и понемногу учила девочку.

Так вот. Шла она не много, ни мало, до самого родника. Всего насобирала, воды набрала, и собиралась идти обратно. И тут вдруг услышала, что плачет кто-то. Совсем, как человек. Так лисы иногда плачут. Она решила посмотреть, что там такое произошло. Пошла она на голос. Шла она недолго, да только, когда опомнилась - поняла, что заблудилась. А плачет кто-то совсем рядом. Вдруг видит - сидит на полянке мальчик маленький, и всхлипывает.

Девочка подошла к нему и аккуратно тронула за плечо. Мальчик открыл глаза и посмотрел на неё. А глаза у него были - как у козы. Нечеловеческие такие. Да и руки как у дикой кошки. Когти белые, и острые как бритва. А вместо ног - копытца, да и шишки на голове, как

рога прорастают. Девочка не испугалась, а присела напротив и начала улыбаться. Мальчик тоже плакать перестал и улыбнулся.

Девочка и спрашивает: Как тебя зовут, малыш? А он только головой замотал. Ну, думает девочка, дела! А он носом повел, в корзину заглянул, и как давай на ягоды налегать. Девочка опомниться не успела, как он все припасы и поел. Только мордочка вся перемазанная осталась. А потом лапкой на воду показывает. Девочка плечами пожала, ну и дала ему напиться. Малыш всю воду выхлебал и сидит довольный, лапой утирается.

Девочка расстроилась, что всё заново собирать придется, как вдруг слышит - идёт кто-то через лес.

Смотрит - а вышел на поляну Дух Лесной. Мама за малышом пришла. Девочка только ойкнула тихонько, и села на пенек. А Мама к малышу подошла и смотрит на него сердито так. А малыш по-своему заурчал - совсем как кошка, и на девочку лапкой показывает.

Девочка только сидит, глазами хлопает - не знает, что и думать. А Дух Лесной к девочке подошел, наклонился и разглядывает её. Потом руку разжал и протянул что-то маленькое - на веревочке. Девочка смотрит - зуб там висит. С резьбой и символами разными. А чудище горло прочистило и говорит: Под'аррок. И девочке на шею повесило. А потом на живот пальцем указывает. И улыбается.

Забрала, значит, мамаша ребенка своего за руку, и в чащу увело. Малыш только лапкой на ходу помахать успел.

Девочка сидит, подарок рассматривает. Рассмотрела, и на шею себе повесила. Встала она с пенька, вещи свои собрала, а тут глядь - и тропинка к роднику нашлась.

Вернулась девочка домой и маме своей всё рассказала. Мама всё внимательно выслушала - и говорит: Этот дух леса к тебе неспроста пришел. Значит, ожидает тебя что-то хорошее. Только зуб этот на теле всегда носи, и не хвастайся без надобности...

Мальчик уже засыпал.

- А что было дальше? - спросил он сонно.

- А вот этого никто не знает.

- Совсем никто?

- Ну, может и знает, да не вспомнит.

Спустя несколько минут мальчик заснул. Женщина посидела ещё немного, и достала на свет большой старый зуб, покрытый

письменами. А потом тихо зашептала: Эта девочка выросла и встретила своего мужчину. У него была светлая кожа и белые волосы. Он приходил всего один раз. А потом у неё появился мальчик. И когда мальчику пройдёт шестнадцать зим, мальчик получит от мамы подарок, чтобы Дух леса его узнал.

Глава 2

ГЛАВА 2.

Тотль, кажется, знал здесь все тропы. Он безошибочно двигался в выбранном им самим направлении, лишь изредка комментируя попадающиеся по пути ориентиры, будь то сломанное дерево, или камень, похожий на огромный, торчащий из земли клык. Одет он был так же, как и в первую встречу, только теперь, когда выпал снег, Тотль будто сливался с окружающим миром. Наст мерно хрустел под его ногами, а лёгкий ветер трепал волосы. Снег, впрочем, вчера перестал. Небо было светлым, но затянутым молочной пеленой.

Конечный пункт был Кхаа незнаком, но он верил большому белому незнакомцу. Тот шагал в весьма бодром темпе, и Кхаа едва поспевал за Тотлем.

Спустя некоторое время лес расступился, выводя путников на поляну с камнями. Камней было пять, и все вместе они образовывали круг. Грубые, необработанные куски серого сланца, казалось, росли прямо из земли. В некоторых камнях, будто жилы, виднелись прослойки другой породы ярко-красного цвета.

- Что это за место? - Спросил Кхаа.

- Это дольмен. Место силы. Когда-то давно люди обнаружили, что в подобных конструкциях происходят необъяснимые вещи. Всё дело в магнитах. Это материал, притягивающий металлы. Здесь же - концентрация магнита весьма высока, что в результате приводит к резонированию с магнитным полем планеты. Отсюда и происходят аномалии. К тому же, подобные сооружения обладают эффектом аккумулирования частиц энергии. Скажем проще, камни всё время накапливают внутри себя силу. По крупицам. Это энергия солнца, лунный свет, в определённой её, фазе. Прощу прошения, в *их* фазах. Это эманации животных и людей, сила растений и деревьев. Всё живое производит и распространяет вокруг себя весьма приличное количество энергии. Неудивительно, что существуют места, которые вбирают в себя её часть.

- То есть эти камни забирают силу у всего живого?

- Не забирают. Впитывают излишки, если можно так выразиться. Но, существует и обратный эффект. Любое живое существо может войти в резонанс с дольменом, и получить часть силы. Либо, совершить что-то такое, на что у него самого сил не хватит. Я имею в виду не моральный или физический, а именно ментальный аспект. Вы, вероятно называете это магией.

- А я смогу получить часть силы от камня? - Спросил Кхаа.

- При должном усердии, я думаю, да. - Ответил Тотль. - Для этого, отчасти, я и решил прийти сюда. Всё дело в том, что подобных мест очень мало. Созданные человеком, они исправно выполняли свои функции, но были относительно слабы. Этот же дольмен естественный. И, откровенно сказать, я даже не представляю, какой силой он может обладать. Подобных вещей я не встречал уже довольно давно.

- Ты ведь уже был здесь раньше? - больше констатировал, чем спросил Кхаа.

- Да. Я уже был здесь несколько дней назад. Но, внутрь я не заходил. Я откровенно, не подозревал о существовании этого места, пока оно само меня не позвало.

- Позвало? Оно живое? Как это может быть?

- Нет, оно не живое, но такой источник производит слишком много выбросов. А такие как я весьма чувствительны ко всем эманациям подобного рода. К тому же, это место хотело, чтобы его нашли.

- У него есть своя воля? Или дух?

- В какой-то мере, да, так и есть.

- И что нам с этим делать?

- Откровенно признаться, не имею ни малейшего представления. - Рассмеялся Тотль. - Предлагаю немного поесть и выяснить это.

Кхаа был немного смущён таким поворотом разговора, но виду не подал. Он расчистил от снега ствол поваленного дерева и уселся на него. Тотль сел рядом. Кхаа достал из-за пазухи сверток, обмотанный тонкой кожей, и, развернув его, принялся за трапезу. Он думал о Маат. Жена откровенно не одобряла его затею, но не сопротивлялась решению прогулки с белым незнакомцем. В дорогу она упаковала немного вяленого мяса и увесистый кусок рыбы. Засоленное рыбье

филе красного цвета было плотно завернуто в солому, пропитавшую по дороге жиром.

Тотль к предложенной еде не притронулся. Сложно было осознать, чем он питался, и питался ли он вообще. Он сидел рядом и внимательно прислушивался к звукам леса. Кхаа в какой-то момент показалось, что Тотль шевельнул ухом в ответ на чьи-то стенания, доносившиеся из чащи. *Прямо, как животное* - подумал он. Тотль улыбнулся и заговорил.

- Лисята. - Сказал он. И, не дождавшись ответа, продолжил. - Тут недалеко нора рогатой лисицы. Самка ушла на охоту и оставила выводок в норе. Возможно, её нет уже около часа. При такой температуре, они не протянут долго.

- И что нам делать? - спросил Кхаа.

- Ничего. Я просто констатирую факт. Будем надеяться, что их мать вернется. Станется прискорбно, если они погибнут. Очень интересная мутация. - Продолжил Тотль гораздо тише. - Все лисы рождаются с рогами, и только у самцов, они остаются после первой линьки. У самок - отваливаются, оставляя небольшие шишки на лбу. А самцы потом используют их в брачных играх. Хотя, я мало наблюдал за ними. Возможно, с их помощью, они делают ещё что-то.

- Что?

- Кто знает? Роют норы, выкорчевывают пни, дерутся, в конце концов. Давай-ка на обратном пути посмотрим, как они там?

- Хорошо.

- Добро. А теперь давай выясним, чего хотел от нас дольмен.

Перед тем, как войти в круг, Кхаа некоторое время собирался с мыслями. Затем положил руку на камень. Камень был холодным. Однако через несколько секунд Кхаа ощутил, что тот начинает теплеть. А затем камень будто ужалил его, отчего по всему телу пошла мелкая дрожь, которая через мгновение прошла.

- Камень ужалил меня. - Сказал Кхаа

- Очень интересно. Он скорее испытывал свою силу на тебе. Это хорошо. Это значит, ты справишься.

- Справлюсь с чем?

- Вот это уже другой вопрос. Я же говорил, что и сам не знаю, что должно произойти. А теперь проходи внутрь и усаживайся поудобнее.

Кхаа сделал глубокий вздох, и нашарил за пазухой рукоять ножа. Рука наливалась странным теплом. Это успокаивало. Тотль сел прямо на снег в своей обычной позе. Ноги скрещены, руки на колени ладонями вверх. Глаза закрыты. Кхаа последовал его примеру. Ещё минуту он смотрел перед собой, а затем всё-таки закрыл глаза. Голос Тотля был низким и заполнял собой буквально всё пространство. Создавалось впечатление, что Голос шел изнутри, создавая непривычные вибрации.

- Закрой глаза. Почувствуй свои руки, и запомни их. Это важно. Если заблудишься, посмотри на них. Вспомни их тепло. Вспомни, кто ты есть. Ничего не бойся. Ты волен и можешь делать все, что пожелаешь. Ты - часть большого. Помни это.

- Я запомню. - Сказал Кхаа, и сам удивился своему голосу. Он тоже будто шел изнутри. Тотль продолжил повторять сказанное, но Кхаа урывал только отдельные слова, утрачивая общий смысл.

Он засыпал. И падал внутрь себя.

Темно. Чёрное аморфное ничто. И, густое, как бизонье молоко. Если конечно, в какой-либо реальности оно бывает чёрного цвета. Ничто начало шевелиться, просыпаясь. Оно шевелило миллионами конечностей, осматривалось тысячами глаз, и осознавало себя. Ничто громко молчало, не в силах что либо сказать. Но, оно могло показать всё что угодно. Возможно, оно что-то показывало, но не существовало органов, способных впитать всё это. Оно само создавало реальность в угоду себе же.

Руки! Кхаа посмотрел на них, и увидел только темноту. Но, темнота держалась недолго и пошла трещинами. Сухие тонкие куски, словно струпья отваливались от рук. Руки светились! Нет, они сами и были светом. Обычной формы, с тем же застарелым шрамом поперек левой руки, но сотканы из светящихся нитей. Они рассеивали тьму, но тьма не поддавалась им, оставаясь той же первичной консистенции. Кхаа сделал шаг вперед. Потом ещё один. А затем он нащупал свой нож. Нож был холоднее льда. Соприкасаясь с ладонью, он шипел, и от него валил густой серый пар. Холод, заключённый в нем, был настолько силен, что не поддавался существу, сотканному из света, коим сейчас был Кхаа. Держать его в руке было невозможно. Он обжигал своим холодом, врезался в плоть, пуская корни в ладонь. Кхаа отпустил его, и убрал обратно.

Свет! Свет был впереди, и он стремительно приближался. Это был Тотль. Он тоже был соткан из света. Но, не из золотого, как Кхаа, а из ослепительно белого. Чистый снег по сравнению с этим цветом, был не чище грязной лужи. Свет не слепил только потому, что Кхаа смотрел не глазами. Это было другое чувство, неподвластное в обычном мире.

Тотль ничего не говорил. Он только улыбнулся и сделал жест рукой. Он указывал куда-то.

Направления и ориентиры здесь отсутствовали. Но *ТО* куда-то отчётливо различалось - тонкая линия света уходила вдаль. Кхаа сделал несколько шагов по линии. Вдалеке забрезжил огромный силуэт ярко-зеленого цвета. Когда Кхаа приблизился, он узнал существо. Это был Лесной Дух. Он был воплощением природы. Сплетён из лозы и папоротника. С листьями вместо шерсти, и горящими древесными камнями вместо глаз. Вокруг него, словно пыль, медленно кружились крохотные светлячки.

Лесной Дух улыбался.

- Когда’то мы с твоейй мат‘рью встр'чалиссь. - Голос прозвучал в голове Кхаа.

- Она рассказывала. Я всегда считал тебя вымыслом. Сказкой.

- Эт'то не важжно. Камни п'звалли тебя и меня ссюд'а.

- Но, зачем?

- Камни г'вворят, что ты усл'шал их зов очч'нь далеко. Из-за сл'манной горры.

- И что же камни хотят от меня?

- В'поллни волю камней.

- Какую?

- Камни х'тятт, чтобы ты и д'льшше сл'шшался их.

- Но они ничего мне не говорят.

- Камни г'вворят с тобой яззыком в'тра и шшолох'м л'истьевв. Камни пок'ззывают тебе д'оррогу. Ты п'ришшел сюда по их в'оле. Будь в'нимателлен.

- Хорошо. Я буду стараться.

- И ещщё. Н'ожж. Бойсся его х'зяяина.

- Но, это мой нож.

- Нетт. Н'е твойй. Он не под'чиниться н'иккому. Д'вайй, йа п'кажу тебе.

Дух Леса размашисто повёл рукой и пустота дрогнула. Пошла волной, и заколебалась маленьким озерцом воды, повисшем в воздухе.

- З'держжи д'хание.

Кхаа глубоко вдохнул, и Дух Леса резко схватил его за шею. А затем опустил его голову в воду.

* * *

Этот городишко, впрочем, ничем особым не приметный, был ещё более захолустным, чем тот, что человек миновал три дня назад.

Назывался город - Дол. Вернее, Долграненбург. Но, лет двести назад, после обрушившегося на городок урагана, на въездных воротах уцелели всего три первых буквы. Тогдашний градоправитель счёл это знаком божьим, и решил оставить всё как есть. Однако, истинной причиной была необразованность мэра, для которого адской мукой было выводить эту уйму букв чуть ли не на каждом документе. Да, и, к его несказанному счастью, народ был не против.

Человек вошел в город и вдохнул его запахи. Ароматы выпечки с пряностями, и сахарной патоки на входе сменялись запахами дубилен вперемешку с рыбным рынком. Навскидку, человек насчитал около двух дюжин мельниц вдоль речки, вмурованной в бетонное русло. В речушке то тут, то там плескалась мелкая рыбеха. А ещё в решетке коллектора застряла дохлая чайка и чьё-то грязное исподнее бельё.

Человек фыркнул и пробурчал себе под нос что-то неразборчивое, и, вероятно, ругательное. Единственной причиной, отчего он вообще пришел сюда, был кузнец. Мало того, что он был наслышан о нём, человек знал его отца. Тот был талантливый малый - но вот сынок у него получился ещё более сообразительный и изобретательный в этом деле. Невысокий, с тонкими пальцами и широченными ручищами он сам того не зная, опередил своё время на несколько сотен лет. Идеальный кандидат для человека. Идеальный кандидат для заказа.

Человек поправил увесистый заплечный мешок и двинулся вдоль самой широкой, а оттого - главной улице. Навстречу ему выбежал мальчишка и едва не сбил с ног. За ним, с лаем бежала худая облезлая собака.

- Добрый господин, дайте грош! - Сказал мальчишка, отряхивая штаны от пыли.

- А ну-ка забирай свою псину, и возвращайся к матери! А не то я расскажу ей, как ты проиграл последние монеты в карты.

Мальчик широко открыл глаза, а потом прищурился, свесив голову набок.

- Как вы узнали? Это Лонни проболтался, да?

- Нет, малыш, он тут ни при чём. Хотя, я, конечно, могу рассказать ему, как ты иногда по вечерам мечтаешь у него отсосать.

Щёки и оттопыренные уши мальчишки мгновенно покраснели.

- Как вы узнали?

- Как я узнал, не твоего ума дело. А теперь брысь!

Мальчишка бегом припустил, вероятно, в сторону своего дома. Когда он обернулся, странный человек стоял там же, но в его сторону не смотрел. Мальчик попытался плюнуть в его сторону, но в горле пересохло. Когда странный высокий мужчина зашагал по улице дальше, тот всё ещё стоял как вкопанный. Он отмахнулся от собаки, пытавшейся лизнуть его руку, и размышлял о том, что неплохо бы начать перед сном думать о соседской девчонке.

Посетителей в это утро Агрус Торн не ждал. А если такие появлялись, он вежливо просил их зайти через несколько дней.

Вошедший был странен. Высокого роста, светловолосый, и стрижен очень коротко. Кожа бледная, пальцы длинные, как у аристократа, но, если присмотреться, кажется, что состоит из одних мускулов. За плечами тяжелый мешок. Возможно, попросит перековать доспехи, или скажет, что принес руду на продажу.

- Сегодня не принимаю! - сказал Агрус, и уперся взглядом в толстенный гроссбух.

- И вы даже не выслушаете меня? - спросил человек.

- Руду не покупаю, перековкой начну заниматься только на следующей неделе.

- И уважаемый Агрус Торн даже не взглянет на то, что я принёс?

- Определённо, не сегодня.

- Отчего же? Вы даже не представляете, от чего отказываетесь.

- Мне всё равно, что вы принесли. Будь это даже чистое золото, не гляну.

Человек вздохнул и внимательно рассмотрел кузнеца. Чертовски похож на своего отца, только слишком уж упрям. В какой-то мере - подумал человек - это даже пойдёт на пользу.

- Это из-за тех солдат, ведь так?

- Что-что, простите? - спросил Агрус Торн.

- Из-за солдат. Они заказали у вас стволы для ружей. Заказ вы выполнили, а вместо оплаты, они повели себя очень некрасиво. Ко всему прочему они устроили вам весьма болезненный погром в кузне. И ещё повредили вам левую руку. Я прав?

- Кто вы такой, и откуда вы узнали всё это? - Агрус удивленно потянулся к ноющей руке. Он никому, даже жене не рассказывал про то, что шестеро молодчиков устроили разгром в его мастерской, и оставили его без оплаты исключительной работы.

- Это не имеет значения. Рука у вас заживёт через три-четыре дня максимум. И, я бы посоветовал вам больше не ходить к той девице. Да-да, к той самой. Вам повезло, что организм у вас крепкий, и зараза не пристала. У вас всё-таки жена есть.

Незнакомец сделал паузу и укоризненно покачал головой.

- А на счёт остального, можете заказывать инструмент, и запчасти для испорченного оборудования хоть сегодня. Здесь достаточно средств.

Мужчина положил на стол плотный кожаный кошель, который приятно звякнул о полированное дерево.

Агрус потянул за нитку, и остолбенел. Кошель был набит деньгами. И не просто деньгами - это были платиновые румата. Они уже лет пятьсот вышли из обихода по одной простой причине. Исключительная дороговизна металла. Монеты просто переплавляли в украшения, либо хранили в банке. Никому бы и в голову не пришло просто так расплачиваться ими. Агрус прикинул, что на эту сумму он может позволить себе как минимум свой собственный город. Где-нибудь на юге. Либо просто безбедное существование пару тысяч лет. Он посмотрел на посетителя. Потом на деньги. Потом снова на посетителя.

- Вы собираетесь вооружить всю страну?

- Нет, дорогой мой мистер Торн. Только себя.

- Я, откровенно, мало что понимаю, но, мне кажется, что здесь что-то нечисто. В чём подвох?

- Никакого подвоха нет - сказал человек и рассмеялся. - Вы делаете для меня кое-что, я оплачиваю вашу работу. По-моему, всё честно.

- Что же такого вы хотите заказать, если пришли именно ко мне? Что-то такое, за что никто не взялся даже за такую сумму?

- Вы правы лишь отчасти. Это будет исключительная работа. И вы - единственный мастер, кто с этим справится. Ко всем, кто не способен сковать ничего сложнее худой подковы, я даже не имею желания обращаться.

- Так что же я должен изготовить?

- Не так важно, что сделать. А из чего…

Агрус Торн с детства работал в кузне. В возрасте 15 лет всё, за что он брался, выходило лучше, чем у его отца. Ещё через пару лет он изучил всё, что смог о металлах, и их взаимодействии с различными химическими элементами. Он узнал и опытным путём изучил секреты ковки прочных и лёгких мечей и ножей. Он открыл несколько сплавов, но, то, что принес этот человек, выглядело совершенно невероятно. Он даже не мог определить, что именно за металл перед ним.

На столе лежали самородки разной формы и веса. Самый большой был размером с человеческую голову. Самый маленький - чуть меньше кулака. Абсолютно чёрный, не отражающий света металл, казалось, наоборот - сам поглощал свет. Невероятно плотный, но достаточно лёгкий.

- Это определённо металл. Не сплав. Но, я не могу определить какой именно. Никогда не встречал ничего подобного. Может, расскажете, что это, и откуда это у вас?

- Вы мне нравитесь. Вы, определённо лучший в своём деле. Что вы знаете о космосе? О вселенной?

- Откровенно, я чаще интересуюсь у жены, что она приготовила сегодня на обед, чем не подтвержденными теориями.

Незнакомец громко, и от души рассмеялся.

- Вы меня отменно повеселили. Но, вернемся к нашему вопросу. Вселенная - удивительная вещь. Позвольте сравнить её с человеческим социумом. В ней так же рождаются и умирают целые галактики. Сверхновые звёзды сжимаются до атомов, а чёрные дыры поглощают даже звёздный свет. Мой дорогой мистер Торн, вы даже представить себе не можете, какие уникальные по своему составу и свойствам материалы порой создаёт космос. Я мог бы попытаться, но нет таких слов, чтобы описать это. Совершенно другая атомная структура. Совершенно иные свойства.

То, что сейчас лежит перед вами - это ядро звезды. Сама звезда погасла несколько миллиардов лет назад. Сверхмассивная субстанция,

которую притянуло наше солнце, пройдя через атмосферу планеты, обзавелась особой карбиновой структурой и стала тем, чем оно сейчас есть. Частями одного целого. Для этого металла у вас ещё нет названия. Для удобства, мистер Торн, Вы можете назвать это метеоритным металлом. Я потратил много лет, чтобы собрать все части ядра. Ну, или почти все. – Про себя Ллотр подумал, что история выходит складная. Простому кузнецу и знать не положено, откуда у него сердце Проклятого.

Теперь, непосредственно, к вопросу по существу. У метеорита очень высокая температура плавления. И инструмент для ковки нужен совершенно особый. И много. Я думаю, вы справитесь. Мне нужна дюжина ножей. Разной формы, длины и толщины. Рукояти тоже должны быть из метеорита. Никакого дерева или камня. Всё цельнокованое. Здесь все чертежи и размеры в дюймах. - Человек достал из мешка и выложил на стол две дюжины листов с чертежами - Заточка должна держаться очень долго.

Помимо прочего, закажите, или изготовьте сами, ножны для каждого ножа индивидуально. Кожу прожировать и пропитать воском. Тиснения или узоры на коже можете сделать по своему усмотрению. Это единственная допустимая вольность. Всё остальное - дюйм в дюйм.

Метеорита должно хватить. Если что-то останется - оставьте себе.

Итак? Сколько времени вам потребуется?

Агрус Торн задумался. Если всё сказанное человеком правда - то это будет самый значимый заказ за всю его жизнь. Не стоит упускать подобный случай. К тому же - оплата более чем щедрая.

- Что, если я скажу вам, что вы заберете свои ножи в канун зимнего солнцестояния?

- Это очень веское заявление, мистер Торн. Я, признаться, весьма удивлён таким коротким сроком. Хотя, вы, пожалуй, знаете лучше меня, сколько месяцев это займёт.

- У меня есть одно условие.

- Я весь внимание. – Ухмыльнулся Ллотр.

- Я оставлю своё клеймо на каждом из двенадцати ножей.

- Почту за честь - человек расплылся в улыбке, и встал из-за стола. - Тогда до встречи в указанный срок.

Когда человек ушел, Агрус Торн ещё некоторое время внимательно рассматривал свою входную дверь. Затем он собрал дары незнакомца и унес в кузню. Из кошеля с монетами он взял всего один румата. Этого должно хватить на все расходные материалы и недостающие элементы. Ещё хватит на то, чтобы переложить печь, и нанять достаточно людей, чтобы уложиться в три дня. Пока заживает рука.

Кошель он спрятал в шкатулку из белого дерева, и убрал в ёмкость в полу. Жене он решил пока ничего не сообщать.

В кузне было невероятно жарко. Агрус Торн обливался потом. Рубаха, повязанная на голове, была насквозь мокрой. Толстые кожаные браслеты на его запястьях, уже почти не задерживали влагу. Удар. Ещё удар. Раскалённый металл выплёвывал искры. Даже в таком состоянии он всё равно казался чёрным. Агрус перехватил нож клещами, отчего их зубья начинали медленно нагреваться, и опускал нож в машинное масло. Метеорит шипел, испарял жидкость, и она плевалась и брызгалась горячими каплями. Только так. Обычную воду он испарял мгновенно.

Кузнец вышел на улицу и умылся снегом. На холодном воздухе от его тела поднимался пар. Руки его были в шрамах и ожогах. Сказать, что это был сложный заказ - значит не сказать ровным счётом ничего. Одних только молотков он перевёл три десятка. Не все справлялись с ядром мёртвой звезды. Дважды едва не случился пожар. А шрамы он просто перестал считать, потому, что постоянно сбивался со счёта.

Пару месяцев назад у него возникло желание забросить этот заказ, но, что-то в облике человека заставило его передумать.

Человек был одет в белую холщовую хламиду, почти сливавшуюся со снегом. На входе на главную и единственную улицу города, он снова потянул носом воздух. В этот раз он ощутил только запах морозного зимнего ветра. Никакой рыбной вони, или запахов выпечки с пряностями. Речушка покрылась толстым слоем льда. Где-то вдалеке скрипели крылья ветряной мельницы. Вечерний сумрак приглушал звуки.

Из-за дома вышел мальчишка. Шапки он, вероятно, не носил, отчего его оттопыренные уши были ярко-красного цвета. За руку он вёл девчушку примерно одного с ним возраста, с выбивающимися из-

под вязаной шапочки рыжими волосами. Увидев человека, мальчишка остановился и замер.

Человек смерил его взглядом, и прошел мимо.

- Почему ты остановился? - спросила девочка.

- Просто. Я задумался. Пойдём куда-нибудь отсюда. Куда-нибудь в тепло.

И он поспешно потащил её на другую сторону улицы.

В дверь постучали.

- Открыто!

Агрус Торн знал, кто пришел к нему этим поздним вечером. Незнакомец вошел и улыбнулся.

- Мистер Торн! Я вижу, вы ждали меня. - Сказал человек.

- Признаться, да. Я закончил всё ещё вчера вечером.

- Это хорошие новости. Но, ближе к делу. Я сгораю от нетерпения.

Кузнец полез под прилавок, и вытащил оттуда объёмный кожаный сверток. Развернул его.

К широкой поясной портупее крепилось двенадцать ножен. На каждых ножнах были тиснения с животными.

- Я имел смелость дать им имена.

- Это невероятная дерзость. - Прошептал человек. - Вы, мистер Торн, не перестаёте меня удивлять.

Человек начал по очереди вытаскивать каждый из ножей и слушать кузнеца.

- Это медведь. Он самый большой и заточен внутрь. Как коготь. Этого зовут вепрь. Это росомаха. Это - лесная кошка. Это куница, волк и рогатая лиса...

Дальше человек не слушал. Он испытывал почти забытое давно чувство приятного возбуждения. Ликования. Неужели для исполнения его такой маленькой и скромной затеи нужно было ждать, когда родится такой талантливый человек. Скольким эти кусочки стоили жизни. Он определённо передумал убивать мистера Торна. Век его и так недолог. Может, дотянет лет до восьмидесяти, да состряпает парочку крепких мальчишек. В какой-то мере ему даже стало жаль кузнеца. Тот всё равно никогда не осознает всех грядущих последствий.

- Это лучшая работа, что я видел мистер Торн. Мои поздравления. Надеюсь, там осталось несколько унций для вас лично?

- Разве что на одно-единственное кольцо.

- Надеюсь, для вашей жены?

- Да. Для неё. Хочу сделать ей подарок к концу года.

- Тогда, я, пожалуй, пойду. Прощайте, мистер Торн. Надеюсь, вы проживёте долгую жизнь.

- Спасибо на добром слове. Я, кстати, до сих пор не знаю вашего имени. В первый раз вы не представились.

Человек остановился уже возле самой двери. Он обернулся.

- Меня зовут Ллотр.

* * *

Кхаа открыл глаза. Перед ним всё так же с закрытыми глазами сидел Тотль. Имя человека! Кхаа вспомнил.

- Его звали Ллотр! - сказал он.

- Зовут.

- Что?

- Он до сих пор жив. Этого-то я и опасался.

- Что в нём такого? Почему я уже второй раз слышу это имя?

- Очевидно, вы связаны инерцией. И, пожалуйста, впредь пореже произноси его имя. Рано или поздно, он услышит его, и соизволит прийти сюда. Он один из нас. Из тех, кто остался. Но, он безумец. Его сознание помутилось уже очень давно, и единственными его развлечениями осталась война. Смерть. Разрушение.

- Тотль? Кто же ты на самом деле?

- Я человек. Только я человек чуть больше самого себя.

Я не помню ни своих родителей, ни своего детства. Я всегда был таким. Возможно, я просто удачный эксперимент, выращенный искусственно, и брошенный на произвол на этой планете.

Нас было пятеро. Одинаковых, но каждый со своей индивидуальной личностью. Бессмертные, и бесстрашные маленькие боги. Обречённые чувствовать все эманации вселенной, но не способные что-либо сотворить. В разные эпохи нас называли эллинами, высокими, атлантами, титанами. Каждый из нас выбрал себе свою дорогу. Я выбрал для себя роль техника. Учителя. Я приношу знание туда, где его способны принять.

- А тот, другой? Он всегда был плохим?

- Отнюдь, как это часто и бывает. Он был прекрасным учеником. С талантом врачевателя. Он всегда приходил туда, где бушевала

болезнь. Он находил её корень и безжалостно удалял его. Подолгу изучал каждую вспышку болезни, и то, что её вызывало. Люди считали его святым.

Но потом что-то в нём поменялось. Чем старше он становился, тем больше разочаровывался в людях. К завершению первого цикла он стал всё чаще сомневаться в избранной стезе.

В середине второго цикла произошел переломный момент - он специально приносил заразу в города, отравлял воду. Провоцировал войны. Он объяснял это тем, что таким образом, он провоцирует достижения в человеческом обществе. Первое время, это действительно работало. Но со временем он начал убивать учёных, врачей. Он просто играл в злого божка. Когда я собрал своих братьев, мы решили образумить его. Всё закончилось плачевно. Я выжил, а затем долго и мучительно восстанавливал своё тело из того, что осталось. Он в одиночку убил двоих из нас. Сам он тоже пострадал, но ему удалось выжить. С тех пор я не видел его.

- Так вас осталось двое?

- Да. Но, я ничего не знаю о её местонахождении.

- Её? То есть она твоя...

- Сестра. - Закончил за него Тотль.

- Разве ты не чувствуешь её?

- Нет, я, к сожалению, не могу это сделать. А теперь пойдём отсюда. Нам надо успеть ещё в одно место.

Тотль направлялся обратно к биваку, но по дороге свернул в сторону огромного холма, густо поросшего лесом.

- Тогда, в камнях, Дух Леса показал мне кое-что.- Сказал Кхаа.

- Дух Леса?

- Такой большой, с оленьими рогами. Он показал человека, который делал для, ну, сам знаешь для кого, двенадцать ножей.

- Очень любопытно, почему он показал тебе именно это. Ты, надеюсь, уже понял, что это не случайность. Эти двенадцать клинков - одна из немногих вещей, способных нанести таким как я значимый ущерб?

- Теперь да. А они все у него?

- Насколько мне известно - да.

- А почему именно такое число?

- Если быть откровенным, я не знаю. Возможно, это число имеет какой-то сакральный смысл для него. Видишь ли, люди во все циклы наделяли числа мистическим смыслом. Одни числа были хорошие, другие - несчастливые. Может быть, это всего лишь атомное число этого металла. Кто знает?

- Тотль?

- Да?

- Почему именно я? Почему всё это началось вокруг меня?

- Неправильная постановка вопроса, мой друг. Солнце отнюдь не крутится вокруг этой планеты. Так же и здесь. Все эти события не вращаются вокруг тебя. Они приведены в действие Инерцией, и ты, не в силах объять всю картину целиком, думаешь, что ты тут центральное звено. Сдается мне, что тебя готовят к чему-то. Всё это для того, чтобы что-то случилось. Не важно, хочешь ли ты этого, или будешь всячески уклоняться. Сила всегда найдёт способ. Независимо от твоего желания или поступков. Что-то случится. Вот только что?

- Как ты тогда знаешь, что что-то происходит? Ты видишь всю картину целиком?

- Нет. Всю картину я не вижу. Да и важен не поток, а конечный результат. А поток заметить не так уж и сложно. Видишь ли, нужно просто хотеть это замечать. Это как незаметный судья всех твоих начинаний. Ты ведь не раз замечал, что иногда, когда ты берешься за какое-то дело, оно словно делает себя само? Словно кто-то тебе помогает. Кто-то хочет, чтобы это произошло.

И наоборот - бывает, как бы ты не старался, ничего не выходит. Значит, сила не хочет этого.

- То есть, если всё зависит от силы, то всё известно наперед? И ничего нельзя изменить?

- В этом-то вся соль. Инерция хочет, и будет добиваться своей цели всеми силами. Но, без хороших инструментов это просто завывание ветра в скалах. То есть пустой звук. А вот ты - очень хороший инструмент, уж прости за сравнение.

- Я не знаю, всё ли я правильно понял из твоих слов. - Сказал Кхаа.

- Я думаю, ты всё-таки уловил общий смысл. Пусть и своими словами.

Тотль остановился, постоял момент, и вдохнул полную грудь воздуха.

- Вот мы и пришли. - сказал он и грустно улыбнулся. - Сюрприза не получилось.

Кхаа разглядел в выступающих корнях сухого дерева нору. Не выше локтя, она едва проглядывалась в полутьме густого леса. На снегу смутно виднелись полузасыпанные снегом следы. Лисьи следы.

- Самка ушла почти сутки назад. - Словно отвечая на вопрос, сказал Тотль. К сожалению, щенки не дождались её возвращения.

Он закатал рукав и запустил руку внутрь. Спустя мгновение, он за хвост вытащил небольшой комок меха. Это был лисеныш. Совершенно белый, с маленькими симметричными шишками на лбу.

- Ещё теплый. - Констатировал Тотль. Зайди мы раньше, можно было бы забрать их с собой. Им, кстати, не больше месяца.

- И что мы будем с ними делать? - спросил Кхаа.

- Ничего. Оставим в норе. Очень скоро за ними придут падальщики. Естественное в животном мире явление. Жаль, конечно, но, ничего не поделаешь. Пойдём-ка отсюда.

Всю дорогу до лагеря они молчали. Кхаа думал. Тотль снова умудрился за один день выдать такое количество новой информации, которое определённо требовало нескольких дней на осмысление.

Сам он шагал неторопливо, глядя прямо перед собой, лишь изредка косился в строну Кхаа. Когда они пришли, солнце уже скрылось в тучах, а первая луна только-только загоралась за горизонтом.

Тотль остановился и заговорил.

- Завтра. Завтра утром мы начнем.

- Начнем что?

- Начнем готовиться к зиме.

- А разве мы плохо готовимся?

- Я покажу, как это сделать лучше и быстрее. Я дам вам знания.

- Но, мы ведь и так знаем, как бить дикого зверя, одеваться и обогревать жильё.

- Несомненно. Но, ты поймешь, что это только малая часть того, что вам необходимо. А теперь я буду прощаться с тобой до завтра.

- Но, я думал, ты остановишься в моем доме. Я мог бы...

- Кхаа. Я ценю твоё гостеприимство, но у тебя есть женщина, и она, всем своим видом старается показать, что не жалует меня.

- Я скажу ей, чтобы она вела себя покорней.

- Пожалуй, не надо. Лучше просто иди к ней.

- Пусть солнце разбудит тебя. - Сказал Кхаа, как было принято в его племени.

- Красиво сказано. - Сказал Тотль, и улыбнулся. - До завтра.

Он уже не удивлялся тому, как Тотль может передвигаться практически бесшумно. Он оглянулся посмотреть, куда тот уходит, но услышал какой-то шум. Затем он увидел. Тёмный хищный силуэт. Размером с добрую собаку, нечто подстерегало Тотля на верхушке поваленного дерева.

- Тотль!

Больше он ничего не успел крикнуть. То, что случилось после, заняло не больше минуты.

Тень яростно и оглушительно заревела, и, оттолкнувшись от дерева, молниеносно прыгнула на Тотля. Только два хищника в этих краях охотились и нападали подобным образом. И это определённо была не дикая кошка. Этот зверь был больше и опаснее. Когда племя впервые столкнулось с ними, они прозвали их медвежьими котами. Иначе говоря - росомахами.

Кхаа мгновенно бросился в сторону Тотля. Он физически ощущал тяжелый животный запах и хищный азарт медвежьего кота. Но, кот промахнулся. Тотль едва уловимым движением закрутился и ушел в сторону. Причем сделал он это настолько быстро, что это заняло не больше секунды. Он выровнялся, и сам приготовился к атаке, словно и сам был диким и опасным зверем. Росомаха угрожающе зарычала. Она понимала, что выбранная ею жертва способна сама стать охотником. Но, это только дразнило ее инстинкты. Она начала медленно заходить со стороны, немигающим взглядом глядя человеку в глаза. А затем снова прыгнула.

Когти разорвали воздух в нескольких миллиметрах от лица. Тотль только удивился настырности животного. Он снова увернулся в сторону, и теперь просчитывал вероятность схватить росомаху так, чтобы одним движением свернуть ей шею.

Но, хищник сменил тактику. Он бросился человеку в ноги, и ударил мощной лапой. Промах.Тотль успел отпрыгнуть назад.

Росомаха повторила удар. И снова человек увернулся в последний момент.

Медвежий кот запрокинул голову и громко зарычал. И в этот момент человек атаковал.

Тотль действовал быстро. Практически молниеносно. Он прыгнул вперед, хватая зверя за шею. Не ожидавшая такого от прямоходящей добычи, росомаха попыталась достать задними лапами до рук, схвативших её. Тотль упал на спину, и всеми силами пытался сдержать вырывающегося зверя.

В момент, когда медвежий кот все-таки достал когтями руку Тотля, разорвав кожу до мяса, он увидел последнюю в своей жизни картину. Невысокий черноволосый человек, достающий из шкур тонкий, длинный, черный нож.

Нож плавно вошел в глазное яблоко, и достал до самого мозга. Росомаха в последний раз зарычала, и замерла.

- Это, конечно, было лишним, но, я всё же благодарю тебя. - Сказал Тотль, вставая, и зажимая рукой раненое левое предплечье. Его накидка уже успела пропитаться красным.

Тотль ещё что-то говорил, но Кхаа его не слушал. Вернее, всё это ушло на задний план. Слова и звуки были приглушены, словно он находился под водой. Все вокруг потемнело, взгляд расфокусировался. Кхаа неотрывно смотрел на убитого им хищника. Он услышал, как в последний раз бьется сердце, услышал, как кровь ещё циркулирует по организму, не получившему никаких указов от мозга. Ощутил жар разогретого тела, и металлический вкус крови, сдобренной адреналином.

Он не слишком задумывался, что он делает. Он полагался на инстинкт. На Течение, в которое его затянуло. Кхаа вспорол зверю брюхо, и оттуда на снег вывалились дымящие потроха. Затем он рукой нащупал сердце. Горячее и влажное. Он вцепился, и одним движением вырвал его из грудины. С мгновение разглядывал его, и ему казалось, что сердце продолжает жить своей жизнью. А потом он съел его. Жадно. Порой глотал куски, не успев толком разжевать их. Затем он встал и вытер руки о снег. И снегом же умылся, смывая кровавые потеки с бороды.

Время и звуки вернулись. Стояла звонкая и оглушительная тишина.

- Ты поедаешь сердце всякого кого убьешь? - спросил Тотль недоуменно.

- Нет. Просто я должен был это сделать. Течение затянуло меня, и у меня не было другого выбора. - Сказал Кхаа.

Тотль внимательно посмотрел ему в глаза и, не говоря ни слова, ушел в лес.

Когда Кхаа вернулся в хижину, Маат уже лежала в шкурах возле огня. В свете костра её рыжие кучерявые волосы играли огнем. Собственно, имя её и значило "огненная".

Кхаа разделся донага и некоторое время просто стоял. Затем забрался в постель и обнял свою женщину. Тело её было горячим. Когда он обнял её, кожа ее стала гусиной. Кхаа ощутил странное возбуждение. Как будто что-то скрутило всё внизу живота. Затем пришло желание. И оно было сильней, чем когда-либо. Маат отозвалась, и начала извиваться, лаская его рукой.

Своей рукой он начал гладить ее живот, а затем сжал небольшие груди. Маат застонала. Он опустил руку в низ живота и прижался рукой к ее горячему женскому началу.

Она развернулась к нему лицом, а затем оседлала его. Кхаа был словно сам не свой. Он глухо рычал, и жадно впивался пальцами в ее ягодицы. Затем он перевернул её, и взял сзади. Как животное.

На небе не было ни облака. Две луны давали совсем немного света, но для человека с белыми волосами, и перевязанной левой рукой этого было достаточно. Впрочем, если бы вокруг была непроглядная тьма, он бы все-равно отчетливо увидел всё, что хотел увидеть. А то, что он наблюдал в тот момент, ему определённо нравилось.

В одном из шатров этой ночью извивалось и стонало животное о двух спинах. Не то, чтобы Тотль испытывал чувство стыда, наблюдая за соитием двух человек, но испытывал любопытство. Удивительно, - думал он - Маленький человек, чей век настолько недолог, может так его удивлять. В царящем хаосе и неопределенности событий, он почти всегда играет свою роль. Из множества вероятностей, всё выстраивается в картину предопределённости. Встреча с лешим, круг камней, благосклонно его принявший, и показавший очень интересные события, этот транс, в котором он съел сердце медвежьего кота. Всё к чему-то ведет. Может быть, сегодня всё-таки случится то, чего Тотль безуспешно пытался добиться уже почти десять тысяч лет. Спящая

хромосома полубога проснется, и через поколение появится ребенок с генами и способностями атлантов.

Человек с белыми волосами и перевязанной левой рукой наблюдал.

Он ждал.

* * *

Агрус Торн в эту ночь так и не смог заснуть. Вечером, после ухода Ллотра он расплавил одну из платиновых монет и отлил кольцо для своей жены. Он не стал дожидаться конца года. Жена не стала спрашивать, откуда взялся драгоценный металл - она видела, как последние четыре месяца её муж почти не выползал из кузни.

В благодарность она лихо оседлала его, что по старым поверьям означало желание родить мальчика.

Когда жена уснула, Агрус оделся и спустился в кузницу. Он подбросил угля, и работая мехами, разогрел печь до нужной температуры. Затем он аккуратно достал из подпола шкатулку из белого дерева и открыл её. Внутри лежали осколки метеорита. Не очень много, но, должно было хватить.

В этот раз, он мог обойтись без чертежа. Всё было в голове. Форма, длина, угол заточки, и узор на рукояти.

Металл начал плавиться в каменной чаше и капли соединялись, будто притягиваясь друг к другу. Раскалённая масса вылилась в форму.

Агрус орудовал молотом быстрее, чем обычно. Металл послушно обретал форму. Он, казалось, хотел сам обрести свою личность.

После полуночи грохот молота стих. В последний раз зашипел лёд. На стол лег тонкий стилет. Лезвие уходило назад всего на несколько градусов. При правильном ударе, оно могло достать до самого сердца. Анатомическая рукоять расписана пчелиными сотами.

- Тринадцатый. - Прошептал Агрус Торн. - Я назову тебя "Шершень".

Глава 3

ГЛАВА 3.

Он назвал это место Тор'руум. Ветренная равнина. Тотль одобрил его выбор, обозначив это тем, что они первые люди, забравшиеся так далеко на север, и имеют право называть эти места по своему желанию.

Суровая природа, всё-таки взяла свою дань с племени. В самом начале она забрала женщину и ребенка. Как-то они ушли в лес, и не вернулись. С тех пор течение, приняв жертву, сопутствовало всем делам.

Тотль, как и обещал, принес знание. Но, знание пугало людей. Многие с опаской отнеслись к большому белому незнакомцу, который говорил им странные вещи. Со временем они привыкли. И жаждали ещё.

Тотль научил их строить дома из дерева. Прочные и тёплые, с каменными очагами, и на толстых бревнах, вбитых в землю.

Затем племя приручило металлы. Руды в окрестных горах и пещерах хватало с излишком. Племя и до этого знало о прочности и долговечности металлических инструментов, но, обработка их была долгой и утомительной. Теперь же племя обзавелось собственной кузницей.

Не более чем до следующего двулуния, поселение из шатров превратилось в маленький городок с деревянными домами.

В тот вечер разыгралась снежная буря. Одна из первых предвестников суровых зимних буранов. Кхаа знал, что она ещё слабая, но все последующие будут на порядок злей.

Что-то будто нашептывало ему, что зима только набирает силу. Он отчаянно пытался осознать всю мощь этого сурового снежного края. Пытался представить, насколько силен здесь ветер, сколько ещё снежных бурь предстоит пережить до того момента, когда из-под жухлого грязного снега начнет проглядывать первая зеленая трава.

За этот месяц его племя старалось максимально запастись всем возможным. Охотники били оленей, а затем по наставлению Тотля вмораживали их туши в лёд, и оборачивали соломой. Женщины

старались собрать последний урожай диких трав, ягод и поздних фруктов. Как-то двое охотников привели самку бизона. Эта зима должна была стать для неё всего лишь второй в её жизни. Они обнаружили её отбившейся от стада, ушедшего в неизвестном направлении. Она была большой и покорной. А ещё давала жирное молоко, которого так не хватало. Они привели ее в лагерь, и обустроили ей стойло. И ещё было много рыбы. Горбатой рыбы, с красным волокнистым мясом.

Кхаа кутался в шкуру, сидя у очага. Его жена в этот вечер была особенно тихой, и всё время загадочно улыбалась. Он пытался понять, что её так забавляет, но решил не спрашивать.

- Ты будто что-то хочешь мне сказать, но хочешь, чтобы я додумал это первым? - спросил Кхаа.

- Может быть и так. - ответила она. Возможно, произошло что-то, что изменит наш мир. Изменит всё вокруг.

Кхаа встал и подошел к Маат. Запустил руку под рубаху, и дотронулся ладонью к животу.

В этот момент где-то на улице завыла собака. Мир снова потерял краски. Все поплыло перед глазами, и перед его глазами пронеслась вереница видений. Маленький розовый человечек в утробе матери; он растёт; потом он уже новорожденный, кричит, лежа в мешанине снега и чужой крови; затем он куда-то бежит, прямо по снегу, босиком, только лишь в тонкой белой накидке. У него светлые волосы, и черные глаза. Дальше - тьма. И крик.

Кхаа сел на пол и начал потирать руку, которую начало покалывать невидимыми маленькими иголочками. В полутьме дома он отчетливо видел крохотные белые искры на кончиках пальцев. Он стряхнул руку, и все исчезло.

- Ты... Ты ждешь ребенка! Это будет мальчик! - закричал Кхаа и радостно схватил свою женщину в охапку.

- Да, - засмеялась она. Я жду дитя.

- Я сделаю все для него! Мой мальчик! Он станет лучшим! Он будет сильным охотником!

- Кхаа, потише, пожалуйста. Откуда ты знаешь, что будет мальчик?

- Я видел это. Когда прикоснулся к твоему животу. Я не знаю, как это происходит, но иногда я вижу вещи, как будто они другие. Как

будто я впадаю в видения.

- И ты увидел нашего ребенка?

- Да. Я видел, как он родился, как он уже мальчиком бежал куда-то.

- Это, наверное, добрый знак.

- Это значит, течение благосклонно к нам. Оно показывает нам, что так и должно случится.

- Какое имя мы дадим ему? - Спросила Маат после небольшой паузы.

- Мы назовем его Туум.

- Ураган?

- Да. Он родится здесь, в суровом холодном краю большого снега. Он вырастет крепким, как бизон, и ловким, как росомаха. И одно только его имя станет предупреждением для каждого, кто решит с ним связаться.

- Это будет хорошо. Давай так и поступим. А сейчас я хочу, чтобы мы вдвоем попросили Праматерь о том, чтобы она послала нашему ребенку достойную судьбу.

Они сидели друг напротив друга, держась за руки. Каждый из них просил у божества что-то своё. Вслух они не говорили. Праматери не нужны были просто сотрясания воздуха, ей достаточно было искренности, и веры. После молитвы Кхаа ещё немного посидел у огня, раздумывая, стоит ли рассказать Маат о всем том, что происходит с ним, с приходом Тотля. Он решил обязательно рассказать всё. Но, не сегодня. Сегодня он был слишком возбужден мыслями о том, что скоро у них родится первенец. Что скоро Маат начнет есть за двоих, и ей нужно будет пить больше молока, есть больше рыбы, и фруктов.

На следующий день Тотль пришел рано утром. За окном было ещё темно. Валил густой снег. Кхаа тихо, стараясь не разбудить жену, собрался, и вышел на улицу, где его уже ждали.

- Пойдём. - сказал Тотль. Сегодня я всё-таки приподнесу тебе обещанный подарок.

- Что за подарок? - Спросил Кхаа, зевая.

- Увидишь. Но, сначала, я кое-что тебе покажу. Этот край полон секретов. Он не перестаёт меня удивлять. Знаешь, я нашел эту штуку совсем недавно. В принципе, ничего особенного, но, всё-равно она мне нравится.

Через час взошло солнце. Кхаа и Тотль стояли на вершине небольшого холма, поросшего чахлыми карликовыми соснами. Внизу расстилалась широкая долина.

- Смотри внимательно. Тебя ничего не удивляет? - спросил Тотль.

Кхаа пристально вглядывался, но не видел ничего особенного. По крайней мере, на первый взгляд. Тогда он решил попробовать смотреть так, как учил его Тотль.

"Взгляд должен скользить по самому краю. Просто отпусти его, стараясь ни о чем не думать. Позволь своим глазам самим зацепиться за что-то необычное. Возможно, ты заметишь это не сразу, но, когда увидишь, развидеть это будет крайне сложно".

Долина, ручей, за ним - густой лес, укрытый снежной шапкой. Ручей мелкий, быстрый, течение разбивает лёд, не давая потоку замёрзнуть. В воде плеснулась рыбина, над водной рябью пролетел зимородок. Ничего особенного.

Здесь, справа...

Справа что-то было. Что-то большое.

След. Будто по земле тащили нечто огромное. Рытвина начиналась у склона холма, и уходила в лес. Даже засыпанная снегом, она явно выделялась в ландшафте.

- Что это? - Спросил Кхаа.

- Это след. От метеорита.

- От чего?

- Ну, такое небольшое космическое тело. Когда-то оно было частью планеты. Возможно, даже, такой, как эта.

- То есть, это большой камень, который упал... С неба?!

- Можешь считать и так. Я бы не стал утверждать, что это камень. Структура там сложная. Там есть углерод, некое металлическое соединение...

- Но, это невероятно. Если бы камни падали прямо с неба...

- Кхаа, успокойся. На самом деле это случается достаточно часто. Просто все мелкие тела сгорают в верхних слоях атмосферы.

Тотль внимательно глянул на недоуменное лицо Кхаа, и продолжил: Они сгорают в небе. Дождя из камней не бывает. Просто этот кусок камня был большим. Он не сгорел целиком, и один обломок упал сюда. Поверь, такое случается очень редко.

- А что если это произойдет вот сейчас? Что если другой осколок прилетит на наш лагерь?

- Поверь мне, вы увидите его задолго до того, как он упадет. Теперь ты спокоен?

- Да.

- А теперь пойдём, глянешь на него. Кстати, я никогда не спрашивал у тебя. Во что вы верите? В Бога, Праматерь, в Бизона?

- Во все сразу. - Улыбнулся Кхаа.

Когда мальчик родился, она сразу поняла, что он особенный. По ночам он не ревел, как остальные дети. Даже когда у него начали чесаться зубы, он перенес это относительно спокойно. Случалось, он плакал, и тогда мать давала ему резную деревянную кость. Он начинал упоительно её кусать, и тогда успокаивался.

Когда она только носила ребенка в чреве, поначалу было тяжело свыкнуться с той мыслью, что его отец больше не появится. Он пришел лишь однажды. Он говорил удивительные вещи. Даже не смотря на то, что выглядел он странно и необычно, она не испугалась его. Высокий и мускулистый, с волосами цвета свежего снега он пришел к ней, и сказал, что она отмечена. Он знал про всё. И про встречу с Лесным Духом, и про зуб, покрытый непонятными письменами, и про её ворожбу с травами. Но, самое главное, он знал, как её по-настоящему зовут. Всё племя знало ее под именем Рата, что значило белка. Настоящее имя, данное ей матерью, она держала в тайне.

Она сама не поняла, как большой белый незнакомец зажег огонь в её сердце. Казалось, они просто сидели и общались у очага. Но, когда зашло солнце, она ощутила желание. Она встала, и спокойно сняла с себя всю одежду. Только покрытый письменами зуб на тонкой веревке остался висеть меж грудей. Он встал, и снял с себя накидку, открывая взгляду белое тело, сплошь покрытое старыми шрамами и рубцами. Рата только удивилась, не в силах сосчитать их.

После той ночи он ушел. Он ушел утром, ещё до восхода солнца. То, что он сказал на прощание, она запомнила очень хорошо.

- Я ухожу, Черная Белка. Не знаю, пересекутся ли снова наши дороги, но знай, если я приду, значит что-то сдвинулось в этом порядке. Надеюсь, этот ребенок соприкоснется с течением, ибо в этом

его главная цель. Не говори ему ничего, но, научи тому, чему посчитаешь необходимым.

Она внимательно посмотрела в его голубые, почти бесцветные глаза, и произнесла:

- Прощай, сын Праматери. Я обещаю, что это дитя будет сильным и мудрым.

Больше она не видела его. Спустя много лет, она поняла, что так даже лучше. И не было никакого осуждения со стороны племени. Не к каждой женщине приходят первые дети Праматери.

Когда мальчику исполнилось шесть зим, он как-то спросил, кто такая Праматерь? Не то, чтобы он не знал про неё, часто вместе с матерью он что-то просил, либо просто спрашивал у неё совета.

И женщина рассказала ему то, что сама когда-то давно услышала от своей матери.

Сначала была только тьма. Безумный и хаотичный поток бесформенного ничего. Это ничего бурлило и клокотело, рождало невероятные формы и тут же поедало их, как Кронос своих первых детей. Поток скрутился в спираль и выплюнул вселенную. Такую же закрученную, как и он сам. Спираль засветилась мирриадами светлячков-звезд. Она бесконечно отразилась от самой себя в потоке, и отражения растеклись в бесконечность.

Вселенная трудилась, и создавала галактики, светила, и, в конце-концов планеты. Планеты были холодны как лед.

Они бесконечно долго выстраивались в собственном, известном только им порядке; иногда их траектории пересекались, иногда - проходили совсем рядом. Некоторые сталкивались, и умирали, теряя свою орбиту, обреченные вечно дрейфовать в бескрайнем космосе. Некоторые после длительных поисков всё-таки нашли себе уютное место под солнцем.

Везде царил порядок и гармония. Все небесные тела встали на свои места, какие мы знаем и по сей момент. Но во всём этом великолепии не было чего-то важного. Всё было пусто и стерильно. Не хватало чего-то важного. Никто не мог оценить всё то великолепие, что создал Поток.

Не было жизни.

Но.

Одна планета, всего одна на миллион. Внутри неё пробудился маленький огонек. Маленький, размером не больше яблочного зёрнышка. Огонек рос, и набирал силу. Жар. Дикое, необузданное пламя, разгоревшись, растопило ледяное ядро планеты. Словно огромное сердце, оно было горячим настолько, чтобы разбудить планету. Это было сердце Праматери.

Праматерь проснулась. Она вышла из недр на поверхность, и первым её чувством, было желание творить. Она отдала часть своей горячей крови, и та огненными потоками выливалась из-под земли. Горячая кровь растопила вековой лёд, и пар уходил вверх, создав небо и воздух.

Пар оседал дождями, и создал воду. Много воды. Праматерь пожертвовала частью своих волос, и те проросли травами и растениями. А затем она отняла свой мизинец, и бросила в океан. Океан поглотил дар, и расплодил его сотнями живых организмов. Они обосновали океан, а затем и всю сушу. Праматерь была довольна своей работой, и долгое время наслаждалась её плодами.

Время шло, и постепенно огонь в её сердце начал гаснуть. Сначала - понемногу, затем - всё быстрее. Она не знала, и не понимала, что ей делать дальше. И когда её сердце сжалось до размера яблочного зёрнышка, пришел он. Он был соткан изо льда и снега. Большой, белый и сильный. Он спустился с маленького спутника этой планеты. Когда Праматерь увидела его, её сердце снова занялось тем жаром, что был вначале. Но, она понимала, что этим жаром она может убить его. Он тоже понимал это.

Он приходил раз в тридцать ночей. Тогда луна была полной, и только тогда он мог спускаться на землю. Он просто был рядом с Праматерью, не прикасаясь к ней никоим образом. Он обдумывал множество вариантов, и уже было смирился с тем, что готов погибнуть ради неё.

Но, неожиданно к планете пристал ещё один спутник - ещё меньше первого. На нем правил большой чёрный лис.

И лис обратился к существу изо льда. Он предложил ему поймать самого большого бизона, которого тот сможет найти, и надеть на себя его шкуру, дабы жар Праматери не погубил его.

Так он и поступил. В очередной раз он пришел к ней в виде огромного белого бизона, и полюбил её. От этого из Праматери вышли

Первые.

Они были сильные, крепкие и выносливые. Бессмертные. От своей матери они взяли любовь к родной планете, а от отца невероятную силу.

Но, лис на своей маленькой луне взревновал. Он наблюдал за всем сверху, и сам захотел овладеть Праматерью. Однажды он тайком взял шкуру большого белого бизона и спустился с неба.

Он ничего не говорил Праматери, а только взял её, безо всякой любви. Так появились люди. Маленькие, смуглые, черноволосые. Век их был недолог, но Праматерь дала им последнюю вещь, какую могла дать. Жертву.

Когда обман раскрылся, Праматерь не могла найти себе место от горя. И только существо изо льда ничего об этом не знало. И когда он в очередной раз пришел, Праматерь, думая, что это самозванец, сорвала с него шкуру, и заключила в объятия. От невероятного жара он был растоплен, и погиб. Только его сердце из прозрачного и прочного льда осталось нетронутым. Ничто не смогло уничтожить его.

Праматерь, осознав, что натворила, едва сама не погибла от горя. Она взяла большое ледяное сердце, и ушла в центр земли. Больше её никто никогда не видел.

- Очень интересная легенда. - Сказал Тотль. Кто рассказал тебе это?

- Мать рассказывала мне, когда я был совсем ещё мальчиком. Тогда я ещё не понимал многих вещей. Но, вот сейчас... - Кхаа умолк на полуслове.

- Тотль?

- Да.

- Скажи мне, это ведь правда? Хоть часть этой истории действительно является правдой?

Тотль медлил с ответом.

- Я не знаю. В том смысле, что ты ведь только сейчас начал что-то такое улавливать?

- Такое ощущение, что все эти вещи, чему меня учила моя мать, спали. И, с твоим приходом они просыпаются. Будто ты подталкиваешь меня, чтобы я вспомнил это. Это так?

- Ты отчасти прав. Я действительно пытаюсь сделать так, чтобы ты вспомнил всё, что передала тебе мать.

- А эти странные видения?

- Какие?

- Тогда, когда на тебя напал медвежий кот, и я его убил. Время замедлилось. Я видел как в последний раз бьется сердце животного, как кровь бежит по его венам. Или прошлой ночью, когда я прикоснулся к животу своей жены, и увидел своего ребенка. Увидел...

- Ребенка? - Переспросил Тотль.

- Да. Маленького мальчика. Я видел как он родился, как бежал куда-то.

- Ты удивляешь меня, Кхаа. Это происходит с тобой независимо от твоего желания?

- Да. В такие моменты мне кажется, что кто-то другой делает и видит за меня.

- Ты боишься таких моментов?

- Нет, ответил Кхаа. Не боюсь. Я верю, что это Поток.

- Поток, или нет, но ты не можешь отрицать, что сила воздействует через тебя. Ты - интуитивный проводник, прости за сравнение. В некоторые моменты ты просто пропускаешь через себя силу, мотивы которой тебе неизвестны. Единственное возможное объяснение этому феномену - это то, что в тебе нет страха. Ты просто принимаешь это как должное.

- Так когда-то давно говорила мне моя мать. Она учила меня не отрицать Поток, если даже я не могу полностью осознать его замысел. Она говорила... Она говорила множество вещей, которые я начинаю понимать только сейчас.

- Как её звали?

- Племя называло её Белкой. Она была травницей. Я пытался познать силу растений, но это, наверное, слишком женское занятие.

- Белка? Отчего именно так?

- Она сама взяла себе это имя. Это обычай для тех, кто соприкасается с Течением.

- Белка, значит.

Тотльзадумался. Он вспоминал её большие чёрные глаза, запах её тела. Смесь пряных трав, коими был пропитан весь шатер.

Генетика странная и непредсказуемая штука, подумал он. Должна же была родиться девочка. Несколько поколений рождались девочки, и ровно в тот момент, когда он был близок к успеху, родился мальчик.

Смышленый, и к тому же, поддающийся силе, но - мальчик. К тому же, его жена сейчас носит плод. И если верить Кхаа - это тоже мальчик.

- Тотль?

- Прости, я задумался. - Ответил тот, и в этот момент обрадовался тому, что маленький смуглый человек не может так просто залезть к нему в голову, и рассмотреть всё то, что лежит на поверхности. Иначе, не было бы никакого доверия, и такой дружбы, которая установилась между двумя их видами в последние месяцы.

- Долго нам ещё идти?

- Нет, мы практически пришли.

Тотль вывел их на поляну, где лежал большой и серый, невзрачного вида камень, почти наполовину скрытый в земле. Старые деревья были свалены полукругом, и засыпаны снегом. Молодые деревья проросли, судя по всему, уже лет сто назад. Камень упал сюда уже очень довольно давно. Кхаа подумал о том, что, возможно, кто-то из его племени мог наблюдать падение небесного тела. Но, судя по следу падения, Сломанная Гора заслонила это зрелище.

- Это и есть тот самый метеорит?

- Да. Как тебе?

- Я надеялся он будет вести себя достаточно необычно, для камня. - Ответил Кхаа.

- К сожалению, это просто камень. Хоть, и из космоса. Радиации здесь давно уже нет, я проверял счётчиком...

- Чего нет?

- Радиоактивного излучения. Это... Ну, это очень вредная штука, просто поверь на слово.

- То есть мы шли очень долго, чтобы просто посмотреть на камень?

- В целом, да, но я думаю, мы можем что-либо выгадать из этого куска.

- Что?

- Пока ещё не знаю. Возможно, немного руды, или минералов. Ладно, я вижу ты не вдохновлён, поэтому пойдём отсюда. Я, наконец-то дам тебе то, что давно обещал.

Пока они пробирались тонкой извилистой тропой, начал идти снег. Он падал неслышно, не нарушая общую тишину. Лес молчал. Не

было слышно ни птиц, ни зверей. Только снег мерно хрустел под ногами.

Когда они пришли к месту, Кхаа весь взмок и раскраснелся. Этим местом оказалась небольшая пещера с низким пологом. Настолько низким, что Кхаа пришлось протискиваться туда, почти на четвереньках. Внутри было тепло и темно. Кхаа мгновение привыкал к темноте, особенно непривычной после яркого снега, и обернулся. Как Тотль с его габаритами попал внутрь, осталось для него загадкой.

- Чувствуешь? - спросил Тотль.

- Запах. Здесь пахнет животными. И ещё немного молоком. Кто здесь живет?

- Не волнуйся. Всего лишь лиса. С выводком. Вот они, в этом углу.

Кхаа посмотрел в угол, и обнаружил там несколько спящих меховых комков. Цвет и пол детенышей из-за почти полного отсутствия света распознать было очень трудно.

- Забирай одного. - Сказал Тотль.

- Забрать себе?

- Да. Это очень удачный момент. Матери сейчас нет, со дня на день он откроет глаза, и совсем скоро начнет сам охотиться. Если первое, что он увидит в своей жизни - будешь ты, он будет считать тебя вожаком до конца своих дней. И будет очень привязан к тебе. Даже отдаст за тебя жизнь, если потребуется.

Неужели, тебя ни разу не посещала мысль приручить рогатого лиса?

- Нет. А что в них такого особенного?

- Ну, по поведению они очень похожи на собак, только более ловкие. Как смесь кошки с собакой. Он станет отличным другом тебе, и твоему... ребенку.

Кхаа минуту обдумывал, стоит ли брать на себя ответственность ещё за одно живое существо, и потянул руку к сгрудившимся в кучку лисятам.

- Не пытайся угадать. Бери наверняка. Почувствуй такого же, как ты. - Голос Тотля звучал очень тихо. Будто прямо в голове.

Кхаа снова протянул руку и закрыл глаза. Через несколько секунд мысли в его голове исчезли. Темнота поглотила его сознание. Он отчетливо понял, что он здесь не один. Рядом был ещё кто-то. Большая рогатая тень. Она заполнила собой почти всё. Она спала. Но, Кхаа

понимал, что когда она проснется, пробудится настоящий лютый зверь. Опасный и дикий...

Если только...

Кхаа подошел к тени, и запустил руку в густую и мягкую шерсть. И начал гладить тень за ухом. Тень шевельнулась. Она открыла глаза. Глубокие зеленые колодцы с вертикальными щелками зрачков. В глазах отображалась целая гамма чувств: удивление, преданность и, неожиданно, дружба.

Кхаа открыл глаза, и снова взглянул на кубло. Его лисеныш был совершенно уникальным. Отличным от других. Кхаа ни за что бы не спутал его с сотней таких же.

Он аккуратно взял лиса в руку. Тот был совсем маленьким, и невероятно горячим.

- Он теперь твой. - Сказал Тотль. У Вас будет очень плотная эмоциональная связь. Он будет хорошо понимать, чего ты от него хочешь, а ты будешь отдаленно осознавать его инстинкты.

- Я назову его Хаас. Это значит тень.

- Это из-за того, что впервые ты его почувствовал в виде тени?

- Ты тоже его таким увидел?

- Не совсем видел. Я почувствовал это, когда оно уже произошло. Как круги на воде. Поверь мне, Кхаа, такие вещи весьма отчетливо отражаются в потоке.

- Я уже давно перестал удивляться твоим словам. Но, я надеюсь, когда-нибудь пойму все те вещи, которые ты говоришь.

- Несомненно. Несомненно, поймешь. - Сказал Тотль. А теперь пойдём. Не очень хотелось бы вести тебя обратно сквозь такой снег.

Кхаа засунул ещё спящего щенка за пазуху, и аккуратно выполз на улицу. В лицо ему тут же ударил мокрый липкий снег. Ветер усилился настолько, что Кхаа пошатывало. Он плотнее укутался, и спрятал руки в карманы.

- Нам надо торопиться. Если успеем, проскочим сердце урагана. - Сказал Тотль.

- Надеюсь, ты разберешь дорогу, потому, что я ничего не вижу.

- Да. Следуй за мной. И не отставай.

Толтль шел очень быстро. Кхаа едва поспевал за ним. Снег и ветер хлестали, казалось, со всех сторон одновременно.

Где-то на середине пути (Кхаа надеялся, что это уже половина) проснулся лисенок. Он начал скулить, и перебирать лапами. Кхаа попытался залезть к нему рукой и погладить, но, на ходу это удавалось с трудом.

Ещё через несколько минут снег и ветер начали стихать.

- Плохо. - Сказал Тотль. - Очень плохо.

- Почему? Ураган же стихает.

- Не в этом дело. Мы сейчас поблизости его сердца. Сейчас температура начнет стремительно падать. Для тебя эта температура может быть смертельной.

Как бы в ответ, в тишине громко лопнул ствол дерева. Звук был похож на гулкий выстрел, прозвучавший издалека.

Ещё через секунду послышался хруст падающего дерева.

- Бежим! Скорее! - закричал Тотль.

Гонка показалась Кхаа бесконечной. Он чувствовал, что вспотел насквозь. От постоянной тряски лисенок жалобно скулил.

- Не потеряй его! Не потеряй его ни в коем случае!

Тотль, в просторной накидке и босиком передвигался ловко, и молниеносно. Кхаа же то и дело спотыкался о ветки и вяз в снегу. В какой-то момент стало невыносимо холодно. Кхаа обернулся, и увидел, как за ним деревья начинают покрываться слоем льда. Ледяная пелена замораживала всё, к чему прикасалась. С шумом и звоном треснуло ещё одно дерево. Кхаа запомнил как оно падало, разбиваясь на мелкие осколки. Будто было и не деревом вовсе.

Когда он повернул голову обратно, он тут же ударился о толстую ветку. От удара он расшиб лоб, и его отбросило на спину. Хаас снова начал скулить. Кхаа попытался подняться, но перед глазами всё плыло.

- Вставай, осталось совсем немного!

Голос Тотля звучал издалека. В ушах звенело.

Мощный рывок, и Кхаа снова встал на ноги. Тотль схватил его за руку, и стремительно потащил за собой. Кхаа почувствовал у себя на запястье невероятный жар от ладони большого белого человека. И хотя он едва чувствовал конечности от мороза, кровь текла из рассеченного лба, а ноги казались мягкими, Кхаа старался придерживаться ритма Тотля.

Совсем рядом с ними взорвалось ещё одно большое старое дерево. Несколько ледяных осколков попало Кхаа в лицо, и

насыпалось за ворот.

Снег под ногами был крепким, и со звоном под хрустел под ногами.

Ещё Кхаа заметил нечто черное и блестящее, стремительно падающее наземь. От падения оно разлетелось вдребезги. Только потом он понял, что это была какая-то птица, замерзшая на лету.

- Быстрее! - закричал Тотль.

В глазах темнело. Кхаа уже не чувствовал ни рук, ни ног. Голова гудела и пульсирующая венка отдавала громкими толчками прямо в мозг.

Последнее, что запомнил Кхаа перед тем, как силы покинули его, был отпечаток босой ноги на льду, и мысль о том, что Хаас скорее всего, замерз...

Дым. Много дыма и жар. Замерзшее тело начинает колоть от тепла, поступающего в организм. Голова болит, а тело воспринимает руки и ноги некими чужеродными отростками.

Голоса.

Сперва тихий женский:

- Куда ты его завел? Что это вообще было? Он мог и погибнуть.

Пауза.

Мужской голос:

- Он бы не погиб. Он сильный. А вот то, что здесь бродят аномальные ураганы, я, признаться, не ожидал.

- Кто бродит?

- В разное время их называли по-разному. Мне нравится название Суховей - оно достаточно точное. Можете называть их так, если хотите. Суть в том, что в самом сердце такого урагана образуется область критически низкой температуры, в которой мало того, что замерзает все живое, холод порой разрывает на куски даже плотные объекты. Деревья, камни.

Но, самое паршивое в них то, что они перемещаются. У них нет самосознания конечно, но, просчитать траекторию их движения крайне затруднительно.

Мы как раз нарвались на такую штуку. Мне и самому не очень приятно сталкиваться с такими вещами, а уж в компании людей...

Кстати, ты покормила лисенка?

- Да. Я не одобряю ваших затей, но, не оставлю же я животное умирать голодной смертью.

- Это хорошо. Он станет отличным другом вам всем, вот увидите.

- Надеюсь, все так и будет.

- Я прекрасно осознаю твоё волнение, Маат, но, уверяю, в ближайшее время я дам вам отдохнуть от моей персоны.

- Ты уходишь?

- Да. У меня появилось одно дело.

- А прощаться с ним будешь?

- Хотелось бы. Он в данный момент не спит, но и не пришел в себя окончательно. Кстати, швы со лба пока не снимай...

- Поверь, это не первая рана, которую я на нём зашиваю, так что я разберусь с этим сама.

- Прости меня, женщина, я всего лишь беспокоюсь за него. А теперь - прощай. Я вернусь; правда не могу сказать когда именно.

- Удачной дороги тебе. Пусть Праматерь бережет тебя...

Темнота.

Жар. И много дыма.

* * *

Судя по всему, это была кожа. Отличная толстая вощёная кожа искусной выделки. Символы были нанесены при помощи раскаленного стилуса. Оттого они сохранились почти в первозданном виде.

Она нашла этот невероятный артефакт у брата в сумке. Ровно перед тем, как уйти. Толстый тубус из прочного металла был необычайно легок для своих размеров.

"Титан" - подумала она и улыбнулась. Исходя из возраста находки, она подумала о том, что титан, как сплав, в этом цикле откроют только несколько тысяч лет спустя. Обратная резьба на удивление легко разделила цилиндр на две части. Внутри было это.

Глифическая система была крайне сложна и непонятна. Даже для человека, который говорил и знал языки, которые давно уже канули в лету, и стерлись из истории упоминания о народах, на них говоривших, это было нелегкой задачей. Оттого у неё возникало ещё большее желание разобраться в том, что здесь написано. Лист был один. И его сверху до низу покрывали причудливые витые буквы.

На первый взгляд здесь не было какой-то системы, или угадываемой грамматики. Некоторые символы и вовсе отличались друг от друга лишь небольшими хвостами, или подчеркиваниями.

И всё-таки было здесь что-то знакомое. Будто зеркальное отображение другого, известного ей языка. И построение текста. Будто стихи или заклинания. А ещё была формула сплава. Карбин плюс палладий. Странное сочетание. Если её знания были точны, такой сплав не возможен в принципе. Так же, как нельзя же скрестить человека и животного. Придется спуститься в библиотеку.

Её личная библиотека насчитывала порядка нескольких сотен тысяч уникальных изданий. Рукописи и первопечатники, каллиграфические копии и цифровые библиотеки. И она всё это прочла. Кое-что даже дважды.

Её звали Ишчель. Она была высокого роста и атлетического телосложения. А ещё у неё были белоснежные длинные волосы, которые она предпочитала заплетать в косу.И время. Очень много времени.

Она в очередной раз развернула лист с выжженными на коже символами. Если её перевод является хоть отделено правильным, то это значит, что грядет нечто нехорошее. Совсем нехорошее.

Глава 4

ГЛАВА 4.

Лис играл с хвостом. Он метался из угла в угол, и кружился на месте, в попытке поймать свой хвост. Внезапно он остановился, дернул ухом, и замер. Затем нырнул в угол, и затаился под лежащей там шкурой. Лис услышал, как где-то рядом толстая белая мышь пыталась прогрызть половицу. Он выжидал. Он чувствовал, что мышь - добыча. В темном углу блестели два глаза с вертикальными зрачками.

Мышь появилась из крошечной дыры в полу. Она осмотрела просторную комнату, и вразвалку засеменила в сторону очага. Хаас ещё секунду выжидал, а затем в три прыжка преодолел расстояние, и одним укусом перекусил мышиную шею.

Лис не доставлял неудобств. Изредка, конечно, он попадался под ноги Маат, отчего та перепрыгивала через него с бормотанием и улыбкой на лице.

За три месяца лисенкок подрос, и на лбу у него начали прорезаться небольшие шишки. Маат часто вспоминала, как он попал в их дом.

Когда Кхаа открыл глаза, было утро. Он попытался встать, но тут же лег обратно. Большую часть мышц пронзала острая боль. Ноги будто бы налились тяжелой аморфной ватой, но, больше всего болела голова. Помимо прочего, она была туго перевязана.

А ещё нестерпимо хотелось пить.

Рядом с ним спала Маат. Кхаа ещё несколько минут не решался её будить, понимая, что, скорее всего, она не спала из-за него целый день. Возможно, и больше. Он снова попытался встать, и от этого движения она всё-таки проснулась.

- Пить. - Прошептал он.

Маат, зевая, протянула чашу с водой, стоящую рядом с лежаком. Кхаа жадно выпил ее, и улегся обратно.

- Ты не спала, когда я был в тенях?

- Я зашила твою голову, и ждала, когда ты проснешься. Я не спала ночь и ещё день. И ещё этот щенок...

- Это лис.

- Что?

- Это лисенок. Его зовут Хаас.

- Ты принес сюда рогатого лиса?

- Да. У нас с ним крепкая эмоциональная связь.

- В таком случае, может быть ты сам вскормишь его своим молоком?

- Не ругайся, Маат...

- Ну, да. Это ведь самое обычное дело. Тебе просто приносят замерзшее и окровавленное тело со скулящим щенком впридачу. И ты разрываешься между двумя мужиками, один из которых требует еды, а второй умирает.

- Прости меня, просто я не знал, что всё так выйдет.

Маат отвернулась и замолчала.

- Это ведь он меня принес сюда? - Спросил Кхаа.

- Да. И я очень рада этому. А ещё я рада тому, что он ушел. И, возможно, надолго.

- Куда ушел? То есть, как, ушел?

- Он сказал, что у него есть одно дело, и он не может сказать точно, когда вернется сюда.

Мысли кружились в голове. Кхаа вспомнил, как они бежали от урагана, который разрывал деревья, и мгновенно замораживал все живое. Он вспомнил, как ударился о ветку и на ходу провалился в беспамятство.

- Он сказал, что это был Суховей. Ты бы не выбрался оттуда без него.

- Я понимаю. Я благодарен ему за это. А где лисенок? С ним всё хорошо?

- Да. Сначала он плакал. О, Праматерь, он рыдал совсем как маленький ребенок! Я думала, что не вынесу этого! Но потом он выпил молока, и уснул. И уснул только тогда, когда я принесла его к тебе.

Кхаа только сейчас почувствовал, что у него под боком, что-то горячее и меховое. Он отвернул одеяло, и увидел его. Хаас заворочался и повернул мордочку к нему. Он потянул носом, и впервые открыл глаза. Глаза были яркого оранжевого цвета.

* * *

Найти её теперь было непросто. После очередной терраформации он сомневался, найдёт ли по памяти дорогу к сестре. Тотль понимал это. Но, ещё он понимал, что если он попытается позвать её, не она одна услышит зов. И тот, о ком он подумал, только и ждёт, чтобы поймать своих брата и сестру одновременно.

Оставался только один способ. Он не давал большой гарантии успеха, однако стоило его попробовать.

Он понимал, что с её любовью к одному месту, она основала своё логово где-то в более уединённом краю. Тотль отправился на юг.

За несколько недель он пересек сломанную гору, и углубился на юг огромного континента. Снег здесь ещё лежал, однако температура была гораздо выше. Ещё через месяц он вышел к побережью океана. Он знал, что за ним ещё один материк с более мягким и влажным климатом.

Этой ночью Тотль остановился на берегу. Песчаный берег с вынесенными водорослями, корягами и камнями простирался на километры, изредка перемежаемый вгрызающимися в воду скалами. Ближайшую скалу обосновали синие чайки, и ветер доносил их ночные крики. В океане плескались какие-то огромные морские млекопитающие. Тотль вспомнил китов. Когда-то давно, в прошлом цикле, они были самыми большими обитателями океанов. В сравнении с нынешними гигантами, они были всего лишь мелкой рыбешкой.

За несколько часов до заката Тотль начал собирать сухие ветки. Он выстроил их конусом, уложив в основание несколько поленьев, толщиной чуть меньше локтя.

Ночью, с заходом солнца он собирался заглянуть в Поток. Поток требовал некой статичной силы. К тому же, время, проведенное в потоке, тянулось медленнее или как некоторые говорили, густело. Вода и огонь служили самыми вероятными катализаторами; и поскольку в воду Тотль лезть не собирался, он выбрал огонь. А если его расчеты верны, то ему потребуются почти сутки, чтобы разглядеть в потоке события, связанные с его сестрой. И огонь должен гореть постоянно. В качестве сиденья Тотль принес к огню большой плоский камень.

Когда океан поглотил последние лучи солнца, Тотль достал два куска кремния, и принялся высекать искру. Костер занялся. Робкий огонек пожирал сначала мелкий хворост и постепенно перекидывался на ветки потолще. Тотль взобрался на камень, подогнул ноги под себя,

а руки сложил на коленях. Затем он закрыл глаза, и начал процедуру оцепенения. Сердце замедляло ритм, снижая подачу крови и кислорода к конечностям. Тело понемногу начало неметь. Когда он довел сердечный ритм до 6 ударов в минуту, он мысленно выпрыгнул из своего тела прямо в огонь.

Сначала он почувствовал боль, как от ожога, а затем огонь превратился в теплую реку красного цвета. Тотль сделал последнее усилие, и выгнал из своей головы все мысли, за исключением одного имени. Ишчель.

Тотль знал, что каждый видит Поток по-разному. Для него он существовал в виде текучей ленты Мёбиуса, впадающей в саму себя. С одной плоскости этой реки срывались маленькие капли воды, и падали в нижнюю плоскость, из которой, в свою очередь, снова в верхнюю, которая, из-за течения становилась нижней. Каждая капля была событием. Он незначительных, вроде полета ночного мотылька, или танца пылинок в утреннем свете; до событий, влияющих на судьбы и жизни сотен и миллионов живых существ. И каждая капля оставляет после себя круги на воде, каждое событие имеет свои последствия.

Поток - это ткань мироздания, в которой одновременно существуют все события всех времен. Некоторые повторяются из раза в раз, некоторые - настолько уникальны, что ещё даже не случились.

Большую часть событий Тотль уже видел, или знал о том, что они произошли. За прошлые два цикла он успел увидеть формирование планеты, её атмосферы, и происхождение живых существ.

Рождение первого человека, и закат целых цивилизаций. Технический прогресс, и рукотворный апокалипсис. Видел атомные взрывы и видел безумцев, устраивавших безумные пляски в честь падения мира. И каждый раз повторялось одно и то же. Вот только в этот перезапуск все как-будто ускорилось.

Тотль встал в этот бесконечный ниспадающий дождь, пытаясь отсеять всё, что не связано с его сестрой.

События мелькали перед его сознанием. И каждое из них требовало внимания. События и их последствия хотели, чтобы их смотрели и запоминали. Тотль понимал, что сосредоточься он хоть на одном, оно полностью завладеет его рассудком. И смотреть его можно будет долго. Бесконечно долго. Здесь, в самом времени, времени не

существовало. Но, там, где сейчас находилось его физическое тело, время шло так, как ему положено идти.

Ишчель.

Поток всколыхнулся, и пошел волной.

Ишчель!

Он увидел её, в водной ряби. Белокожую, с заплетенными в косу бесцветными волосами.

Она держала в руках некий продолговатый металлический цилиндр. Она откупорила его, и в руку ей лег свиток. Символы в свитке были незнакомы ни Тотлю, ни его сестре.

Поток снова пошел рябью, и символы начали свой танец. Они скручивались в спираль и перемешивались. Затем выстраивались в геометрические фигуры, и снова сваливались в кучу.

А потом они начали таять, стекать с листа, и чернильными кляксами растворились в Потоке.

Тотль собирался снова позвать свою сестру, но на листе появился символ. Затем ещё один. И ещё. Между ними были длинные полосы.

Тотль понял, что перед ним - химическая формула некоего вещества. Ничего подобного он ранее не встречал. Тотль сосредоточился, пытаясь запомнить формулу как можно точнее. Каждую букву и цифру, каждое соединение, все малейшие детали.

Поток - весьма сложная в осознании вещь, и порой он показывает то, что наиболее важно, нежели то, что человек хочет увидеть. Тотль помнил это.

Внезапно поток остановился. Всего лишь на секунду. И в эту секунду Тотль разглядел буйный тропический лес. Лес был первозданным и оттого, казавшийся, совершенно непроходимым. Над деревьями, как циклопическое сооружение, высился шпиль скалы (рукотворного сооружения?). И острой верхушкой оно разрезало заходящее солнце.

Видение растворилось в Потоке, и тот снова стал всего лишь свернутой в себя рекой.

Ишчель!

Ответа не последовало. Поток лишь отразил старую картину их последней встречи. Тотль видел и себя, и свою сестру со стороны. Они ругались.

Тотль вспомнил. Он назвал её трусихой, а дальше был долгий и обоюдный поток взаимных оскорблений, и старых обид.

Затем всё пропало.

Пришло время возвращаться обратно.

Костер уже почти прогорел. Тотль медленно восстанавливал обычные для своего тела биоритмы. По тому, как занемели конечности, он прикинул, что просидел в одной позе практически сутки.

Тотль размял руки, и маленькой веточкой вывел на песке увиденную им формулу. Рядом он нарисовал круг, который снизу разрезал треугольник.

Тотль долго смотрел на рисунки на песке, и подозревал, что Поток показал ему это место не просто так. Сооружение, находящееся в тропическом лесу, имеет большую ценность, нежели его встреча с сестрой.

Наступила ночь. Спустя какое-то время высыпали звезды, мириадами точек освещая океан. Тотль так и сидел на камне, глядя в гаснущее пламя. Он принял решение отправиться на поиски увиденного места. Для этого ему требовалось пересечь океан. Однажды он уже сделал это. В тот раз он из ствола прочного и легкого дерева выдолбил себе нечто вроде каноэ с обоюдным веслом. Тогда он оставил его в небольшом гроте, находящемся в естественной скальной бухте. До бухты ему оставался день ходу.

В эту ночь ветер дул с моря, принося теплый воздух с огромного жаркого континента. Тотль решил сделать то, чего он не делал уже очень давно. Он решил выспаться. Он понимал, что это всего лишь рудиментарная потребность его мозга, которую он постоянно игнорировал. А всё из-за того, что создатели наградили его возможность видеть сны. Причем, не просто сны - кошмары. В них всегда присутствовал некий абстрактный ужас, проникающий в самые примитивные участки сознания. Сны всегда напоминали ему, кто он есть на самом деле. Человек. Тотль закрыл глаза, и повалился в сон.

С рассветом он выдвинулся, по пути напившись воды из минерального источника. Этого запаса жидкости ему должно хватить на время перехода, при условии, что он поймает широкое теплое течение, и ни одна из этих огромных морских тварей случайно или

нарочно не перевернет его лодку. Пересекать океан вплавь ему не очень хотелось, хотя он был уверен, что сможет это.

Тотль размотал узлы, и ослабил веревки, стягивающие грубую водонепроницаемую ткань. В тот раз он оставил лодчонку на одном из больших скальных уступов, перемотав мешковиной. Тотль проверил лодку на предмет трещин, и не обнаружив никаких повреждений, спустил её на воду.

Сон, пускай сопровождаемый очередным кошмаром, подействовал на его мышцы освежающе. Через час с небольшим, полоса берега, от которой он отчаливал, виднелась лишь тонкой ниткой на горизонте. Ещё несколько лиг его преследовала синяя чайка, а потом повернула обратно к берегу.

Лёгкие его работали словно меха, а руки не знали усталости. Ритмичные однообразные движения стремительно гнали лодку по волнам. Через два-три дня он должен был поймать течение, и тогда можно будет дать рукам отдохнуть.

На третий день, он заметил небольшую стаю левиафанов. Эти огромные млекопитающие с гладкой толстой шкурой и длинным змееподобным телом поднимались подышать воздухом. Они выпускали огромные столбы воды из горбов, и рассекали волны длинными вертикальными хвостами. Тотль только однажды видел одного из этих гигантов вблизи. Огромное тело, выброшенное волнами на берег. Тотль так и не определил, было ли это самоубийство, как ранее их совершали киты, или животное просто попало в шторм и погибло. Открытая пасть его была набита песком и морскими водорослями, глаза помутнели на солнце, а шкура только начала трескаться. Эволюция в этот раз создала нечто настолько колоссальных размеров, что Тотль не представлял, что составляет кормовую базу этих животных. К вечеру на пир явились первые падальщики. Через несколько дней на пляже осталась груда белоснежных костей, и массивный череп.

Левиафаны остались далеко позади, когда Тотль поймал теплое течение. Про себя он называл его "южной тропой". Теперь можно было немного передохнуть и не грести веслом. Где-то двое суток можно будет идти по течению, лишь изредка поправляя курс.

С заходом солнца пошел дождь. Сначала мелкий, он усиливался с каждым часом. Крепчал и ветер. Легкий бриз, который дул ранее,

набирал силу. К полуночи на Тотля обрушился шторм. Промокший насквозь, он боролся со стихией. Дважды волной опрокидывало лодку, и он оказывался в воде. Весло то и дело, норовило уплыть. Тотль пообещал себе, что в следующий раз он привяжет его к лодке веревкой покрепче.

Шторм утих только к утру. Тотль к тому моменту сбился с курса, и теперь пытался выровнять его. Он понимал, что необходимо сделать это как можно скорее. В противном случае, придется грести ещё два дня, и тогда, чтобы восполнить уровень жидкости в организме, придется пить соленую воду. В полдень он вернулся на "южную тропу".Остаток дня и следующую ночь он лишь изредка работал веслом.

Утром он понял, что плыть ему осталось совсем немного. На воде сидела чайка.

К полудню на горизонте замаячила зеленая полоса берега. Тотль решил сделать последний рывок. Через несколько часов он обогнул риф, и причалил к берегу из черного кварцевого песка.

* * *

Впервые за долгое время он покинул пещеру. Он срезал усы и бороду и надел черную просторную накидку, поверх черных рубахи и штанов. На поясе у него висел ремень с двенадцатью ножами в кожаных чехлах.

Среди ночи он внезапно что-то почувствовал. Что-то настолько родное, насколько же позабытое давным-давно. Присутствие. Кто-то бессмертный объявился в этом мире. И он не скрывался ото всех.

Сигнал был слабым. Очень слабым. И шел он с севера. Откуда-то, с края мира.

Ллотр вышел с закатом. Ночная пустыня приятно холодила. Песчаные дюны простирались на многие лиги за горизонт. Впереди была долгая дорога.

** *

Уже три месяца он не видел Тотля. За то непродолжительное время, что он гостил в этом краю, Кхаа привязался к большому белому незнакомцу. Впрочем, в последнее время у Кхаа хватало куда более насущных проблем.

Беременность жены и забота о лисе, вкупе с суровой зимой, практически не оставляли времени и возможности для долгих

прогулок, и необычных разговоров с пришельцем. Лишь однажды ему приснился сон о том, как Тотль один, в небольшой деревянной лохани плыл по большой воде. Недалеко от него в воде плескались морские животные исполинских размеров.

А ещё он вспомнил вечер, когда они с вершины холма смотрели в небо.

Это случилось незадолго до того, как они угодили в Суховей. Кхаа принес с собой бурдюк со сбродившим мёдом, чтобы согреваться время от времени.

Тотль, по своей привычке, уселся прямо на снег. Кхаа сделал большой глоток, и протянул бурдюк Тотлю. Тот приложился и сказал, улыбаясь:

- Алкоголь? Я подозревал, что дойдет до этого.

- Это мёд из теплых краев, его ещё моя мать собирала. А как ты назвал это?

- Алкоголь. Общее название для напитков с содержанием этилового спирта. Все повторяется. Всё идет по кругу.

- Я не всегда понимаю, о чём ты. И зачем мы вообще сюда пришли?

- Я покажу тебе кое-что. То, чего ты точно не увидишь в теплых местах. А по поводу моих пространных фраз...

Тотль задумался.

Просто поверь, что вы уже не первые люди на этой планете. Уже дважды другие человечества проходили полные циклы. От зари, когда человек начинал отдавать дань памяти мертвым, закапывая их в землю, до открытия генной инженерии, и обратного упадка в примитив, с полным вымиранием и перезапуском.

И это - всего лишь жестокая игра, в которой такие как я - всего лишь фигуры, с определенной программой, не способные просто так уйти с игровой доски.

- То есть всё это зря? Ни моя, ни твоя жизнь не имеют значения?

- Имеют. И играют свои роли. Только это настолько тонкие, настолько и сложные материи, что даже я не способен уловить всю картину целиком.

Ладно, я не затем привел тебя сюда.

Смотри на небо.

Кхаа поднял взгляд на небо. В нем начинали плясать изумрудные искры. Они множились, заполоняя собой небо от края до края. Через несколько минут искры превратились в горящее зеленым и синим пламя, горящее в ночном небе.

- Небесный огонь! - закричал Кхаа.

- Твои предки называли его Подарком Бизона. Когда Праматерь носила в себе Первых детей, Человек-Бизон в подарок растворил в ночном небе часть своего сердца, создав Полярное Сияние.

Появление Сияния в небе, у твоего племени символизировало начало новой жизни.

- Откуда ты знаешь это? - спросил Кхаа

- Я раньше появлялся в твоём племени. Лет пятьсот назад.

- То есть, ты знал моих предков?

- Немного.

Кхаа молчал. Большой белый незнакомец снова озадачил его множеством странных и пугающих слов.

- Тотль?

- Да.

- А как это? Жить долго?

- Поверь, мой друг, это очень непросто. Если бы, ко всему прочему, у меня не было братьев и сестры, я бы, наверное, сошел с ума. Или убил бы себя.

- Но, тебя ведь очень трудно убить.

- У меня высокий болевой порог. К тому же, я не буду просто так стоять и ждать, если меня захотят порезать на куски. Я буду отчаянно стараться выжить, как и любое живое существо. Но, вот сам себя? Очень вряд-ли, но, не исключено.

Кхаа снова замолчал. Он смотрел, как сияние в небе переливается оттенками синего и зеленого цветов. Как оно горит, и принимает причудливые формы. А потом задал вопрос, который тревожил его уже очень давно:

- Он ведь придет сюда? Твой безумный брат.

- Я очень надеюсь, что я успею к тому моменту.

- Ты уходишь? Когда?

- Не прямо сейчас. Но, у меня появилось одно дело, которое заставляет меня отлучиться.

- И что же нам делать?

- Живите так же, как и жили. Ухаживай за женой, и чувствуй Течение. А теперь отправляйся домой. Она начинает переживать за тебя.

** *

Горячий и влажный тропический лес шумел тысячами звуков. Черный песок сменился обычной землей. Стих шум океанского прибоя, и уступил место пению птиц и насекомых.

На второй день Тотль вышел на тропу. Он понимал, что это не звериная дорога. Здесь вполне могло обитать некое примитивное племя. Не то, чтобы он опасался его, просто в таких случаях никогда не знаешь, чего от них ожидать.

За неделю он значительно углубился в лес, и вскоре вышел к подножию горы. Лишь один раз он почувствовал человека. Тот был настолько поглощён охотой на дикого вепря, что не заметил бы, если бы Тотль подошел к нему вплотную.

За пару дней ходьбы Тотль поднялся на вершину. Перед ним открылась панорама бескрайних джунглей, разрезаемых широкой и бурной рекой. В закатном свете лес казался притихшим. Ещё не вышли на охоту ночные хищники, и время казалось, замерло.

Огромный диск солнца медленно опускался. Тотль сел прямо напротив него, и стал ждать. Он закрыл глаза, и попытался "прощупать" все, до чего дотягивался его разум. Он почувствовал больших белых кошачьих, купающихся в водопаде, почувствовал птиц и змей. Ощутил людей, которые жили на деревьях, и мазали свои тела соком некоего растения, отчего кожа их становилась буро-зеленого цвета. Говорили и мыслили они неким странным подобием языка, состоящего из щелчков и свиста.

Тотль почувствовал силу огромного дерева, которое они считали священным. И ещё он ощутил некое покалывание в основании головы.

"Я здесссь. Приходи, пожалуйссста"

Он открыл глаза.

Солнце начало заходить за горизонт, и его ровно напополам разрезал острый шпиль конусоподобного сооружения. Точно так, как показывал Поток.

Глава 5

ГЛАВА 5.

Пять месяцев спустя...

Тотль бежал через лес. Бежал без остановки уже почти двое суток. Он понимал, что даже он в скором времени начнет уставать. Он ощущал слабый, едва уловимый запах собственного пота. Странное, почти забытое ощущение.

А ещё он понимал, что, не смотря на все свои усилия, он опоздал. Инерция сделала все возможное, чтобы не дать ему успеть в лагерь к этим маленьким, но таким важным для него людям.

Метель не прекращалась с тех пор, как он услышал его. Он услышал его жуткий смех, и понял, что Ллотр всё знает.

Это было два дня назад. Сумасшедший ветер бросал снег Тотлю прямо в лицо, застилая глаза. Человек не смог бы выжить в этом ледяном аду и часа.

Он бежал, пытаясь почувствовать хоть что-то. Он пробежал мимо старого дольмена, ощутив единомоментную бурю различных эмоций. Старые воспоминания, возможное настоящее, и несбывшееся будущее, на секунду сплелись в мозгу Тотля тугим узлом. Тотль увидел много реальностей одновременно, но сейчас это только отвлекало. Дольмен выплеснул накопившуюся в нем энергию, и снова заснул.

Когда лес начал редеть, Тотль почувствовал. Почувствовал страх. А ещё много крови и ужаса. Он знал, что сейчас происходит. Бойня. Его брат сейчас устраивает настоящую кровавую баню. Племя не сможет ничего ему противопоставить, и он перережет их всех, как скот.

Тотль остановился. На секунду закрыл глаза, и сделал глубокий вдох. Очень давно он не делал того, что сейчас собирался сделать. Почти тридцать тысяч лет прошло с прошлого раза. Времени на сомнения сейчас не было. Он взглянул на кольцо на своей руке, и мысленно отдал ему команду. Кольцо вздрогнуло, пошло трещиной, и расслоилось сотнями едва заметных глазу капель. Тотль поднёс безымянный палец с пульсирующей металлической массой к носу, и вдохнул её.

Боль. Он уже и забыл, какая она. Он ощущал каждую каплю, пробирающуюся прямо в его мозг. Он закусил большой палец руки, и через секунду тот хрустнул от невероятного усилия. Кость, сухожилия, и плоть превратились в аморфную бурую массу. Ещё через пару секунд боль начала утихать. Палец начал восстанавливаться.

Тотль бежал. Теперь он бежал ещё быстрее, чем раньше. Он понимал, что это ненадолго. На пару часов, не больше. Но, больше ему и не нужно. Последние несколько километров леса он бежал не разбирая дороги. Он сметал деревья, если они мешали ему. Он перепрыгивал через камни и валежник. А ещё он спрыгнул с небольшого холма, пролетел несколько метров, и приземлился прямо на реку, провалившись под лёд. Вода зашипела, клубясь паром. Тотль выпрыгнул из неё одним прыжком и побежал дальше. Одежда мгновенно высыхала на горячем теле. Только его белые волосы покрылись ледяной коркой, превратившись в звенящие сосульки. Впрочем, ему было не до этого.

Дым. Ветер принес запах дыма со стороны бивака. И Присутствие.

А ещё...

"Здравствуй, братец!" - Произнес голос в его голове.

"Ты опоздал к началу. Как видишь, я уже немного порезвился с этими... Этими... людьми. Их кровь такая же красная..."

Тотль отмахнулся рукой, и голос стал похож на едва слышное бормотание.

"НЕ СМЕЙ ПЕРЕБИВАТЬ МЕНЯ!" Крик ворвался в мозг так сильно, что у Тотля брызнула кровь из ушей, и он едва не упал.

"Прости, я, кажется, слегка перестарался. Хаха! Я имел смелость начать это представление без тебя. Но, к твоему счастью, самое вкусное я оставил на десерт. Ты ещё успеваешь. Ну, ладно, хватит разглагольствовать; выходи уже, а то я соскучился по тебе..."

Первое, что Тотль увидел сквозь метель, была кровь. Много крови. И огонь. Ветер уносил черный дым в сторону леса, но раздувал огонь, придавая тому сил.

Сквозь бурю и завывания были слышны крики.

Ллотр был весь в крови. Его лицо и волосы пропитались чужой и, вероятно, своей, кровью. Он был одет в чёрное. Смерть, мор, глад и

чума в одном обличии. Одной рукой он держал за горло девушку. Совсем юную, с короткими, неровно остриженными волосами. Она была одета в тонкую льняную рубаху, едва прикрывающую внушительно выпирающий живот. Во второй руке он держал "росомаху".

- Это она? Она твоя суррогатная самка? Ты не из-за неё спешил сюда? Нет?

Ллотр развернул её лицом к своему лицу. Девушка плакала и дрожала от холода.

- Какая милая мордашка. - Сказал Ллотр.

- Отпусти её! - Сказал Тотль.

- Хорошо. Как скажешь, братец.

Ллотр ослабил хватку, и девушка сделала пару шагов назад, не спуская глаз с человека в черном, как с опасного хищника. Затем она развернулась, и побежала в сторону Тотля, утирая слёзы. На полпути, она вскинула руку, и упала лицом в снег. Из её затылка торчал черный нож.

- Ой, прости, брат. Я, кажется, обознался. - Сказал Ллотр, театрально пригнувшись, и шагая назад. - Я, кажется, убил не того, кого нужно убить. Здесь такой невероятный источник неприкрытой силы, что и спутать несложно.

- Подойди ко мне, и я разорву тебя голыми руками. – Прорычал Тотль.

- Что же ты не сделал этого в прошлый раз? Что остановило тебя? Вы троём не смогли убить меня тогда, и тут ты закинулся колечком, и думаешь, что я не выстою против тебя?

- У меня появился хороший шанс узнать это.

Ллотр несколько секунд внимательно смотрел на своего брата, а затем рассмеялся. Он смеялся громко и от души, а его каркающий хриплый смех разносился над биваком, перекрикивая метель.

Когда Ллотр пришел, все в лагере уже спали. Он видел их сны, чувствовал тепло их тел. Здесь было около сотни этих мелких недоразвитых существ, которых слабо можно назвать людьми. Ллотр ухмылялся. Он почувствовал неприкрытую силу ещё шесть месяцев назад. Сначала он думал, что Тотль или Ишчель наконец-то перестали скрываться от него. Он отправился вслед за едва уловимым сигналом.

И только в последний месяц он смог определить точное местоположение источника.

Женщина, которая носит ребенка двух миров, сама не подозревая этого. Нет, конечно же он не станет под покровом темноты вытаскивать её из дома с теплым очагом на улицу. Не перережет горло в её собственной кровати. Ему нужно дождаться самого главного зрителя этого спектакля. Чтобы в конце второго акта, когда его брат напьется собственной крови, торжественно вынуть ещё не сформировавшийся плод прямо из матери. Взять самый большой нож, и устроить одно из самых грандиозных, кесарево сечение. Самое-самое настоящее.

Его брат почувствовал неладное, покинул свою уютную теплую нору, и сейчас торопится к первому акту.

В антракте я подам огонь. С дымком.

- Акт первый! Каша из снега и внутренностей! - вскрикнул Ллотр и засмеялся.

Он облизнулся, когда кровь брызнула ему на лицо и губы.

"Первая кровь всегда сладкая"

Он решил начать с маленьких ножей. Он взял два "когтя" и начал рвать всех, кто попадался ему на пути.

Первой жертвой стал какой-то низкорослый бородач, который через секунду после того, как увидел Ллотра, одной рукой схватился за нож на поясе, а второй за разорванное под правым ухом горло. Второй коготь вспорол лицо и мозг его жене. Оба не успели даже вскрикнуть.

"Как-то здесь темно. Нужно добавить немного света"

Ллотр зашел в первый попавшийся дом, и обнаружил его пустым, за исключением щенка, похожего на маленького медведя. Щенок скулил, и жался в угол, при виде вошедшего. Ллотр босой ногой начал раскидывать горящие в очаге поленья, пока одна из деревянных стен не занялась пламенем.

На улице лаяли собаки. Сквозь ветер Ллотр не мог опознать точное их количество, но он видел их теплыми, стремительно приближающими тенями. Первая собака с абсолютно черной густой шерстью прыгнула, метя ему в лицо. Ллотр развернулся корпусом вполоборота, и правой рукой схватил её за голову. Пальцы с хрустом раздробили собаке череп, а пальцы сдавили мозг. Собака упала, дергая ногами, и обильно поливая снег горячей мочой.

"Хороший пёсик. Послушный. Где же твои друзья, собачка?"

Остальная свора окружила его, рыча и бросаясь. Ллотр расправил плечи, и сам зарычал. Один пёс из своры поджал хвост и уши, и человек сам бросился на него, скаля зубы. Его зубы с хрустом перекусили толстые шейные позвонки собаки. Собака осталась жива, но парализована. Слыша её скулеж, свора начала пятиться, не спуская глаз с безумца. Ллотр бросился на следующую собаку, и свернул ей шею. После этого собаки бросились врассыпную. Он в два прыжка догнал одну из собак, и вонзил оба ножа ей в бока; затем вытер "когти" об рукава одежды и убрал их в ножны.

"Идите к папочке, мои близняшечки."

Затем достал два следующих ножа. "Медведя" и "росомаху". Большие клинки удобно легли в обе ладони. Они жаждали крови.

Ллотр стоял с клинками наизготове. Рядом с ним лежали четыре собачьих трупа. На него уже шла толпа, вооруженная ножами разной длины и формы: из кости, из камня, из металла. Он хрустнул кистям рук и бросился в человеческий поток.

В этот момент он чувствовал себя мясником на бойне. Смотря на человеческие тела, даже ночью, при сполохе огней, он видел их как анатомические манекены. Каждую мышцу, каждую кость. Он бил каждого, кто попадался. Тонкое острое лезвие "росомахи" разрезало вены и артерии; толстое клиновидное - "медведя" отделяло кости одну от другой.

Невысокий коренастый мужчина, голый по пояс, с покрытой синими татуировками грудью, ловко увернулся от одного из клинков, и его кривой костяной нож вошел Ллотру в правый бок по самую рукоять. Ллотр резко выкрутился, и "медведь" снизу вверх разворотил мужчине грудную клетку. Тот упал на колени, держась руками за торчащие кости. Голова его свесилась на грудь, и он застыл в этой позе. В этот момент Ллотру на спину прыгнула женщина, вереща, словно дикая кошка. Два игловидных ножа, длиной не больше пальца пронзили основание шеи с двух сторон. Он дернулся, но, женщина вцепилась крепко. Тогда он резко упал на спину, и улыбнулся, услышав хруст костей. Поднявшись,он бросил взгляд на тело. Пальцы мёртвой хваткой сжимали рукояти ножей, а тонкая женская шея была вывернута под неестественным углом. Взгляд был устремлен вверх, а на глаза начал налипать мокрый снег.

Пока Ллотр крутился на месте, отсекая конечности, и вспарывая напиравшие тела, он краем глаза заметил несущуюся прямо на него тень. Однако, увернуться он не успел. Толстое бревно, более двух ладоней в поперечнике, со свистом ударило его в висок. От удара, бревно треснуло пополам, а Ллотр на секунду потерял равновесие. Правый глаз залило кровью из рассеченной кожи.

"Мне определённо начинает это нравиться. Давненько я так с дикарями не развлекался. Жаль, что их тут так мало".

Ударивший, хотел было ударить обломанным краем, но Ллотр ушел корпусом в сторону, и вонзил клинок человеку прямо в глаз.

Толпа редела. За несколько минут Ллотр вырезал всех, кто вышел на улицу.

"Смотрите, как много здесь красного снега!"

Он стоял в самом центре устроенной им мясорубки. Вокруг него лежали изувеченные мертвые тела, отсеченные конечности, и внутренности.

Ураган бросал мокрые хлопья снега на землю, и они моментально пропитывались красным.

Ллотр видел, что в живых осталось всего две самки. Причём, обе были на сносях. Он начал идти к ближайшему дому, в котором пряталась одна из них. Когда он вошел, девушка неловко набросилась на него, и он просто наотмашь выбил нож из её рук. Затем схватил за шею, и выволок на улицу.

- Ох, и не повезло же тебе, девочка. Папочка не смог удержать своего дружка в штанишках, и сделал тебе ребеночка. Но, этому ребеночку нельзя появляться на свет, понимаешь?

И тут Ллотр почувствовал своего брата. Он повернулся к девушке и спросил её:

- Не хотите ли подышать свежим воздухом?

Тотль атаковал первым. Он использовал единственное преимущество, которое у него было. Кольцо усилит его. Ненадолго, но можно рассчитывать, что удастся увести женщину с ребенком из этого ада.

Промах. Ллотр был очень быстр и без допинга. К тому же, вооружен ножами из метеорита. Он вертел ими с такой скоростью, что издалека они были на лопасти безумно вращающейся мельницы.

Ллотр бил и нападал без остановки. Сначала он сделал несколько ложных выпадов, затем целенаправленно метил в грудь и голову. Тотль не без усилий уходил от большей части ударов, остальные отбивал руками. О нападении не могло быть и речи. Ллотр явно преуспел в обращении с холодным оружием ближнего боя, со времен их последней встречи. Руки Тотля медленно покрывались плохо заживаемыми ранами. Раны ужасно ныли. Руки тяжелели. Ллотр сделал фальшивый выпад. Ещё один. И когда Тотль открылся, парируя очередной удар, его брат по рукоять вонзил нож ему в плечо. Толстое лезвие вошло прямо в сустав. Оно клином раздвинуло кости, пресекая всякую возможность быстрой регенерации. Правая рука повисла как плеть. Тотль, шатаясь, сделал несколько шагов назад. Он попытался вытащить нож, но Ллотр мощной подсечкой сбил его с ног. Тотль рухнул в снег.

- Эх, братец, а драться-то ты с прошлого раза так и не научился. Ладно, полежи тут немного. Я приведу оставшуюся брюхатую самку. Это ведь из-за неё ты мчался сюда сломя голову? Я ждал тебя. Я не хотел, чтобы ты пропустил такое увлекательное зрелище.

Тотль хотел было подняться, но Ллотр одним быстрым прыжком и взмахом руки пригвоздил Тотля к земле. Длинный нож прошел через лёгкое и застрял в мёрзлой земле.

Тотль стиснул зубы от боли, но не произнес ни слова. Во рту стояла кровь. Дышать становилось тяжело.

- Прости, братец, но, я разделаю тебя чуть попозже. А сейчас, прошу меня извинить, я на минутку отлучусь.

Снег сделал его сначала размытой фигурой, а затем - всего лишь тенью. Тотль понимал, что если он сейчас ничего не сделает, то погубит и себя, и ребенка. Работая левой рукой, он вынул один нож из предплечья. Рука снова обрела чувствительность. Сустав восстанавливался, но, медленней, чем хотелось бы. Он пошевелил пальцами. Нехотя, они едва слушались. Второй нож поддался с трудом. Он вышел с каким-то отвратительным чавкающим звуком. В груди похолодело от морозного воздуха. Тотль встал. Ему хватило секунды, чтобы осмотреть побоище, и понять, что его брат убил их всех.

Кхаа лежал с открытыми глазами, и развороченной грудью. В руке его был черный нож. Тотль разжал застывшие пальцы, и был неожиданно удивлён. Небольшой нож из чёрного метеоритного

металла больше напоминал жало насекомого. На рукояти была гравировка "А.Т."

Перед ним был тринадцатый нож. Тот, про который не знал никто. Тотль взял его в руку, и ощутил холод клинка.

"Его имя - шершень" - прокричал ветер.

Ллотра ждал сюрприз. Когда он вошел в хижину, на него набросилось нечто, что он сначала не смог идентифицировать. Некая рогатая чёрная тень метнулась на него из угла, и вцепилась в шею. Крепкие острые зубы впились в горло мёртвой хваткой. Ллотр отчаянно шарил руками, пока не ухватил это нечто за рога, и с силой отшвырнул в угол. Это стоило ему хорошего куска плоти. Левой рукой он зажал кровоточащее горло, а правой вынул "лесную кошку". Обоюдоострый, с зазубринами нож, который наносил больше урона на выходе.

Тварью, осмелившейся напасть на него, оказался рогатый лис. Крупный самец, с широкими крепкими рогами, и густой черной шерстью. Ллотр не ожидал, что это животное, мало того, что дало приручить себя, но ещё и так отчаянно защищало своих хозяев.

Лис понял, что чужак ещё жив, и бросился на него снова. На это раз Ллотр был готов. Он одной рукой ухватил лиса за рог, и повалил на спину. Затем вогнал нож ему в грудь. Лис заскулил. Дробя ребра, и разрывая легкие, нож вышел обратно. Хаас затих и отправился к своим лисьим богам.

Женщина с рыжими волосами, сидевшая в углу, тихонько пискнула, и закрыла рот обеими руками. Ллотр повернулся в её сторону, всё ещё зажимая рукой горло. Кровь остановилась. Он отнял руку, и Маат увидела, как затягивается его рана. Он прокашлялся.

- Доброй ночи! Значит вот кто у нас тут роженица? Есть жалобы? Тошнит по утрам, головокружения? Кесарить будем, или вы сами справитесь? Что же это я такое говорю, конечно же будем делать кесарево.

Он хрипло и закатисто рассмеялся.

- Будь у меня побольше времени, я бы с тобой порезвился.

- Прочь отсюда, Чёрный Лис!

- Думаю, это должно значить нечто оскорбительное?

- Если ты сделаешь хоть шаг, я выцарапаю и съем твои глаза!

- Да ты, никак, с характером. Даже жаль, что придется тебя убить.

Ллотр в два шага добрался до Маат и крепко схватил её за руку, выволакивая её на улицу. Она сопротивлялась, царапала его когтями, и осыпала проклятиями. Поток проклятий прекратился только когда она вцепилась зубами в его руку. Он стряхнул её, и, развернувшись, ударил её тыльной стороной ладони по лицу. От удара голова её с хрустом дернулась в сторону, но сознание она не потеряла. Маат ощущала, как течет кровь из разбитого носа, как набухает синяк на скуле. В ушах стоял звон. Возникало ощущение, что ударившая её рука была целиком отлита из металла.

В тот момент она поняла, что пропала. Она осталась последней из своего племени. Этот незнакомец убил всех, чтобы добраться до неё, и до ещё не родившегося мальчика. Она прокляла всё в мире.

И ровно в этот момент она ощутила сразу две вещи. Первое: она отчетливо почувствовала как внутри неё проснулась девочка. Кхаа ошибся, когда он увидел, что у них будет мальчик. Это была девочка. Она взбрыкнула, и это принесло Маат некую приятную боль. Она ощутила своё дитя целиком. Ощутила, как та просится наружу, ощутила большую силу, скрытую в ней. Она поняла, почему один из первых детей пытается её убить, а второй изо всех сил - спасти.

А второй вещью был Тотль. Она поняла, что он пришел на помощь за секунду до того, как тот появился.

Ллотр даже не успел ничего понять. Он толкнул дверь и ровно в этот момент его брат одним движением вогнал нож ему в голову. Нож прошел через глазное яблоко, и достал до мозга. Ллотр на секунду застыл, а потом упал на пол. Уцелевший глаз его так и остался открытым.

- Я знала, что ты спасешь нас. - сказала Маат, освобождаясь от хватки Ллотра.

- Одевайся. Нам надо уйти отсюда.

- Но, ребенок? Он сейчас появится. Я чувствую это.

- Тем более, одевайся. Я должен сжечь это место.

Маат быстро оделась и вышла на улицу. Тотль взглянул на бездыханное тело своего брата. Он знал, что Ллотр не умер. Если оставить его так, с ножом в голове, это даст всего лишь день. Максимум два. Потом он очнется, и начнет искать их.

Тотль разворотил камни в очаге, и разбросал горящие поленья по дому. Дом понемногу занялся. Запахло жженными волосами, и горелой

плотью.

Сначала он тянул её за собой, крепко схватив за руку, но, поток адреналина в её крови быстро иссяк, и она начала падать на колени.

Он сделал всё возможное, чтобы она не увидела ни бойни, которую устроил его брат, ни мертвого Кхаа с развороченной грудью. Он просто увел её в сторону леса, заранее зная, что она не выживет в любом случае.

И только сейчас Тотль понял, что может позвать свою сестру, не опасаясь, что их услышит посторонний.

"Сестра! Пожалуйста, отзовись! Ллотр нас не слышит. Мне очень нужна твоя помощь."

Затем он добавил:

"На доске появилась ещё одна белая фигура".

В этот момент Маат закричала.

Она лежала на шкуре, которую надела перед уходом. Из одежды на ней была просторная светлая рубаха, которая уже успела пропитаться потом. Маленькая грудь ходила ходуном.

Тотль понимал, что эти роды будут для хрупкой рыжей женщины первыми, и, к сожалению, последними. Плод слишком большой, и слишком сильный. Удивительным было то, что она вообще выносила это дитя.

Она кричала и сжимала руку Тотля. Из глаз её текли слёзы.

Через четверть часа всё было кончено. Ребенок появился на свет, и к удивлению Маат, это оказалась девочка. Девочка с яркими голубыми глазами. Маат взяла её на руки, рыдая от смешанной гаммы эмоций. Она в один день потеряла всех близких людей, и вот теперь человек, повинный в их смерти, спас её и помог появиться её ребенку.

- Как ты назовешь её? - спросил Тотль.

- Кхаа думал, что родится мальчик и мы назовем его Туум, что значит ураган. - Ответила Маат.

Тотль молчал. Он видел, как у женщины открылось кровотечение, и он уже ничем не сможет ей помочь. Через несколько минут она умрет от потери крови. Она даже не думала об этом. Она думала только о ребенке.

- Тэйя - сказала Маат больше сама себе. Голос её был тихим, словно далекое эхо. - Это значит "Буря".

- Она действительно станет сильной. Я обещаю.

- Тэйя. Девочка моя...

Тотль видел, как жизненные нити Маат обрываются. Как останавливается её сердце, как стекленеют глаза.

Тотль аккуратно взял кричащую девочку на руки, и обтер снегом.

Он держал на руках маленькое создание, завернутое в шкуру, и понимал, что ради него он погубил уйму народа.

Теперь нужно сделать всё необходимое, чтобы девочка выжила. И выросла.

Тотль собирался ещё раз позвать сестру, но услышал: "Я здесь брат. Я всегда была рядом. Просто подожди немного. Я пришлю за тобой."

Снег стихал. Метель перестала. Последняя снежная буря отыгралась, и теперь на сломанную равнину придет короткая весна. Только здесь уже не будет никого, кто её увидит.

Из леса вышел бизон. Он был внушительных размеров, с низко опущенной головой, и грустными глазами. Тотль понял, что Ишчель прислала за ним транспорт. Он помнил, что когда-то давно она увлекалась подобными штуками. Видимо, она весьма преуспела в этом.

Бизон бил копытом, и трусил головой. Тотль аккуратно взобрался на него, одной рукой вцепившись в загривок животного, а другой - держа сверток с ребенком.

Они стремительно двинулись в путь.

* * *

- Ты и вправду считаешь, что это самое разумное, из того, что ты мог сделать?

- Да.

- Да ты никак, из ума выжил! Ты миллион лет шлялся не пойми где, и вот так, внезапно: "Здравствуй, сестрица, а не хочешь ли ты мне помочь? Кстати, подержи у себя ребенка. Недолго, лет двенадцать-тринадцать."

- Тише, пожалуйста. Ты её разбудишь.

- Да это ни в какие ворота не лезет!

- Ты и дальше собираешься упражняться на мне в остроумии, или всё-таки выслушаешь?

- Я не желаю ничего слушать. Ты заварил эту кашу, тебе её...

- Да послушай же ты меня! Будь добра сядь, и прими всё нижесказанное к сведению.

- Нет уж!

- Ты не можешь вечно бежать от этого. В прошлый раз ты удрала, поджав хвост. Думаешь, я забыл? Ты предпочла уйти, и сидеть здесь, вместе со своими уютными книжечками.

- А чем вы лучше? Вы тогда устроили натуральную бойню, в которой полегли, попрошу заметить, и мои братья тоже!

- Пойми же ты, это, возможно, наш единственный шанс.

- Эта девочка?

- Да. Эта девочка.

- Что же в ней такого особенного?

- Вот об этом я, собственно, и хотел рассказать.

Она уникальна в плане генетики. Видишь ли, не смотря на внешнее сходство, наше с людьми ДНК немного отличается. Не благодари за урок биологии, просто помолчи. Скрещивание видов зачастую имеет крайне неожиданные последствия. Попрошу заметить, ты, насколько я помню, не пыталась зачать потомство от обычного человека. Я прав, да? Так вот, помимо этого мы чаще всего стреляем холостыми. Я знаю, о чём ты сейчас думаешь. Ты пытаешься сообразить, скольких женщин я соблазнил, в надежде на потомство. Поверь мне, достаточно. Не делай такое лицо. Я, в конце концов, мужчина со своими потребностями.

Многие дети либо рождались с аномалиями, либо умирали в младенчестве. Человеческий организм не в силах выдержать такого интенсивного развития. Как физически, так и в плане мозговой активности. К тому же, мне нужна была женщина со склонностью к силе. Ты ведь понимаешь, о чём я. Вся эта затея продолжалась долго. Пока, относительно недавно я не наткнулся на одно из примитивных племен. Не могу сказать наверняка, но, мне кажется, склонность к Восприятию силы передавалась у них по женской линии. Причем, продолжалось это в течении нескольких поколений. Не знаю, в чём тут причина, может быть из-за природных мутаций. И тут я решил рискнуть. Я надеялся, что родится девочка, но, у Инерции своё, особое чувство юмора. Родился мальчик. Я уже собрался, было, ждать другой возможности, но мальчик внезапно, начал пользоваться силой. Он был сообразительней остальных, сильнее, чувствительней. В последний

год, он и вовсе поражал меня. И тут внезапно, он зачал ребенка. Вернее, было очевидно, что до этого дойдёт, но, когда он рассказал мне о своих видениях, я понял, что природа сделала всё гораздо аккуратнее, чем я мог предполагать.

Эта девочка будет такой же, как мы, понимаешь? Она будет развиваться быстрее, жить дольше. Возможно, она пробудет на пике своей зрелости тысячу лет, прежде, чем старость доберется до её тела. Но, самое главное, она будет невероятно сильной. Настолько, насколько это потребуется. Я знаю, что ты хочешь высказать. Ты думаешь, что я создал искусственно выращенный организм, для одной только цели? Знаешь, что? К моему стыду, ты права.

Не нужно испепелять меня взглядом. За долгие годы я усвоил то, что мы даже объединившись, не можем потягаться силой с Ллотром. Наша сила компенсируется в зависимости от нашей численности. То есть, он один будет силен настолько, насколько мы вдвоём. Единственно возможный, но, не самый приятный, выход из этой ситуации - остаться в живых кому-то одному из нас. И так было ровно до того момента, пока не появился этот ребенок. Её сила - сама по себе. Если она научится грамотно с ней обращаться, она будет сильнее нас всех вместе взятых.

- И ты решил отдать эту силу мне на воспитание?

- Пойми, Ишчель, я не смогу растить её чисто физически. К тому же, Ллотр будет искать её. Я попытаюсь сбить его со следа. Как можно дольше.

- Каким образом, расскажи пожалуйста?

- Остаток силы.

- Что, прости?

- Остаток силы. Это небольшое количество дремлющей энергии, оставленное в неодушевленном предмете, или в месте силы. В какой-то момент, она все-таки выплеснется, и будет действовать как маяк. Ллотр обязательно её почувствует, но, издалека оно будет казаться, что это кто-то из нас. Говоря проще: Ллотр будет гоняться за призраками.

- Интересная затея. Возможно, она даже сработает. Признаться, меня смущает только один момент. Помимо того, что ты будешь постоянно мотаться по миру.

- Какой же?

- Где же ты, умник возьмешь столько силы? Активировать один маяк - можно; много энергии на это не уйдет. Но, твои ресурсы тоже не бесконечны.

- Ты права. У всего есть цена. Я буду расплачиваться своей силой.

- Ты ведь понимаешь, чем это грозит?

- Да.

- И ты сознательно пойдешь на это?

- Да.

- Ради этого человеческого ребенка, и эфемерной возможности убить брата?

- Ответ положительный.

- Прекрати. Через несколько лет ты просто состаришься и умрешь.

- Я осознаю это.

- И всё же...

Тотль взял сестру за руку.

- Ишчель. Пойми меня. Эти маленькие смертные люди верили в то, что Праматерь дала им последний свой дар. Жертву. Я согласен принести в жертву самого себя. В конце концов, это ведь и делает нас людьми.

Тотль спал на просторной кровати, застеленной черным шелком.

Ишчель сидела в кресле напротив. Она смотрела на него, пытаясь сосчитать количество шрамов, появившихся с прошлого раза. И сбилась со счету, где-то в районе правого плеча. Она ещё о многом хотела поговорить с братом, но, как только открывала рот, мысли путались. Когда вы не видитесь с человеком один день - вам есть что рассказать друг другу. Но, когда прошло тридцать тысяч лет - вы даже не знаете, с чего начать разговор.

На руках у Ишчель был ребенок, укутанный в белую волчью шкуру. Она впервые в своей бесконечно долгой жизни кормила кого-то грудным молоком. Девочка спала. Она не плакала и не ворочалась во сне.

Ишчель гладила её высокий лоб, и поняла, что даже не удосужилась спросить у брата имя этого ребенка. Она посмотрела на Тотля. Ему в очередной раз снился кошмар.

Ему всегда снятся кошмары.

* * *

Кхаа сперва не понял, что произошло. Он услышал крики и собачий лай на улице. Маат встрепенулась.

- Что там такое? - Спросила она.

- Не знаю. Сиди здесь, и дожидайся меня. Или Тотля. - сказал он.

На улице бушевала метель, и горел один из домов. Пламя, раздуваемое ветром, подбиралось к следующему дому, казавшись ненасытным животным. Вдалеке мелькали тени.

Кхаа схватил нож, и почувствовал целую бурю эмоций. Запах крови, первобытный животный азарт, безумную, неукротимую силу. И злобу. Он понял, что случилось, но, ничего не стал говорить жене. Он знал, что рано, или поздно придет тот, кого он так боялся увидеть.

Он пришел. Он был очень похож на своего брата. Телосложение, рост, цвет волос - все было в точности таким же. Вот только лицо. Покрытое шрамами, оно будто застыло в постоянной безумной улыбке. И глаза были другими. Пустыми.

Кхаа понимал, что его племени не выстоять против этого существа (он даже не думал о Ллотре, как о человеке). Он видел, как тот расправляется с мужчинами и женщинами. Видел, как он наносит нечеловеческой силы удары. Как с одного замаха, отделяет голову от туловища. Видел. И понимал. Ллотр не убивает. Он только забавляется.

Кхаа говорил, и практически не слышал сам себя. Но, он верил, что та, к кому он обращается, слышит его.

- Праматерь. Позволь мне умереть быстро, и уйти туда-откуда-нет-обратного-пути. Присмотри за моей Маат, и не родившимся ребенком. Дай им сил не умереть сегодня. И крепко держи мою руку, которой я собираюсь сразиться с твоим первым сыном.

Всё случилось быстро. Большой белый незнакомец двигался молниеносно. Кхаа почувствовал холод в груди, и понял, что кровь уходит из него. Он опустил глаза, и увидел большую дыру в груди. Правой рукой он продолжал сжимать свой нож из черного металла. Дышать было тяжело. Рот заполнился кровью.

Мир перед глазами расфокусировался. Все замерли в неестественных позах. В воздухе зависли брызги крови.

- Праматерь? Ты меня слышишь? Почему твои дети убивают друг друга? Почему Сын Бизона убивает Детей Черного Лиса?

- Ты ведь знаешь главное правило? - произнес голос в его голове.

- Кажется, да. Это единственный дар, который мы получили?

- Да. Всё правильно. Это жертва. И я её принимаю.

Кхаа улыбнулся и почувствовал, как растворяется в темном густом ничто. Оно застилало глаза до тех пор, пока не осталось ничего, кроме тьмы.

Голос.

- Кхаа!

- Да, Праматерь.

- Хочешь услышать окончание истории?

- Да, Праматерь.

- Тогда слушай. Когда Я забрала сердце Белого Бизона, и ушла к ядру земли, где было тепло, Чёрный Лис рассердился. От своей злобы, он иссохся настолько, что его черное каменное сердце выпало из него. Собрав все свои оставшиеся силы, он взял его, и бросил на землю, сотворив последнее своё проклятие:

Пусть всяк, владеющий осколком,

Распоряжается им с толком.

Из камня сотворит ножи

И у детей отнимет жизнь.

Глава 6

ГЛАВА 6.

В разные эпохи его звали по-разному: Кетцалькоатль, Локи, Тифон, Шакти, Дахак. Суть оставалась одна. Змей. Серпент. Олицетворение человеческих страхов перед пресмыкающимися, во плоти.

Племя местных людей не просто поклонялось ему. Они ещё и кормили его своими сородичами. Тотль как раз застал ритуал кормежки. Когда стало темно, пришла небольшая группа людей, с коптящими факелами. Одного из людей, не связанного, вели под руки. Двое помощников насильно опустили мужчину на колени, предварительно разрезав и сорвав с него некое подобие укороченных штанов. Из одежды на нем не осталось ничего. Затем, ещё один (Тотль чувствовал, что это был жрец) с деревянной чашей, с рук напоил его пахучей патокообразной жидкостью. Человек закашлялся, но проглотил всё без остатка. Тотль понимал, что жертва добровольно решилась на подобную участь.

Спустя несколько минут человека развязали, и подняли на ноги. Голова его упала на плечо, а руки повисли плетьми. И только ноги оставались подвижными. Человек сделал несколько неуверенных шагов, а затем вошел в портал шпилеобразного храма, под монотонное бормотание шамана. Группа людей так и осталась стоять, пока жертва не скрылась в темном проёме. Несколько минут царила тишина, прерываемая лишь ночными насекомыми. Затем раздался крик. Он был долгим и протяжным. И оборвался в один момент; будто кто-то просто выключил звук. Группа людей развернулась, и молча скрылась в дебрях тропического леса.

Тотль чувствовал, что змей сейчас заглатывает пищу. Он ощутил его удовлетворение от поедания человеческого тела, от слепой покорности своему богу, и постепенное ослабление животного голода. Тотль вышел из зарослей, и шагнул в логово бога-змея.

Темнота сначала окутала его целиком, а затем начала постепенно отступать. Тотль на несколько минут закрыл глаза, настраиваясь на темноту, а когда открыл их, отчетливо видел всё. Прямо перед ним

была ровная круглая площадка, с одним проемом, уходившим вниз. Ступенек в спуске не было. Либо, они стерлись очень-очень давно.

Тотль на секунду подумал о том, что, возможно, проем будет для него мал, но, когда начал аккуратно спускаться вниз, понял, что те, кто возводил это сооружение (либо довершал начатое природой), были, явно больше него по габаритам.

Спуск в сырую и пахнущую плесенью темноту продолжался несколько часов. Тотль чувствовал присутствие змея, и знал, что тот, в свою очередь, чувствует его. Но, змей вел себя тихо. Лишь изредка эхо приносило отдаленное шуршание, похожее на шепот.

Когда над землей было уже за полночь, Тотль спустился в огромный зал. Грубо отесанные колонны, расположенные по кругу, выступали прямо из стен. Везде царил вид запустения. Вот только пыли па полу не было.

Рядом с одной из колонн был проем, уводящий, судя по всему, ещё глубже. Сначала Тотль услышал грубый низкий голос:

"Здравствуй, белый братец. Добро пожаловать в мою нору"

И только потом из проема вышел человек. Одежды на нем не было.

Он был практически одного с Тотлем роста и телосложения. Вот только волос на его теле и голове не было вовсе, а кожа была черного цвета. Тело его местами было покрыто татуировками в виде змеиной чешуи, и когда он двигался, создавалось впечатление, что чешуйки шевелятся в самом деле. И глаза. Они были змеиными. Янтарного цвета с вертикальными зрачками.

- Здравствуй Шаалак. - Сказал Тотль.

- Не называй меня Первым именем! - Закричал он, и почти вплотную подошел к Тотлю. В довершение он сделал некое виляющее змеиное движение головой. При этом на секунду высунул язык изо рта. Он смотрел Тотлю прямо в глаза. Тотль ощутил его горячее и отвратительно пахнущее дыхание.

- Скажи, глаза удобные? - Усмехнулся Тотль.

- Не жалуюсь. Хорошо видно добычу. Ну, а ты чего приперся сюда? Потерял чего?

- Да. Здесь есть одна вещь, которая мне необходима. И я...

- То есть ТЫ пришел в мой дом, и хочешь взять что-то, что тебе никогда не принадлежало?

- Не совсем так. Это место не было твоим ранее...

- ЭТО МОЙ ДОМ! - Закричал Шаалак. И я не позволю тебе ничего брать отсюда! Будь это хоть застарелое дерьмо!

Сказав это, он достаточно громко отрыгнул, и снова на секунду высунул язык.

- Ну, что ж. - Сказал Тотль. Я не ищу драки с тобой.

- И что же? - Напирал Шаалак. Ты просто уйдешь? Нет уж. Раз еда сама пришла...

Договорить он не успел. Тотль одним резким ударом свалил чернокожего на пол. Тот посмотрел на него снизу вверх и улыбнулся, слизывая кровь из разбитой губы.

- Я! Тебя! Съем! - Прокричал Шаалак.

И в этот момент он словно весь надулся. Затрещали кости, горло раздулось практически до плеч, и изо рта полезли останки человека, основательно тронутые желудочным соком. В воздухе запахло желчью. Выблевав добычу, он сказал:

- Ессть белых братьев мне ещё не доводилоссь.

Впервые в жизни Тотль увидел, как один из таких как он, проявлял способности к мутации. Он не знал, давно ли Шаалак начал проделывать этот фокус, и насколько сильно раздваивается, и оттого, мутирует его сознание. Внешние последствия он уже оценил, а вот непосредственно превращение, ещё нет.

Шаалак дернулся, и его кости затрещали. Тело начало вытягиваться, а конечности сливались с телом.

Через несколько мгновений перед тотлем извивалась огромная, порядка восьми метров, и притом абсолютно черная змея.

- Интерессно, а ты будешшь чувссствовать, как мой ссок расствоpяет твою плоть?

Голос звучал как будто везде, отражался от стен, и эхом играл в голове Тотля. Он не хотел задумываться о заданном ему вопросе. На данный момент, его интересовало лишь то, что около ста двадцати килограмм мускулов вполне способны смять его тело. А потом заглотить, и начать переваривать.

Змей, между тем, начинал свою пляску. Он дернулся сначала вправо, затем обратно. Пасть была оскалена.

- Ты ведь последний из черных, так? - Спросил Тотль. Это пришло к нему только сейчас. В животной сущности Шаалак был более

"читабелен", нежели в обычной сущности. Тотль постарался максимально глубоко залезть к нему в голову, и вытащить из неё все, что возможно.

- Да. - Сказал Шаалак. Ещщё в прошшлом ццикле я поглотил вссех ссвоих черныхх братьев. Ссесстра была ссамая вкуссная. Нежное, розовое мяссо. Васс, я ссмотрю, тоже оссталоссь немного?

- Баланс сил изменчив. - Уклончиво ответил Тотль, аккуратно двигаясь вбок, от змея. - Не все белые из нас - хорошие. Но, и не все чёрные - безумцы, жаждущие крови.

- Балансс ссил. - Ответил Шаалак.

Один из вашших сстал черной фигурой на досске. А знаешшь, кто рассскасал ему про метеорит?

- Начинаю догадываться.

- Ксстати, для насс сс ним, этот металл, не ссмертелен. А вот васс - белых, он убивает очень хорошшо. Ллотр не знает вссех подробносстей. Но, его душа насстолько темна, что даже я не в сосстоянии поглотить её. А вот ты, исспытывающий ссосстрадание к низшшим, вполне вкуссная еда.

Тотль даже не успел увернуться. Шаалак с силой вцепился зубами в его шею, и начал обвивать его своим телом. Тотль напрягся, но это его не спасало. Массивное змеиное тело сжимало его до тех пор, пока в тишине не раздался хруст переломанных ребер. Тотль закричал. Два сломанных ребра впились в легкое.

Змей отпустил Тотля, и тот рухнул, как подкошенный. Руки и ноги были словно ватные, а грудь жгло огнем. Невзирая на боль, он вдохнул поглубже, сцепил зубы, и начал восстанавливать себя. Ребра медленно срастались, но, боль из лёгких едва уходила. Тотль попытался встать, но, сделать это удалось всего лишь со второй попытки.

Змей, тем временем, ползал кругами. В его янтарных глазах была пустота. И голод. Тотль понимал, что сознание его раздвоено, и когда он перевоплощался в животное, его человеческая составляющая со временем уходила куда-то очень глубоко в подкорку. Оставались одни лишь инстинкты.

Змей снова атаковал. На этот раз Тотль увернулся. Однако, это стоило ему того, что Шаалак мертвой хваткой вцепился в его левую руку. Запястье хрустнуло, и Тотль перестал чувствовать свою кисть. Змей снова выпустил свою добычу, и принялся снова кружить.

Тотль понимал, что если и есть возможность победить Шаалака, то не в животной ипостаси. У него была одна идея, но он сомневался, сработает ли она. Впрочем, решил он, попробовать стоит. Однажды он уже проделывал подобную штуку. Тотль собрался с силами, и начал понижать температуру своего тела. Он понимал, что это снизит его мобильность, к тому же, долго он в таком состоянии не протянет. За несколько секунд он довел температуру практически до десяти градусов цельсия.

Сначала Шаалак подумал, что его животные термолокаторы обманывают его. Тотль буквально растворился в воздухе.

- Где ты? Как ты сспряталсся от меня? - Спросил он.

И в этот момент огромная тень метнулась в его сторону. Тень схватила его голову, и с огромной силой ударила о пол. А затем ещё раз. И ещё. А потом тень снова спряталась в пустоте.

Шаалак в своем животном облике, повинуясь первобытному инстинкту, угрожающе зашипел в пустоту, и скрылся в проёме, ведущем в ещё более глубокие уровни подземелья.

Тотль переводил дух, облокотившись о колонну. Он сел на пол, и принялся восстанавливаться. После того, как он срастил сломанные кости, и восстановил температуру тела, он начал спуск вниз.

Он бежал вниз по длинному пологому коридору, который уходил глубоко к недрам земли. Коридор казался вырубленным из целого куска скалы, однако, в некоторых местах, где шла другая, более мягкая порода, он был укреплен массивными балками, на которых разрослись колонии едва фосфоресцирующих лишайников. Он чувствовал, что Шаалак рядом, но не мог догнать его уже несколько часов.

Всего два три раза ему встречались боковые коридоры, и только в одном из них Тотль уловил отголоски воздушных потоков. Возможно, это были другие выходы на поверхность.

Ориентируясь на внутренние часы, Тотль предположил, что на поверхности уже должно было светать.

И именно в этот момент он увидел его. Шаалак в своём человеческом виде набросился на Тотля, ухватил за руки, и ударил головой прямо в лицо. Тотль сделал ему подножку, и они вдвоем повалились на пол. Они катались по полу, нанося друг другу хаотичные удары кулаками. В какой-то момент Тотлю показалось, что так может продолжаться очень долго. Он пропустил пару ударов, и

вскочил на ноги. А затем схватил Шаалака за голову, и приложил к стене с такой силой, что посыпалась каменная крошка. И так до тех пор, пока в стене не осталась существенная вмятина, а его противник не обмяк.

Тотль выпустил его голову из рук, и перевел дыхание. Он понимал, что, не смотря на кашу из костей и головного мозга вместо головы, Шаалаку потребуется всего лишь пару часов на регенерацию. Бросать его здесь не имело смысла. Но, и способа окончательно убить змеебога он пока не видел.

Он взвалил тело на плечи, и продолжил спуск, решив, что следует проверить, что же там внизу. В конце концов, теперь он сможет держать Шаалака под контролем. Хоть бы и минимальным.

Спустя полчаса Тотль почувствовал некий источник. Чистое светлое течение, будто маленький ручеек.В нем была сила. Как маленький ребенок, источник нашептывал ему в голову нечто настолько неразборчивое, насколько же и умиротворяющее. И в этом голоске не было ни затаившейся злобы, ни тайного умысла. А ещё температура воздуха начала значительно подниматься.

Ещё через час Тотль вошел в невероятных размеров зал. Потолка он попросту не смог разглядеть, из-за того, что он был затянут густыми сероватыми облаками. Влажность здесь была настолько высокой, что на его теле и одежде оседали крупные капли воды. Здесь, в этой удивительной подземной вселенной, росли небольшие деревца, а большая часть стен светилась. Лишайники, светлячки, размером с кулак, и огромные грибы - всё отдавало мягкий синий свет. Светлячков же здесь было настолько много, что стены были, буквально усеяны ими.

Тотль неторопливо шагал по ковру из палых листьев и травы, пока не вышел к маленькому овальной формы озеру. Длиной оно было не более пяти метров, и не более метра в глубину. Тотль заглянул в него, и увидел самого себя, но, за ним был бескрайний и бесконечный космос. Тотль посмотрел вверх, но, увидел лишь облака. Он снова заглянул в воду. Снова - отражение космоса над головой.

- Нравится? - Услышал он тихий девичий голос в своей голове.

- Да. Очень красиво. Кто ты? И откуда это отражение?

- У меня нет имени. Равно, как и физической оболочки, к которой можно это имя привязать.

- Тогда, что же ты?

- Я всего лишь сознание.

- Чьё?

- Своё собственное. - Сказал голосок, и засмеялся. Логично, не правда ли. А на счёт твоего второго вопроса... А сам ты как думаешь, что это?

Тотль увидел, как картина в воде смазывается, превращаясь, в хронологию событий.

- Это Поток?

- Не совсем. Это одно из его бесчисленных отражений в физическом мире.

- То есть, он нереален здесь?

- А что есть реальность? Всё зависит от того, с какой стороны отражения ты находишься. Ты ведь не станешь с полной уверенностью заявлять, что ваш мир сейчас - это не отражение другого вашего мира, запаздывающее за ним всего на несколько секунд. Или ваш мир - это отражение настолько далекой звезды, что отражающиеся сейчас события произошли миллиарды лет назад.

Поток же реален вне зависимости от того, это он сам, или это его отражение. В конце концов, Поток - это отражение самого Потока.

- Хорошо. Я понял. И у меня остался только один вопрос.

- Я слушаю.

- Поток показал мне это место. Зачем я сюда пришел?

- Чтобы ты оказался здесь в этой реальности в этот момент времени.

- И всё?

- Разве это недостаточная причина? - сказал голосок, и снова засмеялся.

Между тем, озерцо пошло волной, и Тотль услышал ещё один голосок. Только теперь говорил мальчик.

- Она слишком много болтает. Не слушай её. Ты оставил без сознания одного из черных.

- Да. Правда, я не знаю, что теперь с ним делать.

- Зато я знаю. Принеси его тело сюда.

Тотль притащил полностью восстановившееся, но, до сих пор бездыханное тело к озеру.

- Отлично. - Сказал мальчишеский голос. Его мозг, и нейтронные связи полностью восстановились. А теперь опусти его голову в воду.

- Что ты собираешься с ним делать?

- Я заберу его сознание, и заброшу его в поток.

- Но, он ведь может вырваться оттуда.

- Это не имеет значения. Без его сознания, тело его истлеет. К тому же, пока он поймёт, что он находится в Потоке, пройдёт масса времени. Во времени. - теперь и мальчик рассмеялся.

Это может произойти через вечность. Может через секунду. Даже если он найдет тело, чтобы использовать его, как вместилище, он проживет не дольше, чем любой смертный человек. Так, что, давай, опускай его голову.

Тотль сделал всё так, как сказал голос, и почувствовал, что присутствие Шаалака слабеет, будто он стремительно уносится прочь. Через секунду и это пропало. Тело так и осталось лежать на траве, а голова мерно покачивалась на воде. Глаза последнего черного остались открыты.

- Это всё? - Спросил Тотль.

- Это очень хорошо. А теперь - возвращайся обратно. Только поторопись.

- Почему? У меня есть ещё вопросы.

- Нет времени. Из-за отражения Потока, время здесь течет гораздо быстрее, чем на самом деле. Как, собственно, в самом Потоке.

- Но, я хочу знать...

- Уходи.

- Кто мы на самом деле такие?

- Уходи.

- Зачем...

- УХОДИ!!!

В этот момент Тотль ощутил невероятной силы толчок в грудь, от которого он пролетел несколько метров, и упал в жухлую траву под деревом.

- Прости - Сказал девичий голос. Ты действительно должен торопиться. Иначе, не успеешь. Беги!

Тотль встал, и направился к выходу из пещеры. Он осознавал, что сила, таящаяся здесь, не всегда подвластна его пониманию. И нет

нужды таить зла и обид на сущностей, чей порядок выше, чем твой собственный.

Быстрым и уверенным шагом Тотль поднимался наверх. К началу следующего дня он вышел на поверхность. В тропическом лесу бушевал ураган. Если он правильно понимал, то сейчас здесь весна, а это значит, что он провёл в пещере почти пять месяцев…

** *

В этом огромном городе, казалось, состоящим из нагромождения домов с черепичными крышами, и жмущихся друг к другу кривых узких улочек, почти постоянно светило солнце.

Огромные круглые окна мансарды выходили на восток. Теплый весенний ветер приносил через открытую створку запахи цветущих деревьев, утренней выпечки, и постепенно нарастающий шум рыночной суеты.

Он проснулся в момент, когда солнце уже освещало большую часть комнаты. Она лежала рядом. Ещё спала. Нагая, и беззащитная. Она распустила косу, и теперь её белоснежные волосы разметались по всей подушке. Она не имела привычки укутываться на ночь в одеяло, или стесняться собственного тела. За это он её и любил.

Он попытался бесшумно покинуть кровать, но услышал её нежный игривый голос:

- Куда это ты собрался?

- Доброе утро.

- Доброе.

- Я хотел приготовить завтрак.

- Ты же знаешь, как я отношусь к подобного рода затеям. - она повернулась к нему лицом, и он заметил улыбку на её губах.

- И, тем не менее - Сказал он. Чем будешь трапезничать?

- Мясом! - Вскрикнула она, и набросилась на него всем телом. Она повалила его на спину, и легла сверху. Принялась целовать его.

- Тебе разве не хватило вчерашнего? Мы и так занимались этим почти до утра.

- Мне всегда мало тебя. - Сказала она, и положила ему голову на грудь.

- И что же мы будем делать?

- Может, прочтете мне лекцию, профессор? По анатомии.

Она посмотрела ему в глаза. Глядя на его лицо, у неё всегда было смутное ощущение, что она смотрит в зеркало. Вот только глаза... В этих старых голубых глазах, словно в мутном зеркале, отражалась целая гамма тревожных эмоций. Боль, страх, гнев, загнанность.

- О чем ты задумалась? - Спросил он.

- Я тревожусь за тебя. В последнее время ты будто сам не свой.

- Послушай, я просто устал. Я последнее время чувствую себя какой-то машиной, которая утром включается и пытается что-то изменить в этом мире. И каждое утро задается вопросом: зачем всё это? Нам никто не сказал, кто мы, и зачем мы здесь. Нам просто сказали: Вот вам миллион возможностей. Но, никто не научил, что с этим всем делать.

- Ты должен отдохнуть.

- Не в этом дело. Я... Я не знаю.

- И эти твои опасные опыты...

- Это моё личное дело.

- Ты изменился после возвращения с черного континента. - она села на край кровати, и принялась теребить кончики волос.

- Послушай, давай не будем начинать этот разговор.

- Ты ведь не можешь вечно бегать от этой беседы.

- Серьёзно? - Он удивленно поднял бровь.

- Это всего лишь оборот речи. Ты прекрасно понял, что я имела в виду.

- Хорошо, я обязательно обсужу это с тобой. Но, не сегодня, ладно?

- Ты постоянно так говоришь. И от этого ты только глубже уходишь в себя.

- Послушай, я не хочу взваливать на тебя ещё и свои проблемы.

- Меня это не обременит, поверь...

- Ишчель, дорогая, я очень сильно люблю тебя. Просто, дай мне немного времени разобраться с этим. Я справлюсь.

Он улыбнулся. Улыбка была искренней, а вот в глазах была какая-то пустота. Она нежно погладила его короткие белые волосы.

- Мне пора собираться на работу. У меня первая лекция через час.

- Пожалуйста, давай сегодня поговорим обо всём. - Ишчель встала, и скрестив руки на груди, принялась ходить по комнате.

- Хорошо. - Спустя какое-то время обреченно сказал он. - Я обещаю, что поделюсь с тобой тем, что меня гложет.

- Правда? Я рада, что ты идешь на контакт. Я приготовлю что-нибудь особенное сегодня на ужин.

- Я буду рад.

Она обняла его, сидящего на кровати. И поцеловала в лоб.

- Я люблю тебя.

- Я тоже тебя люблю. - Сказал он, и принялся одеваться. Уходя, он добавил: В погребе есть свежее мясо, если тебе вдруг захочется перекусить.

По дороге в институт, он думал о том, что с тех пор, как он поселился в этом городе, количество болезней сократилось почти до ноля. Ни венерических, ни смертельных здесь не было уже лет пятьдесят. Даже сезонных вспышек простудных вирусов не наблюдалось. Просто, самый здоровенький городок, среди своих чахлых соседей. Нет больных, нет инвалидов. Но, нет и медицинского прогресса. С такими темпами, через несколько поколений здесь будет стерильное гетто, где всё население сможет выкосить простейшая оспа. И это при том, что миллионы людей отдали свои жизни за сыворотку от этого вируса.

Так не может продолжаться постоянно. Всегда, во все времена, следом за массовыми вспышками инфекций, как противовес, следовал прорыв в медицине. А здесь всё застоялось. Застыло. Замерло.

В тишине, царившей в аудитории, единственными звуками был мерный скрип небольшого куска мела по грифельной доске, и низкий громогласный голос профессора.

- Термин Анатомия происходит от слова «анатемно», что значит рассечение, расчленение. Этот термин обусловлен тем, что первоначальным и основным методом добывания фактов был метод анатомирования человеческого трупа.

Анатомия является одной из важнейших медико-биологических дисциплин, поскольку предметом изучения анатомии является человек – самый высокоорганизованный живой организм.

Профессор на секунду задумался. Самый ли? Он столько раз говорил это своим студентам, что только сейчас до него дошел смысл этих строк. Как долго он ещё собирается себя обманывать? Неужели, из-за этих низших существ, большая часть которых даже не в

состоянии осилить пять лет сжатого обучения азам медицины, он должен загонять себя в угол? Должен бояться общества, которое, возможно, и не примет его таким, какой он есть на самом деле. Нет уж, пусть они сами его боятся. Пусть поймут, что он - Первый.

Он поднял взгляд на аудиторию, и увидел, что студенты, отложив письменные принадлежности, непрерывно смотрят на него. Он даже не знал, сколько минут он стоит вот так, молча. И, откровенно, он не собирался ничего предпринимать по этому поводу.

Пауза затянулась. Ещё через пару минут один из студентов робко потянул руку вверх.

- Да, юноша? - Вопрос был исключительно риторический. Он и так прекрасно знал, что молодчик спросит, все ли у него в порядке.

- У вас всё хорошо, профессор?

- В каком плане, хорошо?

- Простите?

- Физически у меня всё просто замечательно.

- Просто, вы замолчали, и я подумал...

- А вы не думайте, молодой человек, вы учитесь. Я за свою жизнь ни разу не видел умирающего с голоду врача. В отличие от мечтательных идиотов.

Записывайте дальше...

Остаток времени он механически повторял заученную до дыр лекцию. Ровно с той интонацией и интервалами, чтобы студиозусы могли успеть записать каждое слово. Ну, или списать у самых шустрых.

Мыслями же он был очень далеко.

На втором этаже дома была его лаборатория. Чистое большое помещение, с приглушенным газовым освещением, и глухими плотными шторами.

Бесчисленные и, порой, бесценные книги по медицине, стеклянные колбы. Маленькое подобие рефрижератора, представляющее собой металлический ящик, с термической прослойкой, и льдом. Внутри - штаммы вирусов. Личная коллекция трофеев, если можно так выразиться. Пойманная этим днем крыса сидела в маленьком стеклянном аквариуме.

Среди всех побежденных им болезней, не было ничего страшнее Черной Смерти. На одну руку он надел рукавицу из прочной толстой

кожи, и плотно ухватил крысу. А второй рукой взял стеклянный шприц с инфицированной кровью, и аккуратно ввел её ей. Та запищала, и затихла.

Затем он спустился на улицу, и отпустил крысу. Она несколько секунд оглядывалась, а затем нырнула в канализационный сток. Он знал, что этого хватит. И через пару-тройку дней в городе начнется эпидемия.

Он снял с себя рукавицы, тщательно вымыл руки с мылом, и поднялся наверх.

Она была наверху. В спальне. Она лежала на кровати, прикрытая лишь тонким шелковым одеялом. И листала его справочник по минералам.

- Ты освободился? - Её голос звучал неожиданно уютно в том хаосе, в каком он провел большую часть сегодняшнего дня.

- Да.

- Тогда прошу к столу. У нас сегодня птица в гранатовом соусе, бутыль отменного красного вина, и...

- Ишчель.

- Да?

- Ты должна уехать.

- Куда уехать? Почему?

- Просто собирайся и уезжай из этого города. Как можно дальше.

- Да что же случилось, потрудись объяснить?

- Это из-за меня. Я заразил город.

- Заразил? Чем заразил?

- Бубонной чумой.

- ЧТО?! Да ты в своём уме?!

- Да. Эти люди разнежничались.

- Что, прости?

- Они стали слишком мягкими. Им нужно что-то, что заставит их думать. Действовать. Выживать.

- Да они же все умрут!

- Не все. Возможно, кто-то и останется в живых. Я и так слишком долго был для них добрым самаритянином.

- Ты погубишь весь город! А если зараза пойдет дальше?

- Пускай.

- Ты убьешь миллионы... - Ишчель тихонько всхлипывала. Ты ведь не такой. Ты же обещал лечить людей.

- Я и сейчас это делаю. Только сейчас я пытаюсь вылечить не людей, а общество.

- Ты, ведь не такой... Скажи, что это неправда...

Он смотрел на неё. По лицу её катились слёзы. Она оплакивала этих живых ещё людей, но она не понимала, что сейчас он делает для них нечто большее, чем всё сделанное до этого.

- Ишчель, уходи.

- Нет, я... Я не уйду без тебя.

- Я останусь здесь.

- Пожалуйста, пойдем со мной.

- Уходи!

- Пойдем, пожалуйста...

- УХОДИ!

Она замерла на месте. А потом, не прекращая плакать, оделась, и собираясь покинуть это место, остановилась в дверях.

- Это ведь не ты. - Сказала она. Ты бы так не поступил. С тобой что-то не так.

- Это с ними что-то не так! Они ленивые изнеженные примитивные существа! Они забыли, что такое прогресс. Эволюция.

- Ллотр, пожалуйста...

- Не перебивай меня, женщина!

- Я ухожу. Но, я больше не твоя женщина.

- Что!?

- Это уже и не ты даже. Это всего лишь твоё черное эго, заполонившее твой разум.

- Тогда пошла прочь!

- Ллотр...

- ПРОООЧЬ!!!

С силой хлопнула дверь, и он остался один в комнате. Он сел за стол, и открыл бутыль вина. Есть ему не хотелось. А вот вино он пил прямо из горла. Мелкими глоточками.

Через три дня в город пришли чёрные жнецы с косами. И начали собирать свою жатву.

* * *

Когда он очнулся, он лежал на горелых останках бревен, укрытый тонким снежным одеялом. Где-то глубоко на задворках сознания были обрывки странного далекого сна. Или даже не сна, а воспоминания. В том состоянии, в котором он сейчас находился, его мозг вытеснил всё это, ради более насущной проблемы.

Он испытывал практические забытое со времен той давней бойни, чувство.

Боль.

Ллотр уже очень давно привык к тому, что именно он причиняет боль живым существам, а не наоборот. Он чувствовал, что всё тело его покрыто огромным ожогом. Но, больше всего, болела голова. Он начал щупать её, и наткнулся на рукоять, торчащую из глаза.

Он резко сел, и одним мощным рывком вытащил нож. Головная боль разыгралась ещё сильнее.

Ллотр кричал. Он кричал долго. До тех пор, пока воздух не кончился в лёгких.

- Ссуккаааааа! Тваааарь! Ненавижу, ненавижу тебя!

Левый глаз превратился в кровавое месиво, а мозг восстанавливался с трудом.

- Я найду тебя! Я найду тебя, в какой бы дыре ты не прятался. И буду медленно, медленно разделывать тебя на маленькие кусочки...

В руке он продолжал сжимать нож с необычным лезвием. А затем взглянул на него оставшимся глазом. Клеймо он увидел не сразу.

- Ах ты, ублюдок! Я заплатил тебе хренову гору денег за то, чтобы меня прирезали МОИМ НОЖОМ?!

Ллотр понимал, что в значимой мере это было и его упущение тоже. В эйфории от того, как был выполнен заказ на ножи, он совершенно забыл залезть в голову смертного, и убедиться, что не случится ничего не запланированного.

- Тринадцатый. Тринадцатый. Тринадцатый... Это тоже хорошее число. Вот им я и отправлю маленького ребеночка обратно к Праматери. Ха! Хахахаха!

Ллотр смеялся ещё долго. А потом замолчал. Сидя на черных головешках, он заговорил сам с собой:

- В этот раз я недооценил ни своего беспутного братца, ни этих диких людей, ни Агруса Торна. Всё сорвалось. Впрочем, Тотль самостоятельно не сможет позаботиться о маленькой девочке. И он

сделает одну-единственную вещь. Он отнесет ребенка к сестре. Ишчель. Какая она была всегда чистая. Правильная. С идеальным телом. Она будет нянчиться с девчонкой, пока в той не пробудится сила. Лет на 13 можно точно забыть о том, чтобы почувствовать её.

Но, я обязательно найду их. Найду их всех. Я подожду. Найду пока братца, и разберусь с ним. Вот только глаз заживет...

Ллотр стряхнул с себя снег, пепел, и встал на ноги. Он оглядел остатки поселения. Из примерно трех дюжин домов, уцелело меньше половины. Остальные выгорели дотла.

Он пошел к небольшой площадке, ставшей местом бойни. В мешанине рук и тел, припорошенных слоем снега, Ллотр нашел для себя рубаху и штаны из грубой сероватой ткани. Он снял их с обезглавленного тела, и надел. Ещё с одного трупа он снял широкий кожаный ремень, с грубой железной пряжкой, и поясную сумку из черной кожи, куда он сложил тринадцать ножей.

Не совсем то, что хотелось, но, и этого было вполне достаточно. А ещё он по состоянию трупов прикинул, что провалялся без сознания почти двое суток.

Спрятаться. Восстановить тело хотя бы до приемлемого уровня. Переждать годик. А потом найти и убить их всех. Любым способом. Для самого Ллотра осталось неясным, как так случилось, что братец не прирезал его до конца. Всего-то и делов, что отсечь голову. И они бы тогда зажили счастливой семейной жизнью. Тотль, Ишчель, и их маленькая человеческая девочка. Значит, он либо не хотел делать этого сейчас, либо он не смог бы при всём своем желании.

Он отправился на юг. Туда, где тепло. Тепло, и нет этого мерзкого снега, который он ненавидел всей своей душой.

Когда он покинул плато, и углубился в лес, пошел дождь. Первый дождь в году. На сломанной равние начиналась короткая и пасмурная весна. На краю плато, возле реки размеренным шагом брел бизон. Он подошел к берегу, и одним ударом копыта разбил рыхлый серый лед. Он принялся пить. Старая серая шкура лезла с него пучками, открывая чистую белую шерсть. Бизон был стар. Он пережил уже тысячу зим.

* * *

В небольшом озере, эллипсообразной формы, отражающем бескрайний бесконечный космос, колыхнулась вода.

- Ну, и зачем ты привел его сюда? - спросил девичий голосок.

- Чтобы он убил одного твоего. - сказал мальчишечий голос.

- И всё?

- Ну, Поток показал ему несколько видений, и он решил, что они взаимосвязаны. Я всего лишь немного воздействовал на Поток, чтобы Инерция привела его сюда.

- А что с той формулой, которую он видел?

- Подозреваю, что он надеялся найти этот материал именно здесь.

- Но, ведь здесь его нет.

- Я знаю. Просто я хотел, чтобы он расправился с Твоим.

- Прекрати! В конце-концов, это не по правилам.

- Всё честно, никакого Бога из Машины - захихикал мальчишеский голос.

- Ну, всё, теперь моя очередь ходить.

- О, да, я тоже с нетерпением этого жду.

Озеро снова пошло волной, и голоса стихли. Отражение в озере сменилось на непрерывный снегопад. Начиналась метель.

Глава 7

ГЛАВА 7

- Это был последний черный? - спросила Ишчель

- Да. Эта сила забрала его сущность. Теперь, конечно, его место занял Ллотр. Вернее, он очень давно стал "чёрным" внутри.

- А та химическая формула, которую ты видел?

- Я так и не понял, что это было.

- Нарисовать сможешь?

- Да. У меня на это весьма неплохая память, если ты забыла.

Тотль взял со стола чистый лист бумаги и карандашом вывел формулу. Протянул лист Ишчель.

Та повертела его в руках, и едва сдержалась, чтобы начать рассказывать брату о своей находке. Титановый тубус с неизвестными символами, полурасшифрованный, он всплыл в памяти, и тревожно засел в её голове.

- К сожалению, я ни разу не видела ничего подобного. Отдаленно напоминает нечто знакомое, но... Может, оставишь это мне, и я постараюсь найти хотя-бы что-то похожее. Тотль, чувствуя, что сестра лукавит, тем не менее, не стал лезть к ней в голову, чтобы узнать, что она знает по этому поводу.

- Да, пожалуй, это не имеет слишком большого значения. Подозреваю, что эта вещь? обладает собственной силой, и я смогу узнать её, если найду. Когда найду. - поправил Тотль сам себя.

- И как ты собираешься искать это вещество? - спросила Ишчель.

- Откровенно говоря, не знаю. В последнее время у меня не было *настолько* много свободного времени. Думаю, это вещество как-то связано с метеоритом, за которым в своё время охотился Ллотр. Вернее, оно противоположно по внутренней силе. Это, конечно, маловероятно, но вполне логично.

- То есть ты хочешь сказать, что те черные ножи, которые были у Ллотра, сделаны из метеорита?

- Целиком и полностью да. Только вот они всё ещё у него. И теперь у него полный комплект. Все тринадцать штук.

- Их же было двенадцать, да?

- Велер спустя какое-то время нашел мастера, который их ковал. Но, и Велер не знал, что есть ещё один.

- Как он вообще нашел этого мастера?

- Велер говорил, что нашел след этой силы. Как тоненькую нить мира. Он так и не объяснил, как он этот след нащупал вообще. Это помогло только лишь по части того, что мы представляли, чего ждать от Ллотра.

Гораздо интереснее, как тринадцатый нож попал к отцу этой девочки. Я могу лишь предположить, что он просто пролежал в земле до следующего цикла, пока его случайно, или нарочно не извлекли.

Тотль замолчал. Ишчель ничего не спрашивала. Она сидела в кресле, переводя потупленный взгляд с Тотля на девочку.

- Почему ты всё-таки не пошла тогда с нами? - Спросил Тотль.

- Пойти на бойню добровольно? У меня, в отличие от Вас, не атрофировался инстинкт самосохранения. И, наверное, я ещё любила его тогда. Сейчас мне трудно представить, что меня тогда целиком захватили такие примитивные человеческие чувства.

- Ты недооцениваешь всю мощь этих примитивных человеческих чувств. Это одно из мощнейших проявлений Течения, наряду с остальными. Хотя, на тот момент твои чувства перевесили осознание того, в какое чудовище превратился наш брат.

- Возможно, есть вероятность вернуть его...

- Вернуть? Ллотра? Ишчель, если бы ты видела, какая картина ждала нас в том бункере, ты бы перестала питать даже тень надежды. Та чума, которая выкосила несколько стран, была лишь косвенно его рук делом. Но, то, что я видел после...

Позволь, я расскажу тебе, как погибли Велер и Цогуа.

* * *

Мальчишке, игравшему в это утро в шарики с самим собой, мать всегда говорила, что оттопыренными ушами его наградил отец. А вот непослушные рыжие волосы - исключительно её заслуга. Как бы то ни было, мальчик был настолько увлечен этим занятием, что голос отца он расслышал только со второго раза. Отец стоял на крохотном балконе такой же крохотной комнаты, в которой они жили с ним, его матерью, и двумя старшими братьями.

Мальчик повернул голову в сторону отца, и с удивлением заметил, что его отец, доселе, как он считал, ничего не боявшийся, держит в

руках крученную из желтой бумаги самокрутку, но, видимо, забывает её курить.

Отец ещё раз, теперь уже машинально, окрикнул мальчика, уставившись в одну точку. На какое-то мгновение мужчине показалось, что ему снова восемь лет. Или он видит призрака. Или и то, и другое вместе.

Как бы то ни было, прямо по дороге шел человек в белой одежде, и с такими же белыми волосами, завязанными в высокий хвост на затылке. Человек был высок и мускулист. Человек почувствовал эмоции мужчины, замершего на балконе с сигаретой в руке. Он увидел то, что произошло почти сорок лет назад, и понял, что Инерция привела его именно в то место. А ещё он ухмыльнулся тому, что вспомнил мужчина, будучи тогда ещё мальчишкой. Мужчину на балконе эта ухмылка повергла в кататонический ступор.

Бросив короткий взгляд на мальчика со стеклянными шариками, которые тот упорно пытался загнать в некую сложную систему кругов, вычерченных веточкой в пыли, он двинулся вниз по улице.

Фаррен Торн хотел считать себя сейчас достойным сыном своего отца, но продолжал винить себя в том, что будучи в юношеском возрасте, бежал из дому, оставив семейное дело, основанное ещё его дедом.

И когда мать его, некогда цветущая и пышущая здоровьем женщина, сейчас умирала, превратившись за весьма непродолжительное время, в исхудавшую тень самой себя, он сидел на краю кровати и плакал.

В комнату вошел отец. Фаррен машинально встал, и поймал себя на мысли, что отец, для своих без малого восьмидесяти лет, не выглядит стариком. Руки всё такие же твердые, но шрамов со временем стало больше; глаза острые, и только поседевшая местами борода хоть как-то выдавала его возраст.

- Отец, она так и не поела...

- Я знаю. Она, наверное, и сама чувствует, что жизнь утекает из неё, и Праматерь уже послала за ней старуху с косой.

- Давно у неё это началось?

- Пару лет назад. Внутри всё болит, вес теряется, и в конце она просто просто стала такой, как сейчас. Последнее время боли стали невыносимы, и я пою её обезболивающими настоями, которые

выписал ей доктор. В те дни, когда мне всё-таки удается заставить её проглотить хоть что-то.

- Отец, мне так стыдно, что я тогда ушел, оставив вас с матерью. Я хотел вернуться, но...

- Оставь эти разговоры. - Агрус махнул рукой, словно отмахиваясь от них. - Сейчас важно, что ты всё-таки вернулся. Пусть и не в самое радостное время.

- Прости меня. - Фаррен стоял, потупив голову.

- Будь с ней. Возможно, это её последние дни...

Договорить Агрус Торн не успел. В дверь внизу настойчиво, и весьма громко стучали.

Когда он спустился, в холле его ожидал тот самый человек, который сорок лет назад оплатил ему наверное, самый значимый заказ в его жизни.

Нет, не тот же самый человек. Нет всех этих уродливых шрамов на лице, да и глаза совершенно другие. Возможно, брат, или ближайший родственник. Не мог же человек нисколько не постареть за почти полвека.

- Вы, уважаемый мистер Торн, тоже не намного постарели. - Ответил вошедший, будто прочтя его мысли - Век ваш дольше, и глаз острее, и рука пудовый молот без дрожи поднимает.

- Мы знакомы, простите? - Спросил Агрус.

- Ах, я ведь не представился, прошу простить. Меня зовут Велер, и тот, кто приходил к Вам когда-то давно, приходится мне родным братом.

- Старшим братом? - Предположил Агрус. А про себя подумал: *Сколько же их ещё?*

- Мы, уважаемый мистер Торн, весьма продолжительное время пытались выяснить этот вопрос. Правда, потуги наши никаким успехом так и не увенчались. Собственно, я пришел к Вам по некоему конкретному вопросу, совершенно не касающемуся моих братьев. Скажем, так, остальных братьев. И, учитывая то, что ваш близкий человек на пороге иного мира, я не заберу у Вас много времени.

- Откуда вы знаете?...

- Про Вашу супругу? Уж поверьте, не нужно даже лезть к Вам в голову, чтобы понять это. Ваше подавленное состояние, и этот запах, пропитавший дом говорят сами за себя.

Агрус Торн не нашелся, что ответить Велеру, только молча пододвинул к себе тяжелый деревянный стул, и уселся, свесив голову. Велер, так и остался стоять.

- Я думаю, нет надобности повторять, что когда-то давно к Вам с некоей просьбой приходил мой братец. И я чувствую, что он заказал у Вас что-то настолько уникальное и редкое, что это не могло не отобразиться в эфире.

- В чём отобразиться? - Переспросил Агрус.

- В эфире, в потоке, в волнении вселенной, называйте это, как вам будет удобно. Суть одна - это имело для него большую важность. И мне жизненно необходимо знать, что это такое было, и, не менее важно, из чего оно было сделано.

Агрус Торн некоторое время собирался с мыслями, пытаясь хоть как-то сосредоточиться.

- Он пришел почти сорок лет назад, и принес черный метеоритный металл, который имел очень высокую температуру плавления, а также невероятную прочность. Он назвал это ядром мёртвой звезды. Я выковал для него двенадцать ножей по его личным чертежам. Он весьма щедро расплатился, и с тех пор я его больше не видел, и, признаться, нечасто вспоминал до сегодняшнего дня.

После затянувшегося молчания Велер произнес:

- Я крайне восхищён вашим мастерством в кузнечном ремесле мистер Торн, но вы, сами того не подозревая, создали нечто настолько мощное, что я даже не могу предвидеть последствий. Не то, чтобы я обвинял Вас в этом, нет конечно же... Просто ножи эти обладают собственной индивидуальностью, и невероятной силой. По крайней мере, теперь я точно знаю, что ожидать от своего братца.

Прощайте, мистер Торн, большое спасибо за обстоятельный, и... емкий ответ. Светлых Вам дней.

Велер развернулся, и вышел на улицу, оставив Агруса Торна одного в холле.

Когда в Дол пришла война, жена Агруса Торна уже десять лет как была метрва. Сын отправился воевать добровольцем, и за второй год от него не было никаких известий. Полностью седой, но ещё не потерявший прежней крепости рук, Агрус занимался отливкой стволов для ружей и пистолетов, отливал пули, и ковал лёгкие и прочные кирасы для нужд армии.

В то утро он не спешил начинать работу. Накануне весь город буквально гудел от известий о том, что неприятель почти подошел к Долу, и многие жители спешно покидали свои дома, направляясь на юг; ближе к столице.

Агрус Торн достал последнюю сигарету из "табачной розы" - удивительного сорта табака, с едва уловимым сладким цветочным ароматом. Самой плантации уже лет двадцать как не было, и он не знал, выращивали ли где-то ещё такой табак.

В полдень в город вошли войска. В черных доспехах, с огромными ружьями наперевес. Началась стрельба, и ветер разносил над городом запах пороха и смерти.

Агрус Торн вышел из кузни с огромной кувалдой на плече. Седой старик с сильными руками встречал неприятеля с достоинством и презрением в глазах. Один из солдат, заметив его, вскинул ружьё и выстрелил. Пуля прошла несколькими дюймами левее его плеча. Агрус Торн не пошевелился. Тут же к солдату подбежал, судя по всему, офицер высокого звания и тяжелой рукавицей наотмашь ударил его по шлему. Солдат выронил ружьё, и упал на землю. Офицер, в украшенной золотыми восьмиконечными звёздами кирасе, что-то громко кричал ему, указывая пальцем на кузнеца. Затем он выкрикнул несколько имен, и его моментально окружил отряд из пятерых бойцов. Отряд двинулся к кузне.

Агрус Торн снял кувалду с плеча и крепко сжал её руками, готовясь к драке.

Начальник в окружении воинов подошел вплотную к Агрусу, и заговорил, не удосужившись снять свой шлем. Говорил он очень плохо, и с сильным акцентом.

- Кусьнес, мой командир сохранить твой жиснь, на то, чтобы делай нам твой рушья, и прочий орушие. И научить нас все тфой секреты металла.

- Вы принесли войну в наш маленький мир. Это стоило всем слишком дорогого. К тому же, я создал очень много оружия на свой век. И некоторое из них будет нести горе ещё многие столетия после моей смерти. А по поводу вашего предложения - я даже не буду рассматривать его всерьез. А теперь - прочь с моей земли!

- Ты не смей указывай нам что делать! Ты не представлять, что...

Никто так и не услышал окончания предложения. Агрус Торн в мгновение замахнулся кувалдой, и что есть сил ударил офицера по голове. Шлем треснул в одном месте, и с оглушительным звоном вмялся в голову. Брызнула кровь, и человек упал замертво. Спустя несколько секунд раздался выстрел. Агрус Торн ощутил резкую боль в груди, а потом густая тьма обволокла его.

Когда несколькими днями позже войска грабили город, один из особо пронырливых солдат случайно обнаружил в полу в кузне Агруса Торна массивную шкатулку белого дерева. Платиновые монеты он шустро рассовал по карманам, а нож засунул за голенище. Двумя днями позже этот солдат был застрелен в сражении, названном "бойней при Доловом взгорье", и похоронен в безымянной могиле, вместе со всем своим скарбом. Перед тем, как быть извлечённым на свет, тринадцатый нож пролежал в земле практически семь тысяч лет.

* * *

Четыре с половиной тысячи лет спустя...

Солнце всё ещё пыталось согревать умирающую планету. Жизнь на голубом теле медленно входила в финальную стадию существования. Остатки разумного (насколько это вообще возможно) человечества агонизировали, прячась от губящих лучей ультрафиолета, радиации, и курильщиков.

Курильщики возникли после масштабного изменения рельефа. Никто из выживших доподлинно не знал, и не помнил, как они возникли. Огромные, подчас исполинских размеров, коптящие столбы росли прямо из разломов в земле. Несколько раз в сутки (хотя, понятие суточного цикла тоже стало весьма относительным) они выбрасывали в атмосферу невероятное количество метана и серы. Серые каменные колоссы пытались окончательно убить атмосферу предсмертным хрипом земли.

В редкие дни, когда ураганные ветры рассеивали бордово-серые облака, достаточно светлыми ночами можно было увидеть остатки космического тела, размерами чуть меньше луны, с рассыпанными рядом осколками от столкновения с единственным спутником земли.

Одежда его из белой, стала серой, с огромными, растекающимися желтыми разводами. С трудом, но он всё же мог дышать без защитных средств.

Последний раз чистую питьевую воду он находил несколько недель назад. Если экономно расходовать ресурсы организма, то можно продержаться ещё пару месяцев.

Он двигался в ту сторону, где он недавно почувствовал людей. Совсем небольшую группу, ютившуюся в неких подземных сооружениях.

Они были близко.

Джакка поправил респиратор на запотевшем лице, и почувствовал, как соленый пот разъедает мозоли от ремней, стянувших голову. Обмотанный тряпьем с головы до ног, в черных очках из поцарапанного мутного пластика, он нещадно потел, хотя на смотровой площадке был полумрак, и гулял ветер.

Пост номер 0. Стратегически необходимая часть системы жизнеобеспечения. Огромный кислородный компрессор, собранный из разрозненного хлама, и работающий кое-как. В обязанности постового, помимо непосредственной охраны, входила замена фильтров, которые с каждым днём приходилось менять всё чаще. Некоторые уже давно пришли в негодность, и были наполнены не синтетическими полимерами, а ватой и углём, замотанным в тряпки.

- Это всё из-за курильщиков. - сказал Джакка сам себе. - Хреновы штуки выросли, как грибы после дождя. А мы ещё думали, что все эти мегазаводы погубят атмосферу. Курильщики, мать их!

Джакка больше инстинктивно пошарил по карманам, хотя прекрасно помнил, что сигареты закончились ещё пару лет назад. Охренительная шутка вселенной - сигарет, вызывающих рак лёгких, нет, но и дышать без "намордников" невозможно. И к тому же, ни табак, ни прочие растения не хотели расти в убежище. В чёртовом бункере, вообще нихрена не росло, кроме бурой плесени.

В животе заурчало. Мизерная пайка, которую выдавали строго по дозировке, уже давно не могла насытить организм всем необходимым.

- И вот интересно, сколько они ещё хотят просуществовать на этой жратве? - спросил он у самого себя. - Консервы сами по себе, знаете ли, не вырастут. Да, и вода в солончаке не бесконечна. Сколько не выпаривай эту соль, вода всё-равно горькая, как дерьмо.

Джакка ненавидел нынешнее своё положение целиком и полностью. Нехватка жизненно необходимых ресурсов, вечно носимый, будто приросший к лицу респиратор, фантомные боли

отсутствующих трех пальцев на левой руке, и обильный кашель в забитых лёгких.

- Мы скоро уже и срать начнём серой. - сказал он достаточно громко, так что по высоким сводам пошло гулять весьма неразборчивое эхо. - Где этих водоносов черти таскают?

Джакка сложил ладони козырьком, и пристально вгляделся в пустынный пейзаж. В далёком мареве виднелись очертания сухих, обугленных деревьев, окружавших солончак, а за ними всё было непроглядно-серым до самого горизонта. Джакка знал, что там. Все знали, что там. Огромные столбы, подпиравшие низкое небо.

Курильщики.

Сначала он подумал, что ему это всё только кажется. Недостаток кислорода, или просто галлюцинация. Но, чем ближе она подходила, тем реальнее становились очертания идущего. Без сомнения, это был человек. В грязно-белой одежде, с развивающимися длинными волосами примерно такого же цвета, как и его одеяния. Никаких средств защиты на нём не было, и это, судя, по всему, не доставляло ему никаких неудобств. И чем ближе он подходил к убежищу, тем больше Джакка не верил своим глазам. Внезапный порыв ветра поднял в воздух огромное облако пыли, и несколько минут не было видно ни зги. Когда пыль улеглась, пришелец был ближе. Он был практически рядом.

Джакка снял автомат с предохранителя; ещё раз убедился, что он стоит в режиме одиночной стрельбы. Стрелять без необходимости не было никакого желания, да и к тому же, патронов было всего шесть штук. Шесть последних боевых патронов к последнему боеспособному автомату на непредвиденный случай. Плюс у каждого из живущих в бункере было по одному "личному" патрону. Трое уже воспользовались ими, чтобы пустить себе пулю в голову.

Джакка вскинул автомат и, насколько ему позволил респиратор, крикнул:

- Стой! Ты кто такой, мать твою?!

Человек остановился в паре десятков шагов ото входа. Он несколько неуместно и театрально развел руки в стороны и вверх.

- Я! Человек-Иисус! - Сказал он очень громко и отчетливо. - Я пришел, дабы агнцев своих наставить на путь истинный! Ибо больны Вы, как и болен весь мир от неба до земли.

- Это... невозможно... - Пробормотал Джакка тихо. - Ты же, мать твою, умер хрен знает когда.

- Нет, сын мой, я всегда был здесь, и сейчас пришел, чтобы в тёмный час вывести вас на свет божий.

- Это не просто тёмный час, мы - умираем, Господи!

Человек, тем временем, подошел вплотную, и Джакка увидел его серые, почти белые глаза, и, показавшееся ему невероятно красивым, лицо. Высокий рост, белоснежная кожа и мускулы придавали ему большую схожесть с древним атлантом, нежели с Сыном Бога.

- Подойди же ко мне... Ибо я принес Вам избавление ото всех напастей, на ваши головы свалившихся. - Сказал он.

- Иисус, это правда ты? - в глазах у Худого и оборванного человека в респираторе застыли слёзы.

- Подойди ко мне! - Закричал человек-иисус.

Джакка раболепно подошел к человеку, и, понурив голову, попытался разглядеть остатки своих ботинок, из-под мутных очков, и, застилающей глаза пелены слёз. Человек обнял Джакку за плечи, и нежным, но уверенным движением вверх скользнул ладонями к голове.

- Иисус, прости нас, мы погубили всю планету, и... себя тоже погубили. А ещё мы... я очень хочу есть. И курить. Или просто сдохнуть... - разборчиво говорить дальше он не смог, так как тело его сотрясалось от рыданий.

- Тссс... - Сказал Иисус. - Я прощаю тебя, сын мой.

Человек начал поднимать Джакку над землей, крепко ухватившись руками в основание головы. В глазах у Джакки застыло удивление, и, некое спокойствие. Когда он висел на уровне нескольких дюймов, человек в одночасье вывернул ему голову практически в обратную сторону. Тело Джакки рухнуло на бетонный пол, звонко лязгнув автоматом, всё ещё зажатым в руках.

- Вот твоё избавление, сын мой. Это единственное, чего ты достоин.

Ллотр миновал кислородный компрессор, который натужно гремел лопастями где-то в своих недрах, тем самым разрушая тишину, и подошел к огромной круглой двери, ведущей в бункер. Дверь была заперта изнутри. Даже в нынешнем своём состоянии Ллотр смог бы вырвать бункерную дверь, но не хотелось тратить последние силы на

это занятие. Он несколько раз с силой опустил кулак на дверь, и услышал приглушенное эхо откуда-то изнутри.

Потом послышалось шевеление и некая сумятица. Затем голос:

- Джакка, это ты?

- Да, это я.

- Что там у тебя? Что-то случилось?

- Водоносы пришли. - Сказал Ллотр.

- Все вернулись? У них всё в порядке?

- Да, все четверо целы.

Спустя несколько секунд дверь ожила. Она начала щёлкать зубчатыми колесами и языками засовов, под мерные повороты штурвала. Когда последний язык встал на своё место, и дверь слегка подалась на Ллотра, скрип несмазанных петель заполнил всё пространство.

За дверью стояли двое. Без огнестрельного оружия, способного наделать ненужного шума, в респираторах, и солнцезащитных очках. Один из охранников, среагировал почти сразу. Увидев чужака, он выхватил с пояса огромный самодельный мачете, напоминавший своим внешним видом, скорее кусок ржавого железа. Ллотр был быстрее. Всего один мощный удар ладонью в солнечное сплетение отправил человека в полет к противоположной стене. В полутьме послышался оглушительный хруст позвоночника, говоривший о том, что человек, возможно, выживет, но останется парализованным до конца своих дней. Второму охраннику Ллотр рукой зажал рот, предварительно сорвав с лица респиратор, а второй рукой снял с пояса нож, и по рукоять загнал его в основание черепа. Человек моментально обмяк, и рухнул на пол.

Ллотр вытер нож об одежду убитого, и медленным крадущимся шагом направился в конец этого коридора. Там была дверь, ведущая вниз, к внушительной подземной норе из металла и бетона, ставшей убежищем для стремительно сокращающейся популяции выживших.

* * *

Руфь была совсем плоха. Маленькая, отчаянная женщина с внушительным животом. Она сама не понимала, что заставляло её не отказываться от беременности, которая вытягивала из неё все соки. Растущий внутри плод требовал усиленного питания, которого ни Руфь, ни община не могли ей предложить. Поэтому, большую часть

времени она проводила лёжа в полудрёме на пыльном и вечно сыром матраце, в выделенной ей небольшой комнатке. На пятый месяц у неё начали выпадать зубы.

Ухаживали и следили за ней двое. Такая же отчаянная Мира, с лицом, некогда красивым, но сейчас обезображенным ожогами, и старик, имени которого никто не знал. Мира с какого-то момента приучила свой желудок к половине пайка. Вторую половину она несла Руфи. Руфь ела. У неё просто не было сил отказываться. В особо безысходные моменты Мира пела. Пела высоким пронзительным голосом, пробирающим до самого нутра, и заставлявшим шевелиться волосы на загривке. Она пела про нечто чистое и хорошее; про то, чего сейчас почти не осталось. Но, забитые лёгкие давали про себя знать, и иногда песня обрывалась приступом сухого мучительного кашля.

Сама Мира в какой-то момент задалась вопросом, почему она вообще помогает ей, ведь все понимали, что беременность, и, в том числе, роды в таких условиях - это безнадёжное предприятие. Гораздо проще придти как-то вечером, и задушить эту решившуюся на безумство девушку, грязной драной подушкой. Доктор скажет, что она задохнулась во сне, а все остальные вздохнут с облегчением. Больше пищи для остальных. Больше воздуха для остальных. Это было разумно, но неправильно. Может они и не осознавали, но им нужно было это дитя. Им нужен был ребенок-надежда. Возможно, последний, рождённый в этом умирающем мире.

Старик же, когда-то давно, будучи доктором, большую часть времени проводил с Руфью. Он подолгу сидел, и согревал в узловатых, побитых артритом руках, большой медный стетоскоп. Несколько раз в день он подсаживался к Руфи, аккуратно задирал толстенный вязаный свитер с её живота, и приставлял к нему мятую, покрытую патиной трубку. Он слушал плод. Тот был слаб, как и надежда на то, что он вообще выживет. Только из-за чувства ответственности перед этой маленькой женщиной, старик постоянно откладывал не дающую ему покоя мысль о том, чтобы в один прекрасный вечер проглотить пулю.

Руфь спала. Совсем недавно Мира приносила еды. Она сказала, что старик отказался от обеда в её пользу. Мира проворно достала из складок одежды небольшую банку собачьих консерв, и нож из-за голенища сапога, при этом постоянно поправляя свободной рукой засаленные волосы.

- Старик совсем плох. - Сказала она больше в пустоту, чем кому-либо конкретно.

Руфь ела консервированное мясо, и в задумчивости кивала. Мира нервно теребила волосы и смотрела, как ее подруга ест.

- Солончак пересыхает. - Сказала она. - Видимо, поэтому Водоносы сегодня задерживаются. Джакка последнее время сам не свой, он постоянно говорит о том, что всё это ненадолго. Он говорит, что, возможно, вода закончится ещё раньше, чем припасы. Даже не смотря на то, что нас осталось совсем немного. И, вероятно, станет ещё меньше.

Мира перестала говорить тогда, когда заметила крупные слёзы, катившиеся по щекам Руфи. В руке она крепко, до синевы, сжала щербатую вилку.

- Прости, прости, что же это я такое несу, тебе ведь нельзя переживать.

- Мы все здесь, умрём, да? - Руфь всхлипывала, глотая слёзы.

- Нет, нет. Всё будет хорошо. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Мира, поняв всю глубину своих слов, молча удалилась из маленькой комнатки, оставив Руфь наедине с собой. Та отложила еду в сторону, и перевернулась на бок, лицом к стене. Она плакала до тех пор, пока не заснула. Ей снились мёртвые люди.

Когда она проснулась, везде явственно ощущалась некая гнетущая тишина. Электричества снова не было. То ли утих ветер, питавший генераторы, то ли система снова забилась пылью. Аварийная светодиодная лампочка безуспешно пыталась рассеивать тьму вокруг, но, получалось слабо.

Воздуховод почти беззвучно шипел тоненькой струйкой. И никакого чувства присутствия людей вокруг. Как будто бы все в одночасье уснули, хотя Руфь знала, что такого никогда не случалось. Сюда, в маленькую комнатушку в дальнем крыле и так не доходили ни звуки, ни какие-либо события; но сейчас тишина была густой и вполне осязаемой. Она не знала, сколько минут было тихо, прежде чем она услышала шаги. Она не сразу поняла, что с ними не так, и только когда кто-то остановился возле двери в её комнатку, она поняла, что именно. Тот кто пришел к ней, был бос.

Разглядеть вошедшего было поначалу тяжело. Длинноволосый и мускулистый силуэт в просторной светлой одежде, склонил голову набок. Он подошел к Руфи, и сел на корточки рядом с ней. Она подобрала ноги, и обхватила руками колени, насколько позволял это сделать внушительный живот. Вошедший был похож на измученного миром Иисуса, только без бороды, и со шрамами на лице.

- Здравствуй, девочка. - Сказал он.

- Кто вы? - Спросила Руфь.

- Я - человек Иисус. Я пришел даровать вам вечную радость, и счастье, и избавление, и прочую ересь в таком духе.

- Кто Вас впустил сюда? Где все остальные? Где Мира?

- Не имеет значения, кто меня впустил, я здесь, и это главное. А все остальные ждут тебя в трапезном зале.

- У нас нету такого зала - сказала испуганная Руфь.

- Теперь есть. Пойдём со мной.

Он протянул ей руку, и она обратила внимание, что рука незнакомца заляпана кровью.

- Я никуда не пойду с вами! - вскрикнула девушка, и на глазах её выступили слёзы.

- ПОШЛИ СО МНОЙ! Не заставляй меня тянуть тебя за ноги, или волочь за волосы. Вставай!

Руфь начала реветь, одновременно пытаясь встать на негнущиеся ноги.

Он поднял её резко, и практически не прилагая особых усилий. Как будто бы та не весила ничего вовсе. Он повел её по коридору, освещённому такими же тусклыми аварийными лампами. То тут, то там попадались лужи и кровавые потеки на стенах. Никаких тел не было, что пугало Руфь ещё больше.

- Вот ты думаешь сейчас, что я плохой, да? - как будто вникуда спросил Ллотр, и продолжил. - А вот вы все хорошие. Ну, вот, хрен там. Когда начался весь этот пиздец, вы все как с цепи сорвались. Все ваши моральные устои улетучиваются, и вы движимы одними лишь инстинктами. У вас нет ни цели, ни идеи, ни морали...

- Ты их всех убил, да? - Захлебываясь слезами, спросила Руфь. Ллотр продолжил, будто и не было вопроса.

- Я же искореняю болезнь безжалостно и не раздумывая, даже если для этого приходится убивать. Много убивать. - он на секунду

умолк. - Я долго считал, что болезнь вызывают вредные организмы. И... И я пришел к выводу, что вы; вы все - это и есть вредные организмы. Человек - это сама по себе зараза!

- Ты и меня убьешь?

- Что, прости, я не расслышал. Ах, да, конечно. Конечно убью. Но, не сейчас. Нам нужно кое-кого подождать здесь. К тому же, мне же нужно хоть с кем- то поговорить.

Руфь заревела громче прежнего, за что схлопотала пощёчину, и её голова с хрустом дернулась в сторону. В какой-то момент маленькой хрупкой девушке показалось, что от такого удара голова должна оторваться вовсе. Голова осталась на месте, вот только щека начала неистово гореть. Ещё несколько метров они прошли в тишине.

Ллотр привел её к залу, где была "общая комната", как община называла её изначально. Когда он открыл дверь, и Руфь увидела, что там сейчас творилось, ноги окончательно подвели её, и она упала на колени. А потом её начало тошнить. В воздухе резко запахло желчью.

В зале творился полный бардак, за исключением инсталляции в центре. Среди разбросанных вещей, и крови, которой здесь, казалось, было облито решительно всё, стоял большой продолговатый стол, сколоченный из нескольких небольших столов, за которыми жившие здесь ранее, обедали. За столом, усаженные в несколько нелепых позах, сидели мёртвые люди. Их было одиннадцать.

- Нравится? - С долей ехидного самодовольства спросил Ллотр. - Не переживай, тебе тоже найдется место за этим столом. Рядом с твоей подружкой, разумеется.

Руфь подняла глаза, и обратила внимание на то, что в центре пустуют два стула. Рядом с одним из них, запрокинув голову назад, была Мира. Руфь не сразу поняла, что не так с её подругой (за исключением того, что та была мертва). А когда увидела, что ей, натурально выражаясь, вырвали горло, её снова стошнило. Потом перед глазами всё поплыло, и Руфь повалилась в тёмное ничего.

Когда она пришла в себя, голова была невероятно тяжелой. Она с трудом подняла её со стола. В какой-то момент Руфи показалось, что щека будто прилипла к столу. Через какое-то мгновение пришло осознание того, что некоторое время она пролежала лицом в луже чужой крови. Она начала тереть щёку, но чувствовала, что кровь уже запеклась.

Она оглянулась вокруг. Справа от неё сидела Мира. В кровавом месиве виднелась белая кость позвоночника. Снова к горлу подошел комок, но, рвать было уже нечем, и изо рта вырвался только воздух. Руфь больше машинально прикрыла рот рукой в некоем стыдливом жесте, и повернула голову влево. За столом слева сидел Ллотр и внимательно изучал некую невидимую точку на столе. Он не моргая, медленно повернул голову к ней и заулыбался.

- Ты проснулась. - Больше констатировал, чем спросил он. Руфь робко кивнула головой. - Это хорошо. Кушать хочешь? Я тут порылся в вашей кладовой, и обнаружил банку ананасов в сиропе. Последняя банка между прочим. Будешь? Нет?

Он пододвинул к ней вскрытую банку, в которой в сахарном сиропе плавали аппетитного вида колечки ананасов. Руфь почувствовала на языке почти забытый вкус сладкого фрукта, и сглотнула слюну, которая отвратительно отдавала желчью.

- Нет. - Ответила она. Голос её был сиплый, и звучал глухо. Она даже не сразу поняла, что говорила именно она.

- Ну, и зря. Я вот всегда любил ананасы. Самое прискорбное, конечно, что к таким мелочам быстро привязываешься. В этом цикле это, наверное, всегда было для меня чем-то особенным. В следующий раз будет что-то новое. Но, другое. Может быть, ещё слаще, или ещё вкуснее. Но, вот именно такого уже никогда не будет. И это прискорбно, да.

- В следующем цикле? - Спросила Руфь.

- Да-да. Постой! А я, что, ничего тебе не рассказал. Прости меня сердечно. Позволь немного приоткрыть тебе завесу тайны. - Ллотр сделал радушный жест, будто зазывала на бродячей ярмарке. - Ваше человечество - это уже второй раз. В том смысле, что до этого было другое. Цивилизация более единая с природой, просуществовавшая более десяти тысяч лет, прежде чем она достигла морального и физического упадка. Она медленно вырождалась и умирала, прежде чем природа поглотила человечество целиком. После полной перезагрузки всё началось снова. В этот раз вы развивали науку, медицину, порывались осваивать космос, но, так и не смогли договориться с самой планетой. Вы расползлись по ней, как паразиты, оставляя за собой только мусор, грязь и отходы. И вот банальная штука - космическое тело столкнулось с луной, и сдвинуло её с

орбиты. Это послужило началом вашего конца. Катаклизмы, сдвиги земных плит, а вот теперь ещё и эти столбы, убивающие атмосферу, которые вы назвали курильщиками. Ты ведь прекрасно понимаешь, что это закат вашего вида. Осталось совсем немного. Может, лет пять-шесть, и всё живое окончательно умрет. А потом начнется новый период терраформации. И всё начнется снова. С примитивных племен, и, возможно до человека, которому покорится космос. А потом - новая перезагрузка. И так - до момента, когда какая-то из сторон не проиграет.

- Каких сторон?

- Нас было десятеро. Пятеро белых, и пятеро чёрных братьев. И сестер, в том числе. Сейчас чёрных осталось только двое. Белых - пока ещё четверо. Всё это - всего лишь долбанная игра, в которой таким как я, уготовлена роль старших фигур. Две стороны. Белая и черная, соответственно. Игра закончится только тогда, когда все фигуры с одной стороны погибнут.

- А как же люди? - Спросила Руфь.

- Люди не достойны даже уровня пешек. Вы всего лишь расходный материал, движимый Инерцией. И порой она весьма нещадна к вам. Вот как сейчас. Природа уничтожает ваш вид, чтобы дать старт новому Человечеству. Впрочем, всё это не имеет значения во вселенском масштабе. Кстати, как тебе моя композиция? - Ллотр обвел рукой все вокруг. Руфь молчала. - Я решил, что раз уж я представился Иисусом, то нужно продолжать следовать этому утверждению. И вот я решил воспроизвести "тайную трапезу". Во главе стола, естественно Я, и вокруг меня 12 апостолов.

- Ты их всех убил. - На глазах у Руфи навернулись слёзы.

- Несомненно. Живые они только мешались бы мне. К тому же, я хочу произвести впечатление на моих братьев, которые уже совсем рядом, и скоро прибудут сюда.

- Надеюсь, они сделают с тобой то же самое, что ты сотворил с этими людьми.

- Ты что, собираешься их защищать? Да половина этих примитивных уродцев только и мечтала о том, чтобы ты сдохла вместе со своим ребенком. Причем, неизвестно от кого зачатым. Даже твоя подруженька не раз думала задушить тебя, пока ты спала. Кстати, как

громко она кричала! Я думал, что у меня барабанные перепонки в ушах лопнут.

- Я ненавижу тебя! Я хочу, чтобы они убили тебя! Ты - больной... аааааААААААА!!!!

Руфь даже не успела уловить это движение. Ллотр в мгновение достал из складок своей одежды небольшой черный нож, и пригвоздил её лежащую ладонь к столу. Нож прошил доску насквозь. Руку невероятно жгло, будто раскалённым железом.

- Прости, что так получилось. Прости меня. - Ллотр с отвратительным скрипом пододвинулся к ней на стуле, прижал к себе, и принялся нежно гладить по голове. - Я не хотел причинять тебе боль, но, ты сама меня заставила. Ну-ну, прекрати завывать, а то я доберусь и до второй руки.

Руфь моментально закрыла рот свободной рукой, и принялась буквально давиться слезами и криком. Всё её тело беззвучно содрогалось.

- Кстати, как тебе нож? Нравится? Его зовут Куница. И у меня есть ещё одиннадцать его братьев. У каждого своё имя, и своё назначение. Один для филеровки; другой - чтобы отделять кости одну от другой; третий - чтобы доставать до внутренних органов; и так далее. Хочешь, я покажу тебе их все? Нет? Ну, и ладно. Ты, возможно, ещё успеешь увидеть, как я хорошо научился управляться с ними. Дело в том, что я потратил уйму времени, чтобы найти достаточно металла для их изготовления. А всё оттого, что это единственный материал, который способен причинить сильную боль, и даже лишить жизни моих братьев. Я надеюсь, ты тоже насладишься зрелищем, которое я приготовил специально к их приходу.

Они уже близко. Я это чувствую.

Руфь почувствовала, как она снова теряет сознание, проваливаясь в темное беспросветное ничто. Голос безумного Человека-Иисуса становился всё тише и тише, пока не пропал вовсе.

Глава 8

ГЛАВА 8

Издалека вообще невозможно было определить, чем это было когда-то. Масса небольших построек, сейчас превратившаяся большей частью в груды колотого кирпича, бетона, и стекла. И только подойдя ближе, по останкам ржавых горелых каркасов автомобилей специфичного назначения, можно было судить, что когда-то это место было военной базой. Всё, что было построено выше уровня земли, пришло в негодность. Исключение составляли подземные этажи. Шедший по руинам, ведомый тонкой, но отчетливой нитью, надеялся, что его брат сейчас внизу занимается чем-то полезным. Впрочем, чего-то другого от Цогуа ожидать вряд-ли приходилось.

Велер остаточно Видел, как шел его брат; какие куски бетона и железа он отбрасывал в стороны, дабы пройти более коротким путём. "Короткий путь, не всегда быстрый" - вспомнил Велер старую мудрость - "Впрочем, братца она не касалась ни единым словом" - сказал он уже вслух.

Нить привела его в разрушенное почти до основания фойе (когда-то оно действительно было им), заваленное бетонным крошевом. Под ногами хрустели осколки стекла, а от ходьбы поднимались вверх облака густой серой пыли. Пройдя несколько метров, Велер свернул вправо, к единственной частично уцелевшей лестнице, ведущей вниз. Этажом ниже зияла темнота коридора, лишь вдалеке был тусклый луч света, который давала одинокая, слабая лампа накаливания. Брат, судя по следу, задержался здесь недолго, и спустился ещё на два этажа вниз.

Минус третий этаж встретил Велера круглой дырой прохода, и отсутствовавшей металлической дверью. Огромная круглая дверь бункерного типа почти в метр толщиной была вырвана с мясом, и лежала в стороне. Велер предположил, что Цогуа был очень зол, и взбешен, раз потратил столько сил, вместо того, чтобы попытаться подобрать комбинацию.

- Это оно у тебя само выпало, или ты решил освежиться? - Едкая реплика касалась блестящей в свете галогенной лампы, лысины.

Внушительный силуэт, склонившийся над столом, занимался своими делами, не считая должным удостоить вошедшего вниманием.

- А ты всё также говоришь всё, что взбредёт тебе в голову? - Сказал Цогуа.

Он выпрямился, развернулся лицом к брату, и увидел его стоящим в проёме, облокотившимся о дверной косяк. Велер разглядел повязку на глазу Цогуа, ставшую красной от крови. Ещё на нём был бронежилет со стоячим высоким воротником, закрывавший почти всю нижнюю часть лица, скрытую, густой бородой.

- Ох, ты, ни хрена себе! У меня конечно, есть теория, кто мог тебя так поцарапать, но, я не соображу, почему оно не восстановилось? - Велер склонил голову набок. - Или это произошло вчера?

- Пару недель назад.

- Две недели! - Прикрикнул Велер, и глядя на озлобленное и обезображенное лицо Цогуа, попытался было продолжить задавать вопросы, но Цогуа его перебил.

- Это он. Своим ножиком выковырял глаз полностью. И рана очень болела. И болит до сих пор.

- Кстати, по этому поводу у меня тоже есть теория, но, я хочу озвучить её, когда наше милое семейство, за исключением блудного сына, разумеется, соберется вместе. Ты ведь сообщил сестре, где ты?

- Я отправил ей сообщение на комм.

- Сообщение? Но, ведь, электричество там, и прочие штуки не работают? Или я не прав?

- Я тут пару батарей из местного хлама собрал. Один из спутников работает. Сигнал есть. Сообщение ушло.

- И ты думаешь, оно дошло до адресата? В том плане, что она вряд ли ждет почтового голубя от кого-либо из нас.

- Я лично собирал её приёмник и автономную подачу энергии. Ты думаешь, я бы отправлял сообщение вникуда? Я не тупой, Велер.

- Ага. Только самонадеянный. Ты, видимо, пытался его сам на сам зарубить, да? - Велер заработал от брата испепеляющий взгляд, и продолжил, как ни в чем не бывало. - А Тотль? Ты послал ему весть?

- Сестра сообщит ему. Обязательно.

- Сестра вряд ли придет. У неё до сих пор есть к Ллотру, так называемые, "чувства". - Говоря это слово, Велер скривил губы. - Она может и Тотлю ничего не сказать.

- Она скажет ему. - Цогуа выдержал паузу. - Я очень на это надеюсь.

- Я как минимум, не откажусь от его помощи. Кстати, я уже довольно давно его не видел. Ты, часом не в курсе, где он якшается?

- Среди смертных, я подозреваю.

- Ах, точно. Наш сердобольный братец всё также пытается спасти всех убогих и обездоленных. Вот только у Сил, всем заправляющих, на это есть своё мнение. И оно не всегда совпадает с нашими желаниями и возможностями...

- Меньше слов, Велер. - Перебил его Цогуа. - пока есть время - собирайся.

- Да, всенепременнейше. Что можешь предложить, братец? Оружие имеется?

Цогуа не стал отвечать, а просто медленно и задумчиво кивнул головой. Затем сделал несколько шагов к стене, и включил рубильник. Лампы начали шуметь, и мерцать, постепенно загораясь, освещая помещение густым голубым светом.

Когда-то помещение было или казармой, или просто большой жилой комнатой. Сейчас же оно больше напоминало склад. Повсюду кучами было свалено оружие, разных видов и калибров, запчасти, инструменты, одежда, обувь, средства защиты, механизмы, электроприборы и емкости с топливом. Велер подумал о том, что Цогуа просто собирал всё уцелевшее и сносил сюда.

Стол был завален запчастями, судя по специфике, от различного автоматического оружия. Рядом, в черном жирном пятне, валялась масленка, разбросанная ветошь и россыпь крупнокалиберных патронов. В самом углу лежало что-то большое, накрытое грязным куском брезента.

- Что это ты тут собираешь?

- Новую игрушку. Покажу позже.

- Ладно, мой лысый братец, поверю тебе на слово. А сейчас ответь мне: есть у тебя что-нибудь поесть?

* * *

Уцелело, как ни странно, только крыльцо, сделанное из твердой снежной секвойи. От "верхнего" её дома почти ничего не осталось. Впрочем, она уже привыкла к этому. Она давно поняла, что уцелеть при таких катаклизмах может только надежный бункер. Поэтому,

всякий раз над её обителью вырастал простой домик, без особых удобств. Всё остальное было внизу. Прочная металлическая капсула, вросшая в землю. Только так можно было сохранять свои вещи и себя саму в целостности.

Когда она вошла в свою комнату, на столе ядовитым зеленым светом горел коммуникатор, когда-то давно собранный Цогуа. Ей было совершенно непонятно, от чего эта штука питается, но он никогда не требовал зарядки, и постоянно находился в режиме ожидания. Сейчас на экране впервые за долгое время горел значок в виде конверта.

Даже не открывая и не читая его, она уже знала, что произошло. Слишком густо это было разлито в эфире, и слишком явно просачивалось в реальность. Мыслесфера почти опустела, и такие сильные вибрации, какие издавали её братья, чувствовались очень сильно. Велер и Цогуа что-то задумали. Пришло время известить Тотля.

Она взяла небольшой лист бумаги, бегло набросала несколько строк, и сообщила точные координаты своего убежища, приглашая брата на разговор.

Теперь оставалось найти живое существо, способное доставить сообщение. Она поднялась наверх и закрыла глаза, пытаясь нащупать хоть кого-то. Ей сгодилась бы и небольшая птица. Даже крыса, в конце концов.

Радиация и малопригодная атмосфера убили большую часть животных, но Ишчель не теряла надежды.

Одинокая и тощая ворона, влачащая свои последние деньки, жадно рвала и глотала останки кого-то, кто ранее, возможно, был животным. Возможно, и человеком. Это была её первая добыча за почти неделю перелётов и поисков. Голод, полностью заполнивший её сознание, заставлял есть впрок.

Когда пришло чувство насыщения, вместе с ним появилось желание лететь в некое конкретное место. Место сулило еду, воду и определённую цель. Ворона сыто каркнула; её голос разлетелся как выстрел в окружающей её пустоши. Она взмахнула крыльями и взяла курс на север.

Часть её сознания аккуратно влезла в голову птицы, и изо всех сил гнала её к себе. Ворона появилась где-то через час с небольшим. Круто спикировав, она уселась на протянутую руку и скорее инстинктивно

клюнула за большой палец. На нем выступила кровь, но Ишчель даже не дернулась.

Она крепкой ниткой привязала к лапе записку, и подбросила ворону вверх, предварительно отдав приказ найти Тотля. Ишчель не знала, сколько дней потребуется птице на поиски, но надеялась, что та найдет брата раньше, чем умрет от голода и безостановочного перелета. Она стояла на улице до тех пор, пока птица не превратилась в точку на горизонте, и только после этого спустилась в дом.

Ишчель долго не решалась открыть послание, вертя комм в руках. Слишком очевидным для неё было то, что могло быть написано в сообщении. Небольшой, но тяжелый, грубо отлит из плотного пластика, с зеленым экраном и маленькой полноценной клавиатурой. Когда давным-давно Цогуа подарил его ей, он сказал:

- Это на крайний случай связи. Если ментальные пути будут закрыты, я отправлю тебе сообщение. Его не надо заряжать. Он работает на... Долго объяснять. Просто держи его у себя. И, да, береги себя, сестра.

Ишчель открыла сообщение.

37°17'1"N 115°47'22"W.

Сообщи Тотлю и приходи сама.

Тотль чувствовал, что это конец. Нет, ни в коем случае не его собственный. Он, к своему проклятию вечности уже привык. Бродя по этим бескрайним пустошам, когда-то принадлежавшим человеку, а теперь превращенным природой в руины, он понимал, что скоро всё закончится. И потом начнется сначала. Только вот насколько ещё всё это затянется? Сейчас курильщики, радиация и голод закончат своё дело, и они снова останутся одни. Братья.

Он в последнее время всё острее чувствовал человеческие смерти. И чем меньше людей становилось, тем звонче в его голове отдавались их предсмертные крики. И Ллотр. Как пятый всадник апокалипсиса, он пировал в безнаказанности. Велер и Цогуа уже не раз заводили разговор о том, чтобы убить его. Смелости им двоим не занимать. Вот только хватит ли у них сил? Тотль лично для себя определился, что он присоединится к ним в этом походе. Каким бы ни был исход этого предприятия. А сестра? Сестра вряд-ли согласится. Хотя, прошло столько времени. Кто знает?

Тотль пересек холмистую гряду, и его взгляду открылась панорама мёртвого озера. Вода давно испарилась, и на её месте осталась липкая глиняная грязь, в которой единственным элементом пейзажа было огромное ржавое судно, почти полностью завалившееся на бок. Тотль очень смутно представлял, каким это место было раньше, и действительно ли это оно было когда-то водоёмом.

Надеяться на то, что на судне можно будет найти припасы или воду, было глупо. Значит, придется двигаться дальше. Вода ему всё-таки требовалась.

И пока он размышлял, куда теперь держать путь, он заметил, что прямо в его сторону летит птица.

Тощая, облезлая ворона, была на последнем издыхании, и упала в нескольких метрах от Тотля. От падения её шея переломилась с громким треском. Тотль поднял её за лапу и увидел, что к ней привязан сложенный в несколько раз клочок бумаги. Он развернул его. Прочел.

Собравшись с силами, он начал бежать туда, откуда прилетела птица. Наращивая темп, он бежал всё быстрее.

* * *

Тотль появился вечером третьего дня. Как всегда спокойно-невозмутимый и отстраненный. Разве что весь грязно-серого цвета, со спутанными волосами, и пахнущий потом. Она ждала его.

- Зайдешь ко мне? У меня есть еда. Может воды хочешь?

- Нет времени. Хотя, воду давай.

Ишчель подала ему заранее припасенную пластиковую бутылку с водой, и пока Тотль пил, начала говорить:

- Три дня назад мне пришло сообщение на комм. Его когда-то собрал Цогуа. Видимо, для таких случаев. И я поняла, что надо известить тебя, потому что такой случай наступил...

- Меньше драматизма, сестра.

- Пей свою водичку и не перебивай, братец! Цогуа оставил координаты, и сказал, чтобы мы с тобой тоже приходили к ним.

- Семейное, собрание? Всё, как раньше?

- Очень остроумно. Я... Я даже не представляю, что они собираются с НИМ сделать.

- А вот я прекрасно представляю. - Сказал Тотль. - Они попытаются остановить его, как бы всё это не закончилось в итоге.

- Я однозначно не хочу участвовать в этом. Мы, конечно, расстались не в лучших чувствах, но, всё же...

- Ты не понимаешь! ОН безумен! Он уже давно перестал быть тем, кем ты его помнишь!

- Но, ведь это не повод убивать его!

- А ты думаешь, мне этого так хочется? Он всё ещё мой брат. Но, если придется - я сделаю это. Я помогу Велеру и Цогуа покончить с ним.

- То есть для тебя всё так просто? Ты говоришь мне: пойдём, убьем нашего брата.

- Ишчель! Я... Все мы закрывали глаза на Ваш роман. Я верю, что у тебя ещё остались к нему какие-то чувства. Но, он другой. Он психопат, который убивает людей просто так. И поверь, он убьет всех нас, если ему это будет нужно. И у него не будет никаких угрызений совести по этому поводу.

- Ну, и прекрасно! Идите, убивайте друг друга! Только я - пас.

Ишчель стояла, скрестив руки. Её лицо искажала гримаса ярости, а на глаза начали наворачиваться слёзы. Прошла долгая минута, заполненная тишиной и редкими всхлипами. Затем Ишчель разрыдалась. Тотль смотрел на неё, и понимал, что сестра даже не допускала мысли, чтобы пойти с ними. Одной рукой она начала торопливо утирать слёзы, а второй она протянула Тотлю лист бумаги, на который переписала сообщение с комма.

- Уходи. Проваливай отсюда. Передай братьям, что я... что я не приду.

- Ишчель...

- Вон отсюда! Не хочу тебя видеть!

Она развернулась к нему спиной и замерла, как бы давая понять, что разговор окончен.

- Я бежал сюда почти два дня, Ишчель. Я не знал, пойдешь ты со мной или нет. Но, одно я знаю точно. Будь его воля, он бы убил и тебя.

Тотль взглянул на листок и прочел координаты. Чтобы добраться до места, ему потребуется дней пять. При условии, что не случится ничего непредвиденного. Он определил направление, и постепенно ускоряя шаг, бежал туда, где его дожидались братья.

Ишчель всё так же продолжала стоять, когда Тотль скрылся из виду. Взгляд её был рассеян, а мыслями она была очень далеко. Далеко

не только в пространстве, но, и во времени. Она сомневалась, насколько правильно поступила, но выбор уже сделан. Игра продолжается. Только в этом раунде она участвовать не будет.

За почти четыре дня перехода ему никто не встретился. Вообще. Ни люди (хотя, он толком не знал, как бы они отнеслись к нему, бегущему по поверхности без средств защиты), ни животные, ни птицы. Он даже не чувствовал ничего живого в этом обезвоженном пустынном краю.

На второй день он набрел на исполинский скелет города, подпирающий костями низкое небо, но предпочел обойти его стороной. Просто так, на всякий случай. К тому же, не хотелось терять время.

Лишь когда Тотль прибыл на место встречи, он почувствовал присутствие брата. Цогуа был здесь. И он был ранен.

Первее блестящей лысины брата, Тотлю в глаза бросился хаос окружающих вещей. Будто бы он попал на давно брошенный военный склад.

- Это оно у тебя само выпало? - Спросил Тотль, застав брата сгорбленным за рабочим столом.

- Я очень рад, что лишен вашего чувства юмора. - Пробубнил Цогуа, не оборачиваясь.

- А я рад видеть тебя, брат.

- Здравствуй, Тотль. Как я понимаю, Ишчель не пришла. - только когда Цогуа повернулся, Тотль увидел окровавленную повязку на глазу.

- Она... просила передать, что не придет.

- Это из-за НИХ?

- Да. Кто тебя?... - Тотль сделал жест, будто невидимым ножом вырезает себе глазное яблоко.

- Он. Я сцепился с ним пару недель назад. Я не был готов к тому, что он свихнулся окончательно.

- И оно не зажило за две недели?

- Вот об этом я бы и хотел бы рассказать Вам, дорогие братья и... сестра не пришла? - Велер внезапно появился откуда-то из темного коридора и приковал на себе взгляды братьев. - Ну, я весьма рад, что она хотя бы удосужилась сообщить тебе о нашем маленьком собрании. Здравствуй, мой сердобольный братец.

- Здравствуй, Велер.

- Еды? Воды? Может быть, поспать с дороги? У нас тут, к сожалению, не гостиница, и мы не оставляем постояльцам мятных леденцов на подушках, но...

- Нет, спасибо. Возможно, позже. - прервал его Тотль, понимая, что говорить он может бесконечно долго.

- Усаживайтесь. У нас мало времени. Велер?

- Да, брат.

- Рассказывай. Только короче.

Цогуа уселся прямо на стол и принялся натирать промасленной тряпицей одну из разбросанных деталей, видимо, чтобы чем-то занять руки в процессе беседы.

Тотль уселся на пол, скрестив ноги под собой, а Велер принялся расхаживать по комнате и бурно жестикулировать.

- Итак... мне очень нравится слово "итак", - оно очень хорошо для начала разговора, в котором подводят какие-либо итоги. Пардон за комментарий. Итак, думаю, цель нашего мероприятия всем ясна и достаточно прозрачна. Мы собираемся пойти и остановить нашего брата, у которого довольно давно и довольно успешно прогрессирует психопатия. При всём при этом, он, как и прочие психопаты, считает своё поведение абсолютно нормальным, и действует согласно своей нерушимой логике для достижения некоей цели. Впрочем, цель его понятна. Искоренить человечество и, подозреваю, нас в том числе. Правда, что он будет делать на абсолютно пустом безжизненном шарике, совершенно непонятно.

- Игра.

- Спасибо, Цогуа. Но, если он останется один, это значит, что партия закончена. Впрочем, это совершенно другой вопрос. И я даже не берусь судить о последствиях, ибо не ведаю о них совершенно.

Помимо этого, мы знаем, что наш буйнопомешанный братец обзавелся комплектом из дюжины ножей. Это судьбоносное событие произошло почти четыре тысячи лет назад, и мне тогдаудалось разыскать мастера, который их изготовил. И он утверждал, что Ллотр сам принес ему металл для работы. Не знаю, насколько кузнец его правильно понял, но он сказал, что братец свято верил в то, что это метеорит. И это не просто здоровенный кусок космического булыжника, который не сгорел при входе в атмосферу, но, вы только вслушайтесь: ядро давным-давно мёртвой планеты. Нет, я конечно не

отрицаю такой возможности, но факт остается фактом. Одним из этих ножей он... он лишил Цогуа глаза. Может, сам поведаешь нам, как это было?

- Пару недель назад. Я встретил его в некрополе, в нескольких днях пути на юг отсюда. Я, зная про то, что он двинулся умом, попытался вправить ему мозги. Сначала уговаривал. Потом - он полез в драку. А потом он очень быстро достал нож и вырезал мне глаз.

- Прости, а что ты делал в... некрополе? И где это вообще? - Вмешался Тотль.

- Наш немногословный брат все пустые города называет некрополями. - Сказал Велер.

- Я искал воду. И провизию. Собирался в "спячку". Хотел заранее подготовится к предстоящему апокалипсису. Но, встретил Ллотра. После этого инцидента я пришел сюда. Я помнил, что здесь должен был быть крупный военный комплекс. Мне удалось наладить здесь электричество и один из компьютеров. Я выяснил, что не все спутники вышли из строя. Мне удалось послать сестре сообщение на коммуникатор. Она сообщила тебе?

- Прислала почтового ворона. - Ответил Тотль.

- Я всегда поражался сестриниым способностям к гипнозу животных. - сказал Велер.

- Это не совсем гипноз. - Ответил Тотль. - это скорее воздействие, или даже частичное замещение сознания. Животное даже не догадывается о том, что цель, к которой оно стремится, навязано извне. И дело здесь не в примитивном сознании, нет. Она какое-то время практиковалась на людях, и ей это удавалось. К сожалению, некоторые люди начинают принимать эти вмешательства, как личные желания, и их порой невозможно остановить. Как... как выпущенная пуля, которую не вернуть обратно.

- Тотль! Мы поняли. Ближе к делу.

- Я понял, что Цогуа попал в беду, когда задергались ниточки. - начал Велер. - Я когда-то уже пытался Вам всем рассказать, о том, как я это вижу, но... В целом и общем, я почти всегда представлял где каждый из вас находится. Все наши действия, неважно, исходящие из личных мотивов, или из действий иных сил, оставляют после себя след. Если сосредоточится, то можно увидеть следы-нити абсолютно каждого человека. Правда, если "включить" их все разом, то можно с

ума сойти от одного только созерцания переплетений этой глобальной паутины. Миллионы, миллиарды нитей. И шум. Слишком много шума. Как от струн различной тональности. Но, ваши нити всегда были другими. Отчетливо отличающимися от остальных. Сейчас, когда людей на планете почти не осталось, ваши действия и перемещения выделяются ещё больше. И когда что-то происходит, они гудят как высоковольтные провода. Видимо, оттого, что остальных нитей практически нет. Поэтому, даже когда мы все "закрылись" и перестали общаться друг с другом на расстоянии, я наблюдал за всеми. Только вот Ишчель уже долгое время сидит взаперти...

Велер сделал паузу.

Когда Цогуа столкнулся с Ллотром, в эфире это было слышно очень отчетливо. Я мгновенно выдвинулся к брату, смутно догадываясь, что произошло что-то не очень хорошее. И, к сожалению, я был прав.

- Ножи. Тебе же есть что сказать по этому поводу? - Спросил Цогуа.

- Да, брат. Правда, я даже не знаю, с чего мне начать. Однажды, ещё в первом цикле, я наткнулся на "чёрную" сестру. В ней было так много зла и хаоса, что это обволакивало её как какой-то защитный кокон. Как предупреждение: "Стой! Не подходи, а то укушу!". К счастью или к сожалению - не знаю, но я не имел счастья с ней познакомится. Тогда это стало для меня неким откровением. "Есть ещё и другие такие же братья и сестры" - подумал я. Только вот никакой информации о них нигде не было. И тогда я заинтересовался изучением мифологий различных народов. Правда, вся загвоздка заключалась в том, что куда ни плюнь, везде чертова прорва различных богов, полубогов и прочих сверхлюдей. И почти у всех весьма унифицированные трактовки. А подгонять теорию под факты было бессмысленно. И только во втором цикле в некоем примитивном племени была одна интересная легенда. Она рассказывала о том, что первых сущностей было двое. Вроде как мужчина и женщина. И они дали потомство в десять высших людей. Пятеро были белокожими, беловолосыми, сильными телом и духом. Ещё пятеро были темнокожими и, соответственно, темноволосыми. Короче, эта история точно про нас. - на этом моменте Велер радостно заулыбался. И продолжил.

И было там ещё что-то про божественные камни, которые, как вы уже догадались... Правильно! Упали с неба! На самом деле только один действительно свалился из космоса. Второй был наоборот, извлечен из недр земли. Только вот ни какие-то свойства, ни предназначения этих камней не указывались.

- То есть, ты хочешь сказать, что наш полоумный брат сделал себе ножи из камня, который упоминается в мифологии каких-то первобытных людей? - Спросил Цогуа.

- Не торопись с выводами, братец. Мы не знаем всей картины, но я хочу хотя бы примерно знать, к чему быть готовым. К тому же, во время той большой чумы, что он устроил, я был недалеко. Я приходил в его дом, и среди прочего я нашел весьма увесистый и обстоятельный справочник по минералам. Так что наш брат давно интересовался этим вопросом. Вот только остается выяснить, он сам узнал об этом...

- Или его кто-то надоумил.

Реплика Тотля повисла в воздухе и заставила всех замолчать. Воспользовавшись молчанием Велера, Тотль продолжил:

- И, я предполагаю, что какими бы невероятными не были наши скудные доводы, Ллотру всё же удалось осуществить задуманное. И всё это только для того, чтобы при желании, он мог убить нас. Доказательством тому - рана Цогуа. Она ведь до сих пор болит?

- Сейчас уже меньше. А сначала болела невероятно. Оно жгло как... Как будто раскаленным льдом...

- Думаю, мы достаточно наговорили. Пора бы и начать действовать. Велер?

- Да, брат.

- Он далеко от нас?

- Не очень.

- Тогда выдвигаемся через час. Собирайтесь. Оружие и патроны в этих ящиках.

- А есть что-то из холодного оружия? - Спросил Велер.

- А разве ты не собирался уболтать его до смерти своими разговорами? - Спросил Тотль.

* * *

Когда они подошли к солончаку, они увидели останки того, что когда-то было людьми. Создавалось впечатление, что какой-то дикий зверь забавы ради разорвал несчастных на куски, а потом сложил всё

это в кучу. Кучу, состоящую из оторванных конечностей, лохмотьев, и пустых пластиковых и стеклянных бутылок.

- Видимо, они набирали здесь воду. А потом их убили. - Сказал Велер.

- Спасибо, мистер Холмс. - Сказал Цогуа.

- Судя по тому, как смердят останки, они провалялись здесь пару дней. Хотя, с учетом погодки, может, и того меньше. - Продолжил Велер, не обратив внимания на сарказм.

- Это он? - спросил Тотль.

- Да - ответил Велер.

- Пойдем. Мне уже не терпится. Веди нас к нему. - сказал Цогуа.

Когда Руфь очнулась, человек всё так же сидел рядом. Она не могла сказать, сколько времени она пробыла без сознания, но, судя по тому, как отвратно начинало пахнуть от тел окружающих её, она предположила, что на улице сейчас утро.

- Да, сейчас примерно половина десятого утра. Плюс-минус пять минут. Но на поверхности сейчас достаточно серо и заволочено облаками, так что сразу даже и не скажешь.

- Сспасибо... - только и смогла выдавить из себя девушка. Она почувствовала, что её одолевает голод, потому как вчерашний обед весь вышел, так и не переварившись. Вспомнив причину этого, её снова затошнило. А ещё боль в руке. Ножа в ней уже не было, и она была аккуратно и профессионально перевязана бинтом. Только попытавшись пошевелить пальцами, Руфь испытала новые вспышки боли, и решила оставить это занятие.

- Прости, что я вчера так с тобой обошелся. Но, пойми меня правильно, перебивать старших и дерзить им - признак дурного тона. Поэтому, я немного наказал тебя. Извини, что вспылил. Пока ты спала, я обработал и зашил рану. К сожалению, никаких обезболивающих препаратов я в вашей аптечке не нашел. Поэтому, потерпи пожалуйста. Хочешь есть? Только честно?

- Да.

- Тогда погоди минутку. Я сейчас схожу на кухню.

Ллотр встал из-за стола и удалился в другой конец зала, где начинался коридор и был вход в небольшую комнатку, оборудованную под кухню.

Руфь подумала о том, что сейчас самое время бежать. Бежать как можно дальше из этого места, превратившегося из пристанища общины в братскую могилу. Вот только куда бежать? Наверх? Туда, где без респиратора она протянет... Сколько протянет? Полчаса? Меньше? Да и убежит ли она со своим огромным животом от человека, который в одиночку убил более двадцати человек. И человек ли он вообще? И эта резкая перемена в его поведении? Он говорил о том, что сюда скоро должны явиться его братья. И если они не такие сумасшедшие как он, то у неё есть хоть какая-то надежда на спасение.

Смотреть по сторонам Руфь не стала. Не могла. Хотя, на периферии взгляд выхватывал мёртвые тела, расплывающиеся огромными красными пятнами.

Она так и сидела, потупив взгляд, покуда не пришел человек-иисус. Он поставил перед ней тарелку, на которой лежал ещё теплый кусок жареного мяса.

- Приятного аппетита, Руфь.

Рот моментально наполнился слюной и только маленький червь сомнения удерживал её от того, чтобы начать есть этот кусок голыми руками.

- Что это за мясо?

- Это свинина. Я нашел несколько замороженных кусков в рефрижераторе. Видимо, некоторые предпочли не говорить остальным о том, что осталась нормальная человеческая еда. Может, они держали её на какой-нибудь особенный случай. Кто знает?

- Правда?

- Конечно. Считай, что у тебя сегодня как раз тот самый особенный случай. Ешь и набирайся сил, маленькая отчаянная мышка!

Сомнения прервало громкое и протяжное урчание в желудке. Руфь секунду колебалась, а потом взяла мясо здоровой правой рукой и откусила кусок.

Она уже и не помнила вовсе, когда она в последний раз ела настолько хорошо приготовленное мясо. Прожаренное, но, в то же время, истекающее нежным розовым соком, идеально посоленное, в меру острое. Она почти не жевала. Она откусывала мелкие куски и почти сразу глотала. Спустя несколько минут она расправилась с трапезой.

Ллотр наблюдал за ней, как обычно наблюдают за голодной дворнягой, глотающей всё, что предложат. Он улыбался.

Он почувствовал их за пару лиг от убежища. Братья ненадолго задержались у солончака, видимо, разглядывая аморфную массу конечностей, оставшихся от водоносов, и двинулись дальше - прямо к нему.

Головы их были закрыты, а мысли спрятаны от него, но он знал, что они задумали. Какое отвратительно дело замыслили. Вот только сестрицы с ними не было. Сестрица осталась дома. Значит, представление сегодня будет только для троих членов семьи.

Пора поднимать занавес.

Вот только...

- Руфь?

- Да.

- Напомни, пожалуйста, как звали того парня, который с твоей подругой "дружил"?

Руфь секунду, было, пыталась понять, кого именно он имеет в виду.

- Его звали Джакоби. Но, он не любил, когда его так звали. Он называл себя Джакка.

- Джакка, значит. Ну, и как он тебе?

(почему он не добавил "был" в конце?)

- Он был хорошим. Он хорошо относился к Мире и ко мне тоже...

- Нет-нет. Я имею в виду... Как. Он. Тебе. На вкус?

Руфь сжалась от того, что живот похолодел, будто она проглотила камень. И через секунду камень запросился обратно. Она даже не успела отвернуться от стола, когда из неё полезла рвота. Её тошнило непереваренными кусками, вперемешку с розовым соком. Руфи казалось, что это кровь.

Когда она повернула голову, чтобы взглянуть на человека, это моментально выветрило из её головы все мысли о том, чтобы наброситься на него с кулаками. В его выражении лица и взгляде читалось превосходство, самоуверенность, безнаказанность и веселье. Для него всё это было каким-то театром, где ему была уготована главная роль.

Единственное, что смогла сделать Руфь - это заплакать. Она даже ничего ему не сказала.

- Ну-ну, не плачь, мышка. Сейчас сюда придут мои братья, и я хочу, чтобы ты выглядела как подобает. Так что вытри свои слёзки, и раздевайся.

- Что?

- Я сказал: вытри слёзы и раздевайся!

- Убей меня... - всхлипнула Руфь. - Лучше убей, чем так. Я не хочу унижения...

- Не заставляй меня делать это самолично! РАЗДЕВАЙСЯ!

Руфь вся сжалась, и принялась медленно стягивать с себя свитер. Под свитером оказалась майка, когда-то белая, теперь - грязно серая с протертыми дырками. Она сняла и её. Следом сняла тяжелую шерстяную юбку в клетку.

Она так и стояла в исподнем и тяжелых ботинках, не зная, достаточно ли этого, или стоит раздеваться дальше. Но, спросить у неё не хватало сил.

- Эти грязные тряпки тоже снимай. И ботинки.

Через несколько минут возни со шнурками, она сняла свою обувь. Затем - всё остальное. Она так и не смогла для себя определить, что в этой ситуации для неё было более дискомфортным: остаться абсолютно голой среди трупов и сумасшедшего маньяка, или стоять босиком на холодном бетонном полу. Не было сил даже из стыдливости прикрыть руками маленькие груди и низ живота.

Он лишь мельком взглянул на неё и сказал:

- Присаживайся.

Руфь покорно села на стул и поджала ноги. В её голове вращалась только одна мысль: "надеюсь, сегодня всё это закончится".

* * *

Цогуа, одетый в черную форму с металлическими накладками и бронежилет, спускался первым. Тотль и Велер предпочтя свои обычные одежды, шли следом. На входе они обнаружили следы крови и два тела, сваленных в углу.

Спустившись в само убежище, они узрели картину, нарисованную сумасшедшим сюрреалистом. Зала была вся в крови, а за стол были усажены одиннадцать мёртвых людей. Во главе стола сидел Ллотр, скрестив руки на груди. Рядом с ним сидела голая женщина невысокого роста. И не было даже понятно, жива она, или нет.

- Какими словами можно описать конец? - начал Ллотр, когда братья столпились на входе - Возможно, словом "начало"? Когда ты наблюдаешь подобное зрелище уже не в первый раз, ты начинаешь понимать, что конец для чего-то одного, это всего лишь начало для чего-то другого. Затеряться среди людей очень легко. Они в большинстве своём заняты вполне обыденными вещами. Размножаются, воюют, и снова размножаются. Живут не очень долго; через двести лет, никто и не вспомнит, что кто-то когда-то видел человека отличающегося от них цветом кожи, или волос.

Только вот я не хочу подобной участи. Я не хочу, чтобы время стерло меня из памяти этих примитивных людишек. Они должны помнить, кто приносил мор и чуму в их города. Они должны помнить, кто нашептывал диктаторам и тиранам все те идеи, что приводили к войнам. Ведь только так они наконец-то поймут, что они всего-навсего микробы. Болезнетворные бактерии, вызывающие голод, перенаселение и смерть этой маленькой планеты. Но, только не мы. Мы - другие. Мы - есть лекарство от всего этого. И поскольку вы так и не внемли моим словам, должен остаться только один. И этим одним буду я!

- Признай, что ты сумасшедший, брат! - Закричал Тотль.

- Нет, братец. Я не сумасшедший. Я - просветленный. Я разглядел суть то, что вы упорно отказываетесь увидеть.

- Пора завязывать с этим. - Сказал Цогуа и принялся разматывать внушительный сверток, обмотанный брезентом.

- Погодите! Одну минуточку! - Ллотр поднял обе руки вверх, призывая ко вниманию. - Я приготовил для Вас отличную постановку, и не хочу, чтобы мы начали, не насладившись ею. - Ллотр обвел руками окружающее пространство - Оглядитесь, я, по памяти, конечно, воссоздал "тайную трапезу". Только мои апостолы уже в раю. Или в аду. Неважно; я не верю ни в то, ни в другое. И только одна моя дева осталась жива. А всё дело в том, что она носит в себе ребенка. Встань, пожалуйста. - Последняя фраза была произнесена тише и предназначалась Руфи. Её бил озноб, и всю трясло. Мыслями она находилась так далеко, что сразу даже не поняла, что обращаются к ней.

- ВСТАНЬ! - от неожиданности, она выпрямилась и заплакала. Стул жалобно скрипнул за её спиной. Руки дрожали и висели как

плети.

- И это не рожденное ещё дитя должно было стать новым мессией! Новой надеждой этого социума! Но, не станет...

Время для Тотля замерло. Точнее, загустело. Он видел, как Ллотр достает из складок своих одежд большой нож. Практически тесак. Нож молниеносно скользнул снизу вверх по внушительному животу девушки. Её глаза округлились, а на животе проступила тоненькая красная нить. Очень глухо, будто бы издалека Тотль услышал голос Велера.

- Твою мать...

К своему обычному ходу время вернул крик. Он ворвался в пространство и заполонил всё. Девушка кричала настолько громко, что, казалось, её барабанные перепонки лопнут от собственного крика. Из её чрева на стол выпал окровавленный сгусток, не подававший никаких признаков жизни. Ребенок был мертв. Девушка смотрела на него, продолжая кричать, и пытаясь удержать руками разъединенные кровоточащие половинки собственного живота. Глядя на всё это, Ллотр улыбался.

Представление прошло удачно.

Глава 9

ГЛАВА 9

Крик Руфи перестал быть слышен только когда началась стрельба. Её открыл Цогуа. В руках у него был огромный станковый пулемет, переделанный под ручной. Или собранный собственноручно, что тоже не исключалось. Тотль отметил, что калибр этого самодельного монстра не менее 14 миллиметров, а вес настолько большой, что человек вряд ли смог бы спокойно и прицельно палить из этой штуки. Да и отдачей могло запросто оторвать руку. Выстрелы оглушали до звона в ушах. Пули проделывали огромные дыры в сидящих телах и разбрасывали их по комнате. Одна из пуль оборвала жизнь Руфи. Её маленькое тело отбросило назад на несколько метров, а голову снесло практически подчистую.

Несколько пуль зацепили Ллотра. Серьёзного вреда они не причиняли, и к тому же быстро зарастали. Попасть же в голову не удавалось. Ллотр метался с невероятной скоростью, словно дикий зверь. Он на ходу вытащил второй нож, и ждал удачного момента, чтобы напасть. Цогуа продолжал безостановочно стрелять. Ствол орудия начал раскаляться. Гильзы постепенно, со звоном устилали пол.

Велер стоял наготове, двумя руками крепко сжимая рукоять длинного слабо изогнутого клинка одати. Тотль взял с собой пару прочных длинных цепей.

В какой-то момент у Цогуа закончилась лента для патронов и наступила оглушительная тишина. Вот тогда-то и началась бойня.

Ллотр, крича и отбрасывая попадающиеся на пути обломки и части тел, метнулся к Цогуа. Тот пытался отбиваться стволом пулемета, но Ллотр вонзил ему нож во внутреннюю сторону локтя, и оружие упало на пол. Второй нож вошел прямо в горло, прошив воротник бронежилета как бумагу. Цогуа захрипел и осел на пол. Ллотр в этот момент обнажил ещё одну пару ножей.

Тотль, размахивая цепью, сделал выпад, пытаясь обездвижить брата. Он зацепил его правую руку, и что есть силы дёрнул на себя. Раздался хруст и Ллотра повело вправо. В этот момент Велер,

зашедший слева, попытался отсечь вторую руку, но Ллотр вывернулся, и клинок прошел мимо. Тогда Велер сделал рубящий удар, метя в шею, но Ллотр что есть сил дернул правой рукой. Тотль, потерявший равновесие, отправился прямо в объятья Велера и сбил его с ног.

- Жалкие, жалкие братья. Вам троим не достает сил убить меня. И вы ещё хотите ВЫИГРАТЬ?

Велер молниеносно вскочил с колен, и принялся наносить удары со всей своей возможной скоростью. Ллотр не уступал ему. Он отбивался от меча двумя руками одновременно, так что Велеру просто удавалось сдерживать его.

Тотль в это время вытаскивал ножи из Цогуа. Когда он впервые прикоснулся к рукояти, он понял, что имел в виду брат про ощущения. Но, помимо этого, в клинке чувствовалась своя собственная сила. Руки начало жечь, но Тотля это не останавливало.

Сначала из горла. Нож сидел очень крепко и очень глубоко. Для того, чтобы его извлечь, Тотль уперся коленом брату в грудь. Нож с чавкающим звуком вышел и звякнул о пол. Из руки вышел чуть легче. Увидев облегчение в лице Цогуа, Тотль снова бросился в драку. Он обошел Ллотра с Велером, сошедшихся в танце, и сделал выпад цепью. На этот раз он метил в ноги.

Тотль так и не понял, то ли Ллотр услышал свист цепи, то ли рассчитал время, но он подпрыгнул ровно в тот момент, когда цепь должна была обвить ему ноги. Вот только он не рассчитывал, что вторая цепь достигнет своей цели. Она обвилась вокруг его шеи, и Тотль что есть сил дернул на себя. Ллотр потеряв было равновесие, сделал несколько неуклюжих шагов назад и снова выровнялся.

- Руки! - закричал Тотль. - Отруби ему руки!

Велер подскочил с занесенным мечом слишком близко, и тут Ллотр внезапно подпрыгнул и что есть мочи ударил его обеими ногами в грудь. От удара меч улетел куда-то в сторону, а Велер пролетел пару метров и рухнул на пол.

Тотль немного отойдя назад, снова дернул цепь на себя. Только вот Ллотр был готов к этому. Мгновенно развернувшись, он сам бросился на Тотля и вонзил ему оба ножа под ребра. Тотль закричал. Внутри всё нестерпимо жгло. Ллотр достал из ножен два ножа-когтя и всадил их Тотлю в шею. Тотль осел, пытаясь сохранить остатки сознания. Цепи выпали из его рук, и тихо звякнув, замерли.

Пока Цогуа снимал оказавшийся бесполезным бронежилет, Ллотр подбежал к нему, и ударил коленом в голову. Цогуа рухнул на пол, и Ллотр, пригвоздил его плечи к полу. Теми же самыми ножами, которые Тотль совсем недавно из него извлек. Цогуа не проронил ни звука, хотя боль сводила его с ума.

В этот момент Велер всё-таки достал Ллотра. Он с размаху засадил меч ему в шею. Снести голову одним ударом, как он на то рассчитывал, не получилось, и меч, остановился, дойдя до кости.

Ллотр пошатываясь, и истекая кровью встал, и развернулся. Велер невольно сделал шаг назад.

Во взгляде брата была непреодолимая бездна, укрывающая в себе злобу и сумасшествие. И в то же время - пустота. Ллотр, медленно шагая на Велера, руками схватился за лезвие меча, вынул его, и отбросил в сторону. Достал пару ножей из-за пояса. Он шел молча, и оттого казался ещё более безумным. Велер бросился на него с голыми руками, но Ллотр моментально располосовал их. Затем он ударил прямо по коленным чашечкам, отчего Велер рухнул на колени. Ллотр присел напротив него, и сказал:

- Знаешь, сколько лет я мечтал вырезать твой поганый болтливый язык? Я много раз представлял этот момент. А потом я представлял, как я приготовлю его. И съем. Наслажусь каждым кусочком. Плоть врага вкусна. Особенно если твой враг приходится тебе родным братом. Кажется, этот момент настал.

- Пошел ты...

Эти слова стали его последними. Ллотр с силой схватил его за язык и вытянул наружу. Одним резким движением он отрезал его. Голова Велера дернулась назад, а рот моментально наполнился кровью. Ллотр победоносно сунул окровавленный кусок языка во внутренний карман своей хламиды.

- А теперь прощай, мой разговорчивый брат.

Ллотр вонзил одновременно два ножа прямо в адамово яблоко, и развел в стороны настолько сильно, что голова просто слетела.

Тотль, наблюдая всю эту картину, сперва не понял, что произошло. В голове за малейшую долю секунды пронеслись картины их с Велером встреч, совместных походов и бесед. Вся их совместная дорога. А через всё тело прошла какая-то дрожь, словно разряд

электричества. И когда это ощущение ушло, осталось гнетущее чувство опустошения. Велер умер.

- Значит, вот что чувствуешь, когда кто-то из НАС умирает. Мне нравится. Очень приятное чувство. Теперь я хочу повторить его.

Ллотр медленно, вытирая ножи о полы одежды, шагал на Тотля. Тотль, в котором уже было четыре ножа, чувствовал обжигающую боль и бессилие. Все регенеративные способности были подавлены и раны обильно кровоточили. Ллотр навис над ним со зловещей улыбкой.

- Мне всегда было интересно, что заставляет тебя сочувствовать смертным. Из всех нас только тебе есть до них дело. Сестра всегда интересовалась исключительно книжками. Велер просто жил в своё удовольствие, болтая своим пустым языком. Молчаливый братец всегда был сам по себе. И только тебе, Тотль, было до всего дело. Ты трахал смертных, любил их... - При этих словах он плюнул на пол. - Отвратительно. Ты защищал и учил их. Зачем? Может, в твоей голове что-то есть? Какой-то вредный отросток, который заставляет тебя это делать. Давай-глянем?

И когда Ллотр навис над ним, намереваясь сделать трепанацию, его лицо прошил нож. Нож вошел за ухом, и вышел сквозь щёку, едва не задев глаз.

Ллотр вскричал и вцепился рукой в рукоять, пытаясь его вынуть.

- Хороший удар, Цогуа - Прохрипел Тотль.

- Хрен там. Я целился в мозг.

Пока Цогуа вынимал из него ножи, Тотль заметил, что он надел рюкзак. Тотль даже не имел представления, что в нём, потому, что Цогуа наотрез отказывался говорить о его содержимом. Равно, как и не давал его никому нести.

- Держи. - Цогуа протянул ему маленький пластиковый взрыватель.

- Что это?

- Детонатор. Я попытаюсь удержать его, а ты - беги отсюда, и взрывай здесь всё.

- Нет! Без тебя я не уйду!

- Не глупи. Нам его не одолеть. Давай! Живо!

Тотль встал, и держась за кровоточащий живот, медленно начал идти к выходу.

- Куда фобралфя, братеф?! Бефифь? - Закричал Ллотр. Тотль обернулся и увидел, что тот вынул нож, и смотрит на него. Некоторых зубов у него не хватало, а кровь, вперемешку со слюной стекала с подбородка. Цогуа накинулся на него, и напоролся на нож.

Тотль не оглядываясь, ускорил шаг. Раны медленно затягивались и ужасно болели. За спиной раздавались крики и шум борьбы.

Перед тем, как закрыть увесистую бункерную дверь, он в последний раз взглянул в залу.

Всё было в крови. Тела и оторванные конечности разбросаны по полу. Белым пятном - обезглавленное тело Велера.

Ллотр и Цогуа все в крови сцепились в смертельных объятиях. Из лица Ллотра торчит нож. Цогуа сдерживает его из последних сил.

БУМ!

Дверь захлопнулась.

Тотль поднялся по лестнице, и когда он подошел к выходу, его настигло ощущение смерти Цогуа. Тотль сжал детонатор до хруста. Сигнал сработал.

Взрыв был такой силы, что всё строение содрогнулось, а у Тотля выбило землю из-под ног. Он лежал не вставая ещё почти час.

Раны уже затянулись, но в душе его что-то сломалось. Он никогда не думал, что когда-то увидит и почувствует смерть своих братьев. До этого момента он вообще слабо верил, что они смертны. Теперь в его голове разыгрывались сценарии расправы с Ллотром.

А ещё он думал, что пора подыскать себе убежище на период терраформации.

* * *

Ишчель сидела в кресле, и взгляд её был потуплен. Тэйя крепко спала у неё на коленях, завернутая в шкуры.

- Я надеюсь, теперь ты поняла, во что ОН превратился?

- Я понимаю, что он болен.

- Болен? Ишчель, больные люди лечатся. Или их лечат насильно.

- Предлагаешь засунуть его в учреждение для буйных?

- Очень остроумно. Нет. Я предлагаю вылечить его навсегда.

- Я понимаю, что ты скорбишь о братьях. Я тоже скорблю по ним. И я даже не знаю, что я могу для них теперь сделать.

- Единственное, что ты можешь сделать, это воспитать эту девочку. Воспитать её достойно. Чтобы в тот момент, когда придет

время, она смогла дать отпор нашему брату.

- Хорошо.

- Пообещай мне, Ишчель.

- Я обещаю.

Ещё несколько минут они сидели молча. Затем Ишчель произнесла.

- Кстати, по поводу отца этой девочки.

- Спрашивай.

- Как к нему попал тринадцатый нож? Не мог же он взяться совершенно из ниоткуда.

- Да. Я уже говорил, что он мог просто лежать в земле. Но, есть одно воспоминание.

- Чьё воспоминание?

- Воспоминание матери этой девочки. Только я не могу быть уверен, что всё было именно так. Сейчас объясню. Когда я спас её; поправка, их обоих от Ллотра, и она поняла, что Кхаа мёртв, она считала что всё это произошло большей частью из-за меня. И в какой-то момент в её голове пронеслось едва уловимое воспоминание об этом случае. Сначала я посчитал, что это предродовое волнение; в её голове творилась жуткая каша из воспоминаний, отчаяния и злобы в мою сторону. И только сейчас я понимаю, что это вполне могло было правдой.

* * *

Это место тянуло его к себе необъяснимым образом. Как только он разглядел в сплетении деревьев темноту расщелины, на него словно подуло тёплым прелым ветром, поднявшимся как будто из недр, где было тепло и сухо. Трещина в скале, широкая - в человеческий рост, тоненьким голосом шептала ему:

"приходи ко мне. Мне есть что тебе рассказать"

Она шептала ветром и шуршанием палых листьев. Ему представилось тепло и уют; некое спокойное убежище среди мест, где почти всё время лежит снег. Глубина, темнота и неизвестность отнюдь не пугали его, как не может пугать материнская утроба. Теплая аномалия среди царства вечных холодов.

Как-то он рассказал об этом Маат. Она не стала перечить мужу или отговаривать его. Она сказала, что её мужчина вправе сам принимать такие решения. К тому же, если он найдёт там то, ради чего

они все пришли сюда, то для всех это принесет уверенность. И надежду.

Маат ещё спала. Кхаа же спал очень тревожно. Ему постоянно снилась пещера. Она что-то говорила ему, но он не мог, а оттого ещё более усердно силился понять её. Она говорила даже не на каком-то понятном языке. Она говорила ветром, тишиной камней, колыханием травы и молчанием вековых деревьев. Она говорила яркими образами и непроглядной темнотой, чужими мыслями и снами.

Кхаа постоянно просыпался, пытаясь вспомнить, что же ему виделось, но видения ускользали, и он снова проваливался в сон. И всё начиналось снова.

Когда низкое солнце ещё только собиралось выползать из-за горизонта, Кхаа уже был собран, и готов в путь.

Шел мелкий дождь. Кхаа едва слышно шлепал по лужицам в густой траве. Перед ним лежал лес. Деревья уже большей частью окрасили листья в красный цвет, и понемногу сбрасывали их. Найти среди палой листвы ту самую зверью тропу не составляло труда. К тому же, Кхаа отлично помнил дорогу к пещере.

Лес только-только просыпался. Было душно и влажно. Кхаа отлично слышал крики птиц и перемещения мелких животных в кустах. Где-то в кроне дерева стрекотал черный дятел. Спустя примерно час тропа раздваивалась, и Кхаа свернул вправо, к скале. Оставалось уже недолго.

Пещера встретила его полумраком и сухостью. Кхаа внимательно осмотрел всё вокруг, дабы обезопасить себя от возможного столкновения с медведем. Что тут могло ещё водиться, он даже себе не представлял. Когда он убедился, что тут никто не обитает, он думал над тем, что возможно, стоит развести огонь, чтобы просушить намокшую одежду.

"не обязательно, здесь тепло"

Сначала он даже не понял, прозвучало ли это откуда-то изнутри, или же в его голове. Он начал беспокойно оглядываться, и крикнул:

- Кто здесь? Выходи!

"спускайся ко мне, я уже давно жду"

Теперь голос шел откуда-то из глубины.

Глаза постепенно привыкали к полумраку. Кхаа не представлял, как так возможно, но периодически в проходе спуска появлялся свет.

Даже не сверху, но из стен. Он слабо рассеивался, и, тем не менее, этого света хватало, чтобы хоть что-то видеть.

В какой-то момент спуска, Кхаа заметил, что спуск стал гораздо круче, и появились ступени. Грубые, не всегда одного размера, но определенно сделанные человеком. Он даже не представлял, кто и когда сделал всё это. Чем ниже он спускался, тем теплее становилось. Его одежда высохла, и ему пришлось скинуть тяжелую меховую куртку, чтобы не терять лишнюю жидкость из организма. Он сделал пару глотков из бурдюка с водой и двинулся дальше.

Он не знал, сколько времени он спускался. Только когда он остановился передохнуть, он понял, насколько голоден. Он быстро перекусил куском рыбины, и продолжил идти.

Впервые на его пути была развилка. До этого заблудиться просто не представлялось возможным. Теперь же Кхаа замер на месте. Он минуту подумал и спросил:

- Куда теперь?

Тишина.

- В какую сторону мне двигаться? - Ещё раз спросил он.

"не важно. Ты всё равно попадешь ко мне, что бы не выбрал"

Кхаа вошел в правый коридор. Он был узким, нешироким, с совершенно гладкими стенами. И в нем не было света. Идти приходилось, ощупывая руками стены. На удивление, не было ни чувства тревоги, ни страха, ни опасности.

Кхаа точно знал (правда, он даже не подозревал, откуда взялась эта уверенность), что здесь ему ничто не причинит вреда.

Коридор был долгим, почти несколько тысяч шагов, но в конце был свет. Мерцающий красный свет.

В овальном зале было жарко от пылающего в самом центре костра, и пахло жженными травами. После затхлого запаха подземелья, ароматы трав сразу били в нос. Кхаа узнал почти все из них. Это был до боли знакомый и непередаваемый букет из паутинника, чемерицы, омелы, хмеля и крушины. Всё так, как когда-то давно у матери.

- Всё правильно, сказала ему темнота. Только ещё лисобой. Но, ты не мог знать, потому как в тех краях, откуда ты пришел, он не растет.

- Доброго дня... Тебе. Я не знаю, и не вижу тебя.

- А как бы ты хотел меня видеть?

- Так как есть. - Ответил Кхаа.

- Сомневаюсь... - засмеялась темнота. - Ладно, я кое-что придумал.

Кхаа заметил, что темнота метнулась из угла поближе к огню. Она приняла форму сидящего человека, а потом из неё всё яснее проявлялись детали одежды, рук, и в конце-концов лицо.

Кхаа на миг удивился, но потом понял, что это не более чем магия. Напротив него сидела его мать. Вот только глаза были цвета павшей листвы. И голос остался мужским. Низким, и хриплым. Голос старика.

- Ну, что, дорогой мой Кхаа, вот ты и здесь.

- Да, только я до сих не знаю, кто ты. Ты - бог?

- Нет, что ты! - Снова засмеялось существо. - Я не бог. Я всего лишь тень бога. Вначале их было двое. И я был таким себе экспериментом. Нечто эфемерное, но, с самосознанием. К сожалению, я так и остался тенью. И когда они ушли, я стал слабеть. Стареть. Растворяться. Мне стало тяжело жить наверху, при свете. И я ушел туда, где вечный мрак. Темнота. Только здесь я могу ещё хоть как-то продлить своё существование. В общем, я - это моё сознание. Надеюсь, ты понял меня?

- Больше да, чем нет. - Ответил Кхаа. - А как мне тогда тебя называть?

- Можешь называть меня Тенью. Почему бы и нет. По-моему, хорошее имя. Я вижу, у тебя ко мне много вопросов. Впрочем, действительно ли эти вопросы предназначаются мне? Возможно, ты так часто задавал их сам себе, что ищешь ответы у меня?

- Я не знаю. - Ответил Кхаа. - Ты настойчиво звал меня. И я думал, что тебе есть что мне рассказать.

- Ты умен. Ты действительно умен. Твоя правда, я звал тебя сюда. Спрашивай.

- Почему я здесь? Что привело меня сюда?

- Полегче, Кхаа. Давай по очереди. Это два разных вопроса, и, соответственно, ответы тоже будут разными. Начну с последнего. Тебя привела сюда сила. Та самая, что когда-то сделала твою мать травницей. Та, которую ты унаследовал от неё, и та, которой пользуешься...

- Но, я никогда не пользовался... силой.

- Целенаправленно нет. Но, неосознанно, моментно, ты мог управлять ею. Твоя сила пока ещё слаба, но она ещё проявится. И у этой силы, как её не назови, две стороны. С одной стороны, ты пользуешься ею на своё усмотрение, а с другой - она тоже пользуется тобой. Равновесие. Баланс. Не бывает одного без другого. Может, ты и не понимаешь её мотивов, но именно она привела тебя сюда. И я вынужден признать, ты пришел не один; ты привел с собой свою женщину и своё племя. Ты смог убедить их, что это не просто край вечного холода и голых, безжизненных камней. Это впечатляет.

А возвращаясь к вопросу, почему ты пришел именно сюда, у меня есть только один ответ. Судьба. Фатум. Рок. Веришь ли ты в это, или нет, но, именно здесь тебя ждет твоя судьба. Но, как ни прискорбно, тут же тебя ждет и твоя смерть.

- Смерть? - Тихо переспросил Кхаа.

- Да. Смерть. Но, не сейчас, нет. Ты будешь жить и рожать детей, радоваться жизни, но именно в этом краю смерть ждет тебя. И, я бы советовал не очень торопиться на свидание с ней. - Тень снова рассмеялся. - Надеюсь, я не слишком напугал тебя?

- Нет. Я не боюсь смерти.

- Я знаю. Я понял это, когда ты шел по коридору. Ты не боялся - это похвально. Ты шел в неизвестность с поднятой головой. И сейчас, и тогда, когда ты впервые пришел в эти земли.

- Можно ещё вопрос?

- Да.

- Моя судьба - какая она?

- Твоя судьба, Кхаа, не известна даже Праматери. Я мог бы назвать тебе сотни и тысячи различных вариантов, но, какой в этом всём толк, если никто не знает, что с тобой произойдет через мгновение. Можно заглянуть в Поток, и увидеть грядущие события, связанные с тобой. Но, насколько они будут правдивы? Заглянуть туда ещё раз - грядущие события изменятся. Поток времени постоянно меняется, в нём бесконечное число вариантов развития событий. И скажи тебе что-то конкретное - ты будешь ждать его, пока не сойдешь с ума. А оно может просто не произойти. Но, все те вероятности, которые могут произойти - все здесь. В этом холодном краю.

- Тогда я могу просто уйти отсюда. Разве нет?

- Несомненно, Кхаа. Ты можешь вернуться обратно в те места, откуда ты пришел, или отправиться в совершенно другие. Но, судьба всё-равно вернет тебя сюда, как бы ты не убегал от неё.

- То есть, у меня нет выбора?

- Выбор есть всегда. Только он всегда в ограниченном пределе. Не важно, сейчас ли ты пришел в эти земли, или пришел бы сюда много лет позже, судьба неизбежно настигла бы тебя.

- Как ты тогда так уверенно говоришь мне, что здесь меня ждет смерть?

- Не путай, попрошу. Смерть - это совершенно другое явление. Оно не зависит ни от судьбы, ни от тебя, ни от Потока. Смерть - это смерть. И она приходит в любом случае. Смерть неподвластна времени. Но, и время неподвластно смерти. Прости, я, наверное, говорю тебе слишком много не совсем понятных тебе слов.

- Я постараюсь запомнить всё это.

- Вот и хорошо. У меня, кстати, кое-что есть для тебя. Подарок.

Тень достал откуда-то из складок одежд узкий длинный сверток из кожи, перетянутый сыромятным шнуром. Он протянул его Кхаа и сказал:

- Возьми его. Он тебе пригодится.

- Что это?

- Открой и посмотри.

Кхаа развязал шнур и развернул сверток. Внутри был нож. Абсолютно чёрный, тонкий, со слегка загнутым клинком и рукоятью, расписанной пчелиными сотами. Кхаа начал рассматривать его со всей возможной осторожностью. У него в голове роилась масса вопросов, но созерцание ножа настолько поглотило его, что он забывал, что нужно их задавать.

- Тебе ответить на все вопросы сразу?

- Что, прости? Не знаю. Я загляделся на него.

- Я, к сожалению, не могу ответить тебе на все вопросы, касаемо этого ножа.

- Тогда расскажи всё, что знаешь.

- Ну, что ж. Ему очень много зим. Больше, чем ты можешь себе представить. Его изготовил один очень талантливый мастер. Кузнец. Ваш народ ведь освоил металлы?

- Да.

- Так вот. Он изготовлен из очень редкого и очень прочного металла.

- Из железа?

- Нет, друг мой! - Тень громко расхохотался - О, боги, железо! Нет. Есть множество металлов, прочнее него. Этот не из железа. Если быть точным, нож сделан из сплава палладия и карбина. Из-за своих уникальных свойств разрушить его практически невозможно. Переплавить тоже. Он настолько плотный и острый, что запросто может расколоть кусок гранита пополам и не затупиться. Но, самое удивительное в том, что сплав этот - естественный. Это настолько уникальное явление, что можно только удивиться как оно вообще произошло. К тому же, металл этот не отсюда.

- Он с какого-то далекого края?

- Можно сказать и так. Из самых глубин далекого, совершенно другого мира.

Ещё несколько минут они сидели молча, глядя в огонь. Кхаа всё ещё держал нож в руке.

- Думаю, тебе пора, Кхаа. - сказал Тень.

- Большое спасибо за нож. И за разговор. Я благодарен тебе, Тень Бога.

- Не благодари. Это часть твоей судьбы. И часть моей тоже. А теперь иди.

Кхаа встал и огляделся. Из залы было около дюжины разных выходов.

- А в какой именно коридор мне надо?

- В любой, Кхаа. Дорог ко мне ведет великое множество, но не всякая ведет именно ко мне.

- Прощай, Тень.

- Прощай, Кхаа.

Кхаа вошел в коридор, который начинался прямо за спиной Тени. Ни смерть, ни судьба не пугали его, хотя, он всю дорогу думал по поводу всех тех вещей, которые ему рассказали. Спустя час он вышел прямо на лесную поляну. Он оглянулся, и увидел только грубый камень скалы, в некоторых местах поросший мохом. Никакого проема, или щели не было.

Кхаа на миг испугался, однако сверток с ножом в кармане говорили ему, что всё произошедшее с ним - правда. Какой бы она не

была. Когда он придет домой, он обязательно расскажет Маат обо всём, что с ним произошло. Потому, что обещал. Потому, что она - часть его судьбы. Кхаа возвращался домой.

* * *

- Ты уходишь?

- Да.

- Ты не передумал тратить себя, чтобы защитить Тэйю?

- Нет, Ишчель, не передумал. Она - наша последняя надежда.

- Останься. Останься с нами, пожалуйста.

- Ты боишься? Ты боишься, что не справишься с силой, которая может пробудиться в девочке?

- Честно? Да. Боюсь.

- Не надо. Не бойся.

- А что, если?..

- Не надо никаких "если". Просто научи её ею пользоваться. А я в свою очередь, постараюсь Вас защитить. Вас обеих. Для меня это сейчас самая важная цель. Возможно, впервые за долгое время. Прощай, Ишчель.

Тотль встал, оделся в чистые вещи, выданные сестрой. Просторные белые одежды были сшиты в восточном стиле, и Тотль был в них похож на самурая. Он завязал волосы в высокий хвост и направился к выходу.

- Ну, и куда ты пойдёшь? - Ишчель своим вопросом застала его на пороге. Он замер.

- Отправлюсь по миру. Пройдусь по местам силы. Загляну в поток.

- Удачи тебе Тотль. Ты ведь ещё вернешься? - В её глазах стояли слёзы. Совсем, как когда он уходил из её дома почти восемь тысяч лет назад.

- Да, сестра. Я вернусь. Когда придет время, я приду.

- Прощай брат. Удачной дороги.

Когда он ушел, Ишчель долго смотрела на мирно спящую девочку. И из глубин наружу всплывало странное и удивительное чувство. Ишчель разрыдалась. Она плакала от осознания того, что создатель, сделав её женщиной, физически лишил её того, чего она отчаянно жаждала. Ребенок. Принесенная Тотлем девочка стала для Ишчель подарком. Она поняла, что она любит её до беспамятства. И будет

защищать её даже ценой своей жизни. Пусть даже она не зачала и не выносила её, но она теперь - её дочь.

Буря.

Тэйя.

* * *

В круглой и темной пещере едва тлели угли в очаге. Они изредка вспыхивали, окрашивая стены причудливыми тенями.

- Тень Бога? Серьёзно?

- Он же поверил.

Первый голос засмеялся.

- Он поверил. Он поверил во всё, что мы ему рассказали.

- Но, ведь не всё, что мы рассказали, было неправдой.

- Не всё.

- И что нам теперь делать?

- Ничего не делать. Ждать.

- Долго ждать?

- Не очень. Теперь уже недолго. Лет десять. Может, больше.

- Это хорошо.

- Хорошо.

- Он найдёт её?

- Надеюсь. Если он не найдёт её сам, мы поможем ему.

- Это хорошо.

- Хорошо. А теперь давай спать. Гаси огонь.

Красные огоньки погасли окончательно. Воцарилась непроглядная темнота. И в этой темноте было только одно живое существо. Огромный чёрный лис с глазами цвета палой листвы.

Конец первой части.

Часть 2. пролог#2

Там, где есть тень,
Всегда есть место солнцу.
ПРОЛОГ #2
Сначала - было первых двое.
Полночный лис, что вечно воет.
И матерь, что растит детей.
Один был тесно связан с тьмою.
Другая связана с землёю.
И каждый с силою своей.
Потом - бессмертных было десять.
И чтоб баланс уравновесить
Их поделили пополам.
Их стало пятеро - белесых,
Пять чёрных, тёмных словно бесы.
И началась у них Игра.

Глава 10

ГЛАВА 10

Даже среди своего племени Орха считался неким странцем. Он жил отдельно, совершенно один на берегу холодного Китового моря. Его хижина была сложена из огромных китовьих рёбер, и обтянута шкурами морских котов.

Ещё не старый, но, пронизанный всеми полярными ветрами, мужчина был просолен, и груб, словно дубленая китовая кожа. Жесткая, колючая борода доходила почти до близко посаженных глаз. Глаз разного цвета. Один был непрозрачно чёрным, в противовес второму - голубому, как холодное Крайнее море. Племя всегда считало, что его матерью не могла быть обычная женщина. Только зубатая китиха смогла бы выносить столь суровое и непроницаемое существо, каким был этот человек. И только ледяная соленая вода способна была закалить его, и приспособить для выживания здесь.

Его нисколько не боялись, нет. В языке племени даже не было такого слова, и, вероятно, люди засмеялись бы, попытайся им кто-то донести его смысл. Человека уважали и слушались. Он единственный на их памяти, кто в одиночку охотился на зубатых китов. На своей небольшой лодке из прочнейшего белого дерева, окованной легкими металлическими пластинами, способным колоть небольшие льдины, человек уходил далеко в море. И никогда не возвращался без добычи.

Он знал все звёзды, ветры, и течения этого холодного уголка на краю мира. Некоторые считали, что он знает много больше, чем говорит. Некоторые считали, что он способен говорить с Праматерью, и ледяными духами. Но, никто не знал, что однажды природа преподнесла ему нечто удивительное.

Он проснулся задолго до рассвета. Старые звёзды и почти полное двоелуние достаточно ярко освещали всё вокруг. Слабый ветер едва дул, и обещал скоро утихнуть. Орха умылся и растер торс и руки свежевыпавшим снегом. Тело его понемногу просыпалось. Он выпил чашу кипятка, и съел несколько существенных кусков вяленого китовьего мяса.

Когда он вышел уже будучи полностью собранным, и готовым к охоте, ветер почти прекратился. Он ещё раз проверил всё своё снаряжение: прочность веревок и тросов; крепость узлов; остроту раскрывающегося гарпуна, и отсутствие ржавчины на металле. После он расчехлил свою лодку, также внимательно осмотрел её на предмет целостности. В крепости и долговечности дерева он не сомневался, а вот составная система металлических колец на носовой части требовала особенного ухода. После осмотра Орха спустил лодку на воду, и ловко запрыгнул в неё, дабы не замочить обувь и одежду. Налег на весла. Увесистый кожаный мешок с припасами и пресной водой, затянутый шнурками из сыромятной кожи, он уложил под сиденье.

До следующего рассвета следовало уйти далеко в море, чтобы выследить косатку. Весла почти бесшумно разрезали водную гладь, и несли лодку всё дальше от берега.

Вскоре после рассвета он поймал течение, которое хоть и слегка смещалось в сторону, всё-таки уносило его прямо в открытое море. Он изредка подправлял курс веслами, но, это стоило ему меньших сил, чем грести вручную постоянно.

Когда маленькое северное солнце стало садиться, Орха достал из мешка с припасами пресную воду, мясо, и пару сладких сушеных плодов кустарника, которое называли тикаба. Племя выращивало их, наряду с остальными травами и растениями, в отдельной большой хижине с постоянной температурой. Плоды тикабы обладали бодрящим эффектом, и позволяли не спать некоторое время. После ужина он снова двинулся, направляемый течением. К утру он должен был достичь мест, где водятся зубатые киты. Мест, где полновластное царство льда и холодной воды.

Орха был воодушевлен в предвкушение славной охоты. Он ждал этого течения несколько недель.

Толща воды. Солнечный свет, едва рассеивающий тьму, сгрудившуюся на непроглядном дне. Пугливые стаи рыб, и туши горбатых китов, вальяжно курсирующие от поверхности, в глубину, гонимые понятными только им инстинктами.

Ощущение скорости. Ощущение голода, и азарт погони за добычей.

И одиночество. Она зрелая и здоровая самка. Она большая, и выносит крепкое потомство. Потомство таких же, как и она сама,

детенышей, которые будут ещё долго властвовать в здешних водах. Но, её боятся. Она - другая. Она непомерно большая для своего возраста, и юные неопытные самцы боятся подходить к ней даже в период гона. И так уже второй год подряд. Она самовольно ушла из материнской стаи в другие края, в надежде стать частью новой семьи, но, и здесь она тоже всего лишь странный и пугающий чужак.

И вот уже вторую ночь она слышит голос. Это голос будто маленького существа. Беспомощного, и требующего опеки. Он где-то рядом, но он очень слаб. И он где-то на самом дне. Там, где кроме тьмы и камней почти ничего нет.

Она уже третий день почти ничего не ест, и не может даже сосредоточится на охоте. Голос всё настойчивее зовёт её. Она ныряет всё глубже, но никак не может найти это нечто. Наконец она обнаруживает источник. Он совсем крохотный, и лежит на дне глубокого разлома. Теперь она не просто видит, но и чувствует его. Твёрдое, тёплое, одинокое, и настолько же чужеродное в этом мире, как и она сама.

Она ныряет за ЭТИМ в первый раз. Воздуха в огромных лёгких хватает только лишь для того, чтобы увидеть это издалека. Она спешно поднимается наверх, чтобы подышать. Выныривает настолько сильно, что оказывается над водной гладью. Воздух снова заполняет её лёгкие, и в этот раз она плывёт на самое дно гораздо более стремительно. Не щадя ни сил, ни кислорода она стремится к этой вещи. Всё глубже и быстрее. И вот оно уже совсем близко. Ей кажется, будто эта крохотная вещь сама источает свет, разгоняя густую тьму вокруг.

Последний рывок - и она хватает это своей полной острых зубов пастью. Оно невероятно тёплое по сравнению с температурой воды. Оно приятно греет язык, и пускает невидимые корни по всему телу. Тепло, уверенность, спокойствие, и даже любовь. Внутри разрастается вся та гамма чувств, которые она не могла получить в родной материнской стае. В ней - тепло солнца, и зеленое буйство деревьев; весна, и пробуждение жизни; пение птиц, и единство стаи; оргазм и наслаждение.

Всё это продолжается какую-то мизерную часть секунды, а затем сменяется одной единственной мыслью. Вверх! К спасительному глотку воздуха. Вверх, к месту, где соединяются две стихии. Она набирает скорость. Воздуха в лёгких остается совсем немного. Она

начинает всплывать ещё быстрее, интенсивнее работая своим мощным гладким телом. Она врезается в огромную стаю рыб, и те бросаются врассыпную, чтобы затем снова слиться в единое целое.

И когда уже лёгкие начинает жечь огнём, она на огромной скорости выныривает из воды. Она дышит. Она делает глубокий вдох и от наслаждения кричит. Кричит громко и протяжно. Вещь, которую она достала со дна, скатывается с языка прямо в глотку, и она инстинктивно глотает её. Приятное тепло разрастается по всему телу, и накатывающими волнами отдаёт в низ живота.

Теперь это будет с ней постоянно.

Орха сначала услышал крик зубатого кита. По звуку он определил, что животное сейчас за несколько лиг от него. Крик был протяжным, и шел с той стороны, где Китовое море соединялось с Крайним. Он повернул голову в ту сторону, но увидел лишь всплеск.

Он развернул лодку, и налёг на весла, инстинктивно пытаясь предугадать траекторию перемещения животного. Солнце встало только недавно, и сейчас у косатки должен быть период кормёжки. Через несколько минут Орха увидел кита. С большой долей удивления он признал, что это самка. Огромная, блестящая туша исключительно чёрного цвета на несколько мгновений зависла в воздухе, а потом оглушительно упала в воду. Чуть позже показался плавник, движущийся в сторону маленькой лодки из белого дерева. Через несколько секунд он скрылся под водой.

Орха быстрыми движениями снял вёсла, и бросил их на дно лодки. Снял с рук толстые меховые рукавицы, и уложил во внутренний карман. Оттуда же достал кожаные перчатки тонкой выделки. Надел. Перчатки плотно облегали руки, плюс ко всему имели рельефные уплотнения с внутренней стороны ладоней, что способствовало прочному сцеплению. Достал гарпун, и машинально, почти не глядя, вдел один конец прочного троса в проушину в нижней части рукояти. Затянул на прочный узел, и несколько раз дернул трос для проверки. Второй конец троса он продел в крайнее из нескольких, толстое кольцо на носу лодки. Привязывать трос с лодке Орха пока не спешил.

Гарпун был трех локтей в длину, и на первый взгляд абсолютно гладкий. В верхней части он на две трети был полым, и там прятались три шипа, которые выскакивали только при ударе. Внутри была

установлена система из закрученных упругих спиралей, которая и осуществляла их подачу.

Орха аккуратно встал в лодке, и взвесил гарпун в руке. За многие годы он сумел не просто не потерять своё оружие (хотя, однажды он выслеживал раненого зубатого кита, который истекая кровью несколько дней, плавал с его гарпуном в боку), но и сродниться с ним. Как физически, так и духовно, не без лишней скромности отождествляя себя с этим оружием. С виду, ничем не примечательный удлиненный металлический болт, он имел внутри смертельный секрет. Орха всегда старался попасть в голову. Пробивая массивный череп, или входя в глаз, шипы раскрываясь, разрывали мозг, и вызывали моментальную смерть.

Косатка вынырнула всего в нескольких сотнях метров он него. Сейчас она всей своей массой оглушала небольшой косяк рыб, а затем с жадностью глотала их одну за другой.

Возле лодки разделся всплеск. Орха посмотрел за борт, и увидел несколько рыбьих спин у самой поверхности. Огромный косяк, судя по всему, распался, и теперь рыба мелкими стайками двигалась в его сторону. В толще воды, насколько позволял свет, были заметны мечущиеся темные силуэты.

Славно. Очень хорошо. Значит, сейчас китиха подойдёт ближе. Значит, сейчас у него будет возможность загарпунить добычу. Он весь напрягся, словно взведенная пружина. Он глубоко вдохнул и попытался очистить голову от мыслей. "Когда голова чиста - рука не сомневается" - вспомнил он слова своего отца, который охотился ровно до той поры, пока рука держала оружие без дрожи.

Он так и не понял, почему он не метнул гарпун. Он всецело понимал, что это не просто хороший случай. Это идеальное стечение обстоятельств. Но, ничего сделать с собой он не смог.

Косатка внезапно вынырнула из воды, и перелетев прямо над лодкой, врезалась в воду позади него, обдав ледяными брызгами. Орхе показалось, что время загустело, и он может бесконечно наслаждаться картиной застывшей в прыжке, туши кита. Мощное, черное, блестящее тело, почти втрое больше его маленькой лодчонки. И если присмотреться, можно узреть уверенность черных глаз, рассмотреть россыпь маленьких шрамов на боку, и остатки рыбы, застрявшие между зубов. Капли воды застывают в воздухе мелкой взвесью.

И когда косатка скрылась под водой, Орха понял, что произошло.

Она пела. Она пела печальную, и вместе с тем, радостную песню. Горечь и сладость одновременно. Настолько красивая и откровенная, что единственное, что остается - слушать и наслаждаться. Высокий, чистый, надрывный голос, будто бы принадлежащий молодой девушке, а не дикому морскому животному. Песнь зубатого кита - нечто настолько редкое и эфемерное, что даже в легендах его племени оно практически не упоминается. Возможно, далёкие предки и встречались с чем-то подобным,но время безжалостно вымывает такие воспоминания из памяти.

Секунда. Ещё одна. Орха прогоняет настойчиво засевшую в голове песню. Ещё секунда. Пружина распрямляется. Он целится больше обстоятельно, чем инстинктивно, рассчитывая в голове силу броска и скорость передвижения добычи. Он вкладывает в этот удар все свои силы, и весь свой вес. От этого его слегка заносит вперед, но он удерживается на двух ногах, стоя в шатающейся лодке. Бухта троса худеет, стремительно убегая за борт. Гарпун вошел косатке прямо в затылок, и засел там намертво. А когда в толще воды воды разрастается красное облако, а огромная черная туша бьется в предсмертной агонии, Орха привязывает к первой бухте ещё один трос. Трос, продетый на один моток в кольце, с лёгким шумом уносится прочь, и передаёт мощную вибрацию всей лодке.

Когда от второго троса остается половина, всё заканчивается.

Орха понимает, что сегодня он убил поющего кита. Возможно, единственного в этом мире. Он становится на колени прямо в лодке, и начинает просить прощения у Праматери, за то, что убил её поющее дитя. Он читает молитву почти беззвучно, одними губами, а изо рта его выскакивают маленькие облака белого пара. Когда он заканчивает, он не встаёт. Он ждёт знака. Он надеется на милость, хотя всецело готов ответить за свои действия. В полусогнутой позе он проводит минуту. Затем ещё одну. И тут в лодку запрыгивает рыба. Она беззвучно открывает рот, извиваясь всем телом. Это хороший знак. Именно такого знака он и ждал. Орха хватает рыбину, и отпускает её за борт обратно в море. Затем встаёт, и начинает медленно забирать трос, подтягивая тело мёртвого кита к лодке. Трос мокрый и холодный от впитавшейся воды, и остужает руки даже через кожаные перчатки. Орха наматывает веревку на два больших металлических крюка,

расположенных в носовой части лодки. Спустя несколько минут туша зубатого кита покоится на глади воды в паре метров от лодки из белого дерева.

Пора отправляться в обратный путь. Орха ставит весла обратно в уключины, и начинает медленно, с большим трудом, набирать скорость. Чуть позже он входит в ритм, и огибая течение, которое его сюда принесло, идет в сторону дома из китовых костей.

Ранняя ночь высыпает на небе бисер множества светящихся точек. Восходит первая луна. Вторая, поменьше, только робко выглядывает из-за горизонта. Охра перестает грести, и решается сделать перерыв на ужин и сон. Холод, вкупе с пустым желудком, прогоняют сонливость, но он понимает, что так не может продолжаться вечно. Он съедает остатки мяса, и выпивает остатки пресной воды. Он убирает сиденье, и ложится прямо на дно лодки. Он достаёт из носовой части грубое меховое одеяло, и сон настигает его почти мгновенно. Сон тревожный. Во сне он против своей воли преследует некую беременную женщину, и мотив его совершенно недобрый. Он отчаянно пытается убить и женщину, и её плод. Он, как животное, чувствует её местоположение, и её страх?. Он стремится к ней сквозь жаркую и сухую пустошь, огромные, заросшие лесом земли, и края, утопающие в снегу. Он уже рядом...

Удар. Орха тревожно просыпается, забывая события стремительно убегающего сна, и понимает, что лодка сильно наклонена. Пока он спал, течение вынесло его на массивную льдину, высоко задрав корму.

Добыча всё также привязана к лодке, и выглядит в ночном свете огромной чёрной массой. Орха умывается водой из-за борта, и веслом сталкивает лодку обратно на воду.

Звёзды на небосклоне за то время, пока он дрейфовал, смещаются со своих мест, и Орха понимает, что проспал дольше, чем ожидал. Он поправляет курс, и начинает набирать скорость. Спустя несколько часов брежит рассвет. До дома остается пять или шесть часов ходу. Вскоре стихает ветер, и замирает вода. В воздухе медленно разливается свинцовый привкус шторма. Орха понимает, что если не поторопиться, то шторм начнется раньше, чем он причалит к берегу. В худшем случае, волной его вышвырнет на ледяной берег, разбив лодку в щепки. Тело его нещадно устало, и ноют мускулы, но он начинает грести ещё упорнее.

Когда он подходил к берегу, сил, чтобы сопротивляться стихии, у него почти не осталось. Ветер небрежно бросал в лицо сухой снег, а волны только ещё набирали силу. Орха выбрал пологий участок берега, и старался подойти к нему как можно точнее. И когда оставалось всего несколько метров, огромная волна схватила лодку, и дикой силы удар вынес её на берег. Орху бросило вперед, и он с силой полетел к корме. Лодка жалобно заскрипела, и он забеспокоился, чтобы дерево не треснуло от столкновения. Его беспокойство, вкупе с усталостью, и осознанием того, что предстоит ещё довести дело до конца, слегка развеяло то, что на берегу его уже ждали. Его соплеменники помогли ему вытащить лодку, а затем и тушу косатки на берег.

Тушу кита выпотрошили, и обваляли ещё до того, как ураган окончательно набрал свою силу. Мясо, жир, шкуру и потроха большей частью Орха отдал племени. Он забрал себе совсем маленькую часть. Когда от кита остался огромный окровавленный скелет, Орха упаковал свою часть добычи на сани из челюстной кости горбатого кита, и отправился к себе. А ещё он по некоему неведомому им желанию, забрал себе желудок. Он впрягся в сани, и растворился в бушующей метели.

Хижина ещё держала слабые остатки тепла, а в очаге ещё тлели угли. Орха принес дров, и огонь занялся снова, разгоняя полумрак и холод по углам. Он понемногу согрелся, и когда пальцы перестали болеть от холода, и восстановили прежнюю гибкость, он взял нож, и вышел в прихожую, чтобы выпотрошить желудок. Он сделал большой продольный надрез, и тогда к его ногам, вместе с остатками непереваренной рыбы выпало что-то, размером почти с человеческий череп. Поначалу, Орха и вправду подумал, что когда-то это принадлежало человеку, но когда он обтер это снегом, он понял, что перед ним камень. Камень был непрозрачным, темно-желтого цвета, с красными прожилками. И он был тёплым. Поначалу, Орха думал, что он нагрелся от температуры желудка, но, камень, лёжа в снегу, топил его.

Орха занес камень в хижину, и при свете огня попытался получше рассмотреть его. И чем дольше он вглядывался в него, тем меньше он чувствовал усталость. Только сон накатывал мягкими укачивающими волнами.

Странный, и теплый артефакт, совершенно чужой в здешних краях, он навевал нечто успокаивающее. Орха так и не заметил, как закрыл глаза и провалился в темноту.

Когда-то давно, тысячи лет назад, на месте глубокого Крайнего моря были густые леса, и тёплый приятный климат. Растения, деревья, птицы и звери присутствовали здесь в изобилии. Но, однажды Праматерь ушла глубоко вниз, к ядру земли, чтобы согреть своё сердце. Она вынула его из груди, и опустила в раскалённую кровь земли. Сердце впитывало в себя тепло до тех пор, пока это не стало причиной, по которой один огромный материк не раскололся на несколько континентов. Они отправились каждый своим путем, сформировав установившийся облик планеты.

Сердце упало в огромный разлом, а вокруг разлилось бескрайнее холодное море, окруженное вечными льдами. Оно лежало на морском дне неисчислимо долго, прежде чем однажды оно захотело, чтобы одна из детей Праматери подняла его на поверхность.

Орха видел все эти события мелькающим калейдоскопом картин, вплоть до того, как увидел сам себя, в маленькой лодке, окруженной льдами. А рядом с ним в воздухе была огромная черная самка зубатого кита.

Орха открыл глаза. Он услышал (почувствовал?) как на улице завывала сумасшедшая метель. Он пристально вглядывался в камень, который до сих пор держал в руках. От неожиданности произошедшего Орха чуть было не выронил его.

Камень-сердце треснул пополам. Всего лишь треснул, не развалившись на две половины, как он того ожидал. Орха вздрогнул, и отложил камень в сторону.

Где-то очень далеко; за тысячи и тысячи лиг от этого холодного края земли в этот самый момент на свет появилась маленькая девочка с белыми, почти бесцветными волосами.

* * *

- Зачем ты пришел к нам?

- Прошу прощения, любезные, но, если бы вы не хотели меня видеть, я бы здесь сейчас не находился! И, наверное, я должен спрашивать, чего вам от меня нужно?

- Не говори с нами в таком тоне! Мы пустили тебя, потому, что так надо.

- Судьба, да?

- Не язви нам!

- Простите, пожалуйста. Конечно же, куда мне до вас. Я не могу видеть будущее, предсказывать события, и всё такое...

- А ты думаешь, это всё забавы? Ты думаешь, легко ВИДЕТЬ абсолютно все события, которые произойдут и которые могут произойти?

- Да.

- ДА?! Ты даже не представляешь, что это такое. Это ПОТОК, который находится в твоей голове. И тебе приходится прилагать усилия, чтобы его сдерживать. И это трудно. Поверь нам.

- Серьёзно? Что-то вы ни разу не жаловались?

- Что ж. Тогда давай посмотрим, сможет ли твоя голова вместить хоть часть этих событий.

От внезапного толчка Ллотра скрутило. Голова начала болеть так сильно, что, казалось, мозг сейчас расплавится. Хуже этого было только то, что сейчас происходило внутри. Ллотр начал видеть все варианты своего грядущего будущего. От незначительных событий, до собственной смерти. Все возможные вероятности проявлялись, наслаивались друг на друга, смешивались и изменялись, стоило только начать думать хоть о чем-то...

- Хватит! Достаточно! Я больше не выдержу!

- Хочешь, мы покажем тебе все возможные варианты жизней всех тех, кого ты убил?

- НЕТ!

- Или давай посмотришь все возможные варианты событий мира, в котором не было бы тебя?

- НЕТ!

- Тогда как на счёт всей вселенной?

- НЕТ, ПОЖАЛУЙСТА! Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ!

- Не можешь. Мы знаем об этом. Мы думаем, ты усвоил урок!

- ДА, ТВОЮ МАТЬ! ТОЛЬКО УБЕРИТЕ ЭТО ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!

- Достаточно.

Ллотр корчился на полу держась за голову. Даже когда боль ушла, он не хотел убирать руки, боясь, что она расколется пополам. В глазах плясали радужные пятна и стоял шум событий. Реальных, или

возможных, он так и понял. И от того, что он начинал их анализировать, боль вспыхивала снова. И снова.

- Долго ещё это продлится? Весь этот шум и вспышки?

- Мы не знаем. Мы надеемся, что это останется с тобой до конца. – Проклятый засмеялся.

- Я вас ненавижу!

- Мы тебя тоже. Но, это ведь не повод убивать тебя.

- Вы не убьёте меня. Я - единственный, кто достоин. И кто сможет.

- Мы согласны с этим утверждением. А теперь давай поговорим о том, ради чего ты пришел к нам. Задавай свои вопросы.

- Итак. Первый и наверное, самый важный вопрос. Почему именно она? Что такого особенного в этой маленькой девочке?

- Ты уже знаешь, что Тотль давным-давно понял, что сам он убить тебя не сможет даже при всём желании. Фактически, ты принадлежишь к "чёрным". Но, сам-то ты "белый". И Вы - белые братья, созданы с тем ограничением, что не можете убивать друг друга. Всё дело в том, что Тотль пользуется светлой силой, а ты черпаешь силу из хаоса. Ты - аномалия. Мутант. Никто не смог предвидеть такого развития событий. Ни предположений, ни пророчеств, ничего такого. Ты умудрился сохранить свою физическую "белизну". Чего, конечно же нельзя сказать о твоей больной чёрной душе.

После той самой бойни, когда ты прирезал парочку своих братьев, твой единственный выживший брат решает пойти на хитрость, и тоже создать аномалию. Ребенка, равного Вам по силе и возможностям. Найти женщину, восприимчивую к силе, соблазнить её и зачать дитя. Как ты понял, это ему в итоге удалось. Только получился мальчик. А тот самый ребенок, ради которого всё затевалось, проявился через поколение. Девочка, равная тебе по силе, но не связанная общими правилами. Откровенно признаться, даже Мы не представляем, насколько она будет сильна.

- И как это узнать?

- Мы думаем, что её сила начнет проявляться после первой крови.

- Но, сестрица была бесплодна...

- Мы знаем правила, не перебивай! Не забывай, что девочка - дитя двух миров. В ней слишком много от человека. Это и хорошо, и так же

плохо. Она вовсе не бессмертна. Когда-то она всё же состарится и умрёт.

- Вы что, предлагаете мне прятаться от неё?

- Нет. Мы пытаемся донести до твоей головы мысль о том, что она может пользоваться ОБЕИМИ СИЛАМИ!

- Вы так путано рассказываете, что я не могу понять, это хорошо или плохо?

- Мы думали, ты более сообразительный.

- А мы думали, что ты начнешь выражаться яснее.

- Ох, да, прости нас Ллотр, мы забыли, какой ты иногда бываешь тугой. Скажем так, что-бы даже ты понял: НАМ НУЖНА ЭТА ДЕВОЧКА!

- Ччёртовы головы... Живая или мёртвая?

- Не важно. Важно то, что она должна оказаться у нас.

- И почему бы Вам тогда не сказать мне, где она сейчас?

- Потому, что мы не всесильны. И даже мы не знаем, где она. До первой её крови.

- Вот ещё. Ещё до её рождения я чувствовал источник силы. Как слабый маяк. Девочка, находясь внутри, подавала сигнал, но, когда она вылезла наружу, он пропал.

- Плод только формировался. И сила была ему неподконтрольна. При рождении всё улеглось. На время.

- Наверное, я знаю, где она может быть сейчас.

- Где же?

- Тотль наверняка отнес её к сестре. Только вот сестра уже давно где-то скрывается. И этого я уже не знаю.

- Замечательно! Всё, оказывается просто, как день. А как тогда Тотль нашел её?

- Возможно, он постучался к ней, пока я несколько дней валялся без сознания. Со своим же ножом в глазу. И она ответила ему. Или прислала за ним своих животных.

- А ты не можешь выследить её по "нитям"?

- Нет. Не могу. Только Велеру это удавалось. Когда он ещё был жив.

- Ему удавалось это потому, что он развил в себе эту способность. А какие способности развил в себе ты?

- Способность убивать.

- Это не способность! Это инстинкт! Ты отточил технику, но не более. А свой основной талант врачевателя ты забросил давным-давно.

- И он помог бы мне отыскать эту девочку?

- А твой нынешний талант тебе сейчас поможет?

- По-моему, мы зашли в тупик, уважаемые.

- Мы поняли, что пока от тебя толку немного.

- Я не ищейка! Я не собираюсь для вас рыскать по миру, пока она сама не объявится...

- А мы не стали бы прерывать наш сон, если бы знали, что ты сейчас бесполезен! Наше пробуждение всякий раз дается нам всё труднее.

- Прекрасно! Тогда спите дальше! Отдыхайте в уютной пещере, пока я буду мёрзнуть в этом краю вечного снега и этого проклятого ветра! Когда девчонка окажется у меня в руках, я, возможно, разбужу вас.

- Что ж. Уходи Ллотр, но помни, кто рассказал тебе о метеорите. Помни, благодаря кому у тебя сейчас есть оружие. Между прочим, мы тогда нарушили правила, чтобы ты смог убить своих братьев.

- Кстати, кстати. Если вы видите все события, расскажите, как один из моих ножей, мало того, что сделанный за моей же спиной, так ещё и оказался у одного из этих примитивных недочеловеков?

- Мы не знаем.

- Не знаете? То есть вы видите миллионы вероятностей, возможностей, событий и прочей чепухи, но не знаете, как МОЙ нож попал к смертному?

- Нет. А теперь уходи.

- Приятных снов вам. Смотрите, не отлежите себе бока...

- Уходи, Ллотр.

Когда огромный лис остался один, он сказал сам себе: Я сам дал ему в руки этот нож. Я предполагал, что родится ребенок-аномалия, и надеялся, что Кхаа попадет под власть силы Хаоса и сам однажды приведет девочку ко мне. Только вот слишком много в нём оказалось светлого. Сплошное разочарование.

* * *

Сначала он подумал, что в хижине никого нет. Не из-за запущенного вида, отнюдь. Внешне небольшой приземистый домик выглядел вполне обжитым и гостеприимным. Крыша, сложенная из

еловых лап, маленькие круглые окошки, и приоткрытая дверь. Вот именно она и наводила на мысль, что из жилища просто ушли.

Подойдя ближе, Тотль уловил слабый пряный запах выпечки. Ещё ближе - услышал, как в доме кто-то поёт. Это было для него несколько неожиданно, потому, что он не ВИДЕЛ в доме никого. Пока он стоял и сомневался, стоит ли вообще заходить туда, дверь распахнулась, и на порог, вытирая руки белым передником, вышла девушка.

Совсем молодая, пышного телосложения, с толстой длинной косой и ярким румянцем на щеках. Она секунду, щурилась, вглядывалась в лицо гостя (солнце светило ей прямо в лицо), а потом искренне улыбнулась.

- Здравствуй, молодой человек. Проходи, я уж тебя заждалась. - Проговорила она приятным голосом.

"Молодой человек?" - подумал Тотль. Она явно выглядит моложе его. Да и какой он молодой?

- Ну-ну, не стой как истукан, проходи. - Продолжила она.

- Добрый день. - Только и смог из себя выдавить Тотль.

Он зашел в хижину, и увидел, что в комнате накрыт стол. На двоих.

- Простите, я, наверное, не вовремя? Вы ждёте кого-то?

- Да уж. Жду. И притом, достаточно давно жду. Тебя, Тотль.

Наверное, впервые, он не знал с чего начать разговор. Он не мог ни залезть к ней в голову, ни понять кто она такая. Он просто сидел за столом и пытался нащупать хоть что-то, бегая глазами по дому.

Она же в свою очередь, не отводила от него глаз, рассматривая его. И постоянно улыбалась.

- Как я давно тебя не видела. Я очень рада, что ты жив и здоров. Это, конечно, стоило тебе многого...

- Откуда вы?..

- Оттуда. - Она заулыбалась пуще прежнего. - Я ведь не просто так рассматривала тебя. Слишком много нехороших событий и слишком много смертей произошло с тобой. Да и за тобой смерть приходила дважды. Только вот не забрала. Смотри, в третий раз она не станет ничего слушать и сделает своё дело. Удивлён, да? Признай, что не ты один можешь читать мысли и залезать другим в голову.

- Кто Вы на самом деле? - спросил Тотль.

- Ты же понял, кто я, так ведь? - ответила Она.

- И тем не менее...

- Я - Мать.

- Чья?

- Всех. Всего живого. Всех людей и всех животных. Все живые существа на планете - мои дети. И ты, Тотль в том числе.

- Так ты - Жизнь?

- Не совсем так. Жизнь ведь не может взяться из ниоткуда. Все теории о первичном бульоне... Ох, да что эти ученые мужи понимали... - Она досадно махнула рукой. - Съешь лучше пирог. Он с лесными ягодами. Я его для тебя испекла.

- Спасибо, я не голоден. - Скромно ответил Тотль.

- А я думала, ты будешь рад. Что ж. Досадно будет, если он пропадет...

Тотль чувствовал себя весьма неуверенно, а также понимал, что своим поведением может обидеть Мать. Он аккуратно взял кусок пирога и начал его есть. В этот момент его посетило настолько невероятное, настолько же и реальное чувство, что пирог на вкус был точно таким же, как в детстве.

Только вот не было на самом деле у него никакого детства, никакой матери и никаких пирогов.

- Вижу, тебе понравилось. - Мать снова заулыбалась и Тотль разглядел на её лице обильную россыпь веснушек. - Ладно, давай ешь, а я пока скажу то, что должна сказать. Потому, что времени у меня немного.

- Что?... - начал было Тотль.

- Не перебивай. К тому же, с набитым ртом. Послушай меня.

Я скоро вынуждена буду уйти. Не спрашивай куда, это не определенное место в привычном понимании. Я знаю, что твои попытки создать себе подобного мутанта увенчались успехом. Прости, что я говорю так о девочке, но... Она действительно способна убить твоего брата. Только вот, видишь ли в чём проблема: девочка может выбрать и другую сторону. Сейчас она - чистый лист. И от того, что на нём написать зависит судьба партии. Судьба Игры. И Ллотр здесь не единственный твой соперник. Сейчас вас осталось трое. Ллотр, Ишчель и ты. Девочка сейчас - тёмная лошадка. Она ни то, ни другое. Я знаю, что Ишчель будет любить и заботиться о Туум. Но, она

сделает её только умной. Сможет ли она научить девочку Силе - другой вопрос.

- Я доверяю Ишчель. Она дала обещание.

- Хорошо, если так. Продолжим.

Казалось бы, гипотетически трое светлых и одна темная фигура. Только вот к какой стороне примкнет девочка? И ты также должен запомнить, что проснулась ещё одна фигура. Ещё одна сущность, которая захочет переманить Тэйю на свою сторону. Баланс хрупок, Тотль. Ты должен держать своего брата как можно дальше от девочки и сестры. И "остаточная сила" не самое лучшее решение. Иногда сама природа одаряет нас такими красками, которые скрывают нас лучше всякой маскировки...

В голове у Тотля зашумело. Он понял, что он сейчас заснет. Мать продолжала что-то говорить, но он слышал её очень плохо. Она, видя, что Тотль роняет голову на стол, взяла её руками, встряхнула из стороны в сторону, и, возможно, она кричала: иногда сама природа одаряет нас такими красками, которые скрывают нас лучше всякой маскировки!

Тотль падал в темное ничего. Пустота. Никаких снов. Никаких кошмаров. Только голос. Голос, повторяющий одну и ту же фразу.

Он проснулся ночью на куче еловых веток. На низком небе висели две больших луны. Он так и не понял, было ли это сном, или явью. И только слова, они всплыли сами. Он вспомнил их. Вспомнил, как вкус ягодного пирога.

Глава 11

ГЛАВА 11

Тотль за все прошедшие с момента рождения девочки, месяцы так и не понял, была ли его встреча с Матерью на самом деле, либо это очередной дурной сон. К тому, что это всё-таки произошло, его склонял факт слишком ярких впечатлений по пробуждении, и загадочная фраза, намертво отпечатавшаяся в голове. Первое время он и вовсе не придавал ей значения. Затем она застряла где-то в подкорке и приводила к себе течение всех его мыслей. В конце концов, в одну из тихих бесчисленных ночей, когда он развел огонь и пристально вглядывался в безоблачное и бескрайнее небо, к нему снизошло некое подобие отгадки. Тотль вглядывался в море звёзд, и мысль привела его к тому, что за все эти тысячи и миллионы тысяч лет, отражение далеких небесных тел осталось почти таким же. Холодные, и, наверняка, необитаемые звёзды бесстрастно наблюдали за ним со своих мест, не думая ни гаснуть, ни менять месторасположения. Даже полоса млечного пути всё там же. Некоторые племена верили, что это Праматерь разлила в небе своё молоко. Равно как и невидимое в этих краях сияние...

Стоп!

Полярное сияние! Вот что имела в виду Мать, когда говорила про яркие краски! Выходит, даже если такие как он, перестают "закрываться" от остальных в зоне Аврорального пояса, то из-за частиц солнечного ветра, они становятся невидимыми. Теория весьма привлекательная, но, к сожалению, никем не подтверждённая. Тотль подумал о том, что при отсутствии обстоятельного выбора, есть шанс, что это сработает с девочкой. К тому же, время у него ещё было.

По крайней мере, так он считал.

Он несколько месяцев шел на юго-восток, пока не дошел до горных хребтов, тянущихся на многие лиги. Пустынные, с редкими островками деревьев, они только казались безжизненными.

Пару раз он натыкался на людей, но первой встречи он сознательно избежал, дабы не тревожить их, или не привести по своему следу безумного братца. Следующей встречи он не избежал.

Это племя было не очень многочисленным и мазало кожу красной глиной. А ещё занималось каннибализмом. Тотль обнаружил пару жертвенников, представлявших собой треугольные конструкции из толстых сухих ветвей. Связанные меж собой, они мерно раскачивались на веревках, подвешенных к двум мёртвым деревьям. Внутри треугольников ветки были сплетены в круг. И кости. Берцовые кости, позвоночники, рёбра и черепа при малейшем дуновении ветра, начинали перестукиваться, издавая жуткие мелодии. Сквозь глазницы черепов и выдолбленные дыры в костях проходил ветер, передавая этой симфонии приглушенные крики жертв этого жуткого места.

Тотль прикоснулся рукой к одному из этих отталкивающих тотемов, ставшему бурым от невероятного количества впитанной крови, и видения произошедшего, всецело заполонили его разум. Огонь, дым, крики и страх. Люди, попавшие сюда случайно, либо согнанные как скот. Ритуалы, пляски, оргии в крови и отрезанных частях человеческих тел. Смех дикарей-каннибалов и предсмертные крики жертв, поедаемых заживо. И поклонения жуткому богу. Богу человекоеду. Богу, предпочитавшему сердца всем остальным деликатесам. Огромная черная тень с глазами цвета палой листвы. И тень эта - живая. И чем дольше Тотль вглядывался в произошедшее, тем больше становилась тень этого существа. И теперь оно уже смотрело Тотлю в глаза. Оно открыло пасть, и облизало огромные белые зубы своим красным языком...

Тотль отдёрнул руку и вернулся в реальность. Шорохи, мельтешения теней и резкий удар в затылок. Он обернулся и увидел человека, в руках которого была зажата костяная дубина, примотанная к короткому деревянному древку. От удара кость треснула и Тотль увидел недоумение в глазах этого маленького человека. Пользуясь секундным замешательством, Тотль одним резким движением отобрал оружие, перехватил поудобнее, и с размаху ударил человека прямо в висок. Кость настолько глубоко вошла в череп, что почти смяла его, деформировав лицо до неузнаваемости.

Остальная часть охотничей группы пряталась, но Тотль отчётливо чувствовал их. Трое дикарей, с примитивным лексиконом, отчаянно силились понять, как "дикое мясо" смог убить их "Н'ха" - охотника-жреца. Тотль с отвратительным чавкающим звуком вынул дубину, и громко сказал им на их языке, что теперь они - его добыча.

Двое моментально выскочили из зарослей колючего кустарника, и бросились на него с костяными ножами. Тотль резко ушел в сторону, выкрутился и ударил одного из нападавших в то место, где позвоночник соединялся с черепом. Тот моментально обмяк и упал замертво. Второй в это время перегруппировался и ударил Тотля ножом в грудь. Нож вошел неглубоко, почти не причинив боли. Тотль схватил руку, сжимавшую нож, сдавил её до хруста, вывернул и резко дёрнул на себя. Переломанная в трех местах рука безвольно повисла. Затем он ухватил горло дикаря и большим пальцем надавил на адамово яблоко. Хруст, отчаянные попытки сглатывания, и смерть через несколько секунд.

Третий охотник, самый молодой из группы пытался скрыться бегством. Тотль вынул из груди нож, прикинул его в ладони и с силой метнул его в убегавшего. Нож, не предназначенный и не сбалансированный для метания, вошел в землю всего в паре дюймов от охотника. Второй нож, отправленный вдогонку, вошел прямо в заднюю часть колена, отчего дикарь как подкошенный рухнул лицом в пыль.

Он встал, и бормоча проклятия на своём примитивном языке, пытался уйти, волоча негнущуюся ногу за собой. Тотль неспешно подошел к нему, и ударом дубины переломал ему второе колено. В этот раз дикарь закричал.

- Что, не нравится, когда добыча начинает охоту на тебя самого? - Тотль возвышался над лежащим и стонущим человеком. - Проклятый настолько давно завладел вашими умами, что теперь вы даже не представляете себе самой возможности другого бога. Впрочем, если до этого момента он Вас оберегал, то сегодня мне придется загнать его обратно в его тёмную пещеру.

- Он съест твоё сердце! - сквозь зубы процедил охотник.

- Моё сердце ему не нужно...

Охотник хотел сказать что-то ещё, но Тотль вогнал нож ему в горло.

Тотль понимал, КОМУ поклоняется это племя, и КОГО он может лишить жертв и части силы. Правда, для этого он должен убить всех этих людей. Не самое хорошее деяние в его жизни. Тотль встал на колени и произнёс:

- Праматерь! Прости меня, ибо я собираюсь убить твоих детей. Они делали отвратительные вещи. Я не вправе их судить, но я сделаю это для того, чтобы защитить жизнь той, которая способна закончить всё это.

Тотль встал и направился в густую вязовую рощу, в которой обитала остальная часть каннибалов. Когда он вошел в это подобие поселка, с хижинами, выставленными концентрическими кругами, только человеческие кости, связанные в огромный хтонический алтарь, сросшийся с огромным мёртвым деревом, могли навести на мысль, что здесь что-то не так. В целом эти люди были заняты своими обычными делами. Женщины заняты стиркой и приготовлением еды в огромных глиняных горшках. Дети заняты своими играми. Мужчины - приготовлениями к охоте.

Когда Тотль начал говорить, все замерли. Время будто остановилось и загустело. Все со смесью удивления и страха смотрели на большого светловолосого чужака с белой кожей. В руке его была окровавленная костяная дубина.

- Я убил вашего Н'ха. А теперь - ваш черед отправляться на мясо!

Ещё пару секунд прошли в замешательстве, и только тогда первые смельчаки бросились на Тотля. Несколькими размашистыми ударами он отправил их в небытие. А потом на него обрушилась целая волна дикарей. Все вперемешку: молодые и старые, дети и женщины.

Женщина бежала на него с голыми руками. Она кричала, и Тотль увидел, что зубы её были заточены под клыки. Вкупе с безумными глазами она выглядела бы довольно угрожающе. Только не для Тотля. Он ушел в сторону, развернулся, и наотмашь ударил её прямо в открытый рот, краем глаза заметив, как нижняя часть лица превращается в кровавое месиво из губ, остатков зубов и разорванного языка.

Мужчина, вооруженный коротким мечом, собранным из заточенных позвонков, скрепленных меж собой железным остовом, попытался достать до лица, но только лишь немного задел скулу. Двигался он проворно, но Тотль в какой-то момент этой пляски достал его ударом кулака в лицо. Он выронил меч, и Тотль, поймав его в полете, пронзил грудь дикаря насквозь.

Подростки налетели толпой. Они отчаянно жалили Тотля ножами, словно стая диких озлобленных пчёл. Их совершенно не волновало то,

что с каждой секундой их число стремительно сокращалось. И в своей ярости они были совершенно безумны.

Тотль не знал, сколько продолжалась эта бойня. Когда костяная дубина раскололась надвое, и пришла в полную негодность, он начал орудовать голыми руками. Периодически он вытаскивал из себя ножи и заточки, и вбивал их в тела врагов. В какой-то момент он понял, что всё кончено. Разбросанные тела, стонущие ещё живые люди, и дети. Никто не нападал просто потому, что было уже некому.

Особо глубокие раны Тотля ещё болели. Остальные оставили только пятна крови на белых одеждах. Рубаху и вовсе впору было выбрасывать.

Тотль встряхнулся, и постарался прийти в себя. Он огляделся и попытался прикинуть, сколько людей он сегодня убил. Много. Сотню с небольшим.

Несколько детей, совсем маленькие, прятались в хижине, прижавшись друг к другу. Тотль зашел внутрь а они даже не вздрогнули. Шок от происходящего намертво парализовал их. Тотль опустился перед ними на колени и сказал:

- Простите меня...

А после перерезал им всем глотки.

Полуденное солнце нагоняло на этот край безжалостное марево. И к завтрашнему дню на тухлое мясо слетится вороньё, а следом и прочие падальщики.

Перед тем, как покинуть это место, Тотль поджег несколько домов и древо костей. Он так и ушел, ни разу не обернувшись. Роща занялась следом за поселением, и через пару дней от этого места остался только пепел, и воспоминания. Он шел до самого заката не останавливаясь, и не поднимая головы. Когда на небо взошла первая луна, Тотль рухнул на колени и заплакал.

Он думал о том, что не подозревал о цене, которую ему предстоит платить за спасение Тэйи. Сотни человеческих жизней. И непосредственно этих людей убил не его безумный брат, а только лишь он сам. Стоит ли одна-единственная жизнь тысячи других? И сколько ещё их будет? Только если уж ты обещал жертву - плати. И плати ровно до того момента, пока не расплатишься. Хоть бы и самим собой.

Тотль искренне оплакал этих людей. Это отнюдь не было оправданием, но больше он сделать ничего не смог. И сейчас он

задумался о том, что где-то очень далеко Проклятый проснулся и сейчас пребывает в ярости от того, что его лишили жертв. И он определённо знает кто это сделал. Теперь за Тотлем начнется настоящая охота. Проклятый знает где он, и пустит по его следу Ллотра. Словно безумную цепную собаку, учуявшую запах крови. Тотль подумал о том, что готов к любому исходу этой охоты.

* * *

Эта пещера, ставшая ему очередным пристанищем, была грязной, сырой и ветреной. Снег понемногу сходил, но ночи ещё держали остатки слабого мороза, тянущегося внутрь. Ллотр всем нутром ненавидел холод, и старался постоянно поддерживать огонь. Дрова были сырыми и коптили горьким дымом с привкусом горелого мха. Впрочем, ему было плевать на дым - главное, что теплее, чем на улице.

Совсем недавно его глаз начал медленно регенерировать. Несколько недель он просто безумно болел. Затем боль утихла, и состояние выздоровления просто остановилось. На исходе третьего месяца, глаз начал неутомимо чесаться. Эта чесотка сводила его с ума не меньше, чем видения, приходившие к нему время от времени. Ллотр силился, но так и не смог понять, что из увиденного произошло, или произойдёт на самом деле.

Как-то раз он попытался сунуться в Поток, чтобы понять, можно ли, и насколько верить видениям, которые мучили его словно посттравматический синдром. Ллотр сложил огромный костер, разогнавший мрак пещеры по углам, и принялся медитировать. Как только он увидел спираль потока (для Ллотра поток был огромной спиралью, скручивающейся подобно Большому Сжатию) он сделал уверенный шаг прямо в неё. И тут произошло то, чего он не ожидал. Спираль взорвалась огромным радужным фейерверком. Его сознание выбросило наружу, заодно разметав костер изнутри. В ушах стоял звон, а перед глазами плясали радужные пятна. Поток, словно магнит, оттолкнул от себя живое существо, со схожей полярностью. Ллотр ругался и клял Проклятого за его "подарок".

Проклятый, словно слыша это, спустя пару месяцев явился к нему в огне.

Ллотр увидел в пламени, как его братец убивает людей, поклонявшихся Лису. Далеко отсюда. Далеко на юго-востоке, там где

короткое море сменяет степь и горные холмы. Он видел огонь и смерть, древо костей, а потом - только пепел, развеваемый ветром.

- Отправляйся за ним!

- Чёрта с два! - Сказал Ллотр. - У меня ещё глаз не зажил.

- Твой глаз заживет через месяц. К тому моменту ты ещё не нагонишь брата. Собирай вещи и отправляйся за ним. Только в этот раз заставь его привести тебя к девчонке.

Огромная тень с глазами цвета палой листвы перестала плясать в огне, и через секунду присутствие Проклятого исчезло.

- Братец ответит за свои поступки. Он будет страдать за них. А потом, когда он приведет меня к сестре и ребенку, я убью его прямо на их глазах...

Дальше он начал бормотать нечто неразборчивое, а потом и вовсе умолк, увлеченный процессом осмотра и упаковки ножей. В ту же ночь он отправился в то место, которое показал ему Лис. В ночных сумерках постепенно таял черный силуэт с душой, не менее светлой, чем окружающая его непроглядная тьма.

Чувство погони настигло Тотля почти полгода спустя после событий с племенем каннибалов. Чувство настолько эфемерное, что он даже не сразу распознал его. Слишком далеко был источник. Это хорошо. Время ещё есть.

Уже перед самым коротким морем он нашел то, что искал. Место силы. Огромный дуб, росший несколько веков, а затем превратившийся в камень, стоял тысячи лет. В окружении своих низкорослых братьев он казался настоящим исполином. Когда-то давно Тотль пришел к нему, истекая кровью и одолжил у него часть силы, чтобы выжить перед грядущей терраформацией. Он пообещал однажды прийти и вернуть её.

- Вот и подвернулся случай. - Сказал Тотль тихо, приложив руку к покрытому рытвинами, каменному, но тёплому стволу. - Однажды я взял у тебя силы, чтобы выжить. Теперь же я отдаю её, чтобы выжить могла моя девочка.

Дереву не нужно было предисловий. Оно просто взяло своё.

Тотль почувствовал, что у него тянет в груди. Тонкие, едва ощутимые нити вытягивали силу прямиком из его сердца. Отдавать силу было больно. Несколько секунд для Тотля растянулись на

минуты. Казалось, дерево не насытится, пока не вытащит из него все соки.

Наконец, всё кончилось.

Тотль рухнул на колени. В груди жгло, но боль понемногу отступала. Глаза слипались сами собой. Тотль уснул прямо там, под тенью тысячелетнего древа.

Ему снился Проклятый. Тот разговаривал с Тэйей. Тотль находился рядом, но ничего не мог ни сказать, ни сделать. Его словно парализовала картина их как будто бы мирного общения.

- Ты пришла к Нам.

- Вы позвали меня, и я пришла.

- Это хорошо. Очень хорошо. Мама ведь говорила тебе, что ты - особенная девочка?

- Да. Только я не представляла себе, что мне предстоит настолько великая честь - отдать себя Вам.

- Мы не можем позволить тебе существовать. Слишком много неопределенностей связано с твоим появлением в этом мире.

- Я сделаю всё, что от меня потребуется.

- Мы знаем. Это хорошо. Твой дядя пытался тебя найти, но не смог. Почему?

- Я спряталась далеко на севере, там где полярное сияние прятало меня от всех Вас. А теперь я поняла, что прятаться бесполезно. Вы бы всё равно нашли бы меня.

- Это правда.

- И я перестала сопротивляться и пришла к Вам. Что мне теперь нужно сделать?

- Встань и разденься! - Проклятый сощурил глаза и довольно облизнулся в предвкушении.

Тэйя встала и сняла с себя простое белое платье. Другой одежды под ним не оказалось. Она повернулась к Тотлю, и сказала:

- Папочка, подойди к нам! Бояться нечего. Он всего лишь возьмёт то, что ему принадлежит.

Тотль в ужасе осознавал ситуацию, но его парализовало. Его дочь, совсем подросток, с небольшой, девичьей ещё грудью, и молочного цвета кожей стояла перед древним существом, жадно ухмыляющимся зубастым оскалом.

- Папочка, ты идёшь? - повторила девочка.

- Он, видимо, не хочет идти. Придется начинать без него. Ты готова?

- Да. - Ответила Тэйя с какой-то грустью в глазах. - Папочки никогда не было рядом, когда он был так нужен. Видимо, и теперь придется всё делать без него...

Из осклабленной пасти появился длинный красный язык. Сначала он легонько облизнул кожу между грудями, а затем вошел прямо в образовавшуюся рану. Девочка сначала ойкнула, а потом улыбнулась. Потом и вовсе закрыла глаза от наслаждения.

Через пару секунд язык вышел обратно, уже с добычей. На кончике его было сердце. Белое и кровоточащее. Проклятый с жадностью проглотил его и закрыл глаза.

- Папочка, видишь, ничего страшного не случилось! - Сказала Тэйя. - Он только... только... он...

Тотль увидел, как блекнут и закатываются её глаза. Как из них утекает жизнь, и хрупкое маленькое тельце безжизненно падает набок.

Он хотел закричать, но не смог. Только из глаз полились слёзы.

Тем временем к нему подошел Проклятый. Теперь, когда он поглотил её сердце, он выглядел как обычный человек. Черная, угольная кожа, ярко-красное переплетение вен и артерий и глаза цвета палой листвы.

- Ты понимаешь, что противиться Инерции бесполезно? Что все твои поступки бессмысленны, и всё сложится так, как будет угодно слепой безжалостной силе.

Тотль пытался что-то сказать, но ни рот, ни язык его не слушались.

- Не надо ничего говорить. Ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что это конец.

Тотль увидел, как к уже его груди тянется всё тот же огромный язык. Боли не было. Когда тварь насытилась, картинка начала распадаться на части, пока не осталась только темнота.

Когда он проснулся, он был усеян павшими листьями, словно одеялом. Он проспал здесь...

Месяц?

Два месяца?

Тотль не предполагал, что рассеивание силы будет стоить ему ещё и времени. Он отправился к горному ручью, вспоминая свой сон,

занимавший все его мысли. Он отчаянно надеялся, что всё это - только сон, а не предупреждение.

После нескольких глотков чистой воды он проснулся окончательно, только в мозгу ещё остался неприятный привкус дурного сна.

* * *

Девочка бежала по снегу босыми ногами. Она бежала что есть сил, но ни от кого при этом не убегая. В просторном молочном платьице, совсем под цвет белесых волос, она бежала навстречу низкому зимнему солнцу. В звонкой тишине раздавался хруст снега под ногами, и частое дыхание. Девочка пересекла огромное поле и остановилась перед лесом, который пока ещё пугал её. Она перевела дыхание и сделала пару осторожных шагов, будто боясь, что лес укусит её.

Лес не кусался. И даже снег не кусал её босые ноги, не смотря на мороз. Девочка и не догадывалась, что не все могут безболезненно переносить холод.

Мама сказала ей, что она может погулять до обеда. Времени было достаточно, к тому же есть ей совершенно не хотелось.

А вот в лесу должно быть интересно. Девочка уже давно выучила все растения, деревья и животных, обитающих в этих краях. И только недавно, когда девочке исполнилось пять, мать разрешила ей гулять одной.

Только в лес она сегодня так и не пошла. Она свернула в сторону высоких гор, один из пиков которых был словно надломлен.

На равнину медленно спускался туман. Он полз с гор, и молочной пленкой скрывал всё, что попадалось ему на пути. Девочку он совершенно не пугал. Она всего лишь перестала бежать, и перешла на обычный шаг.

Туман, тянущийся густой патокой, обволакивал девочку и мешал ей разглядеть редкие деревья, и скалы впереди. Он оседал на коже и на ткани мелким бисером замерзающих капель.

Вдруг туман зашевелился, и в её сторону начала продвигаться большая серая тень. Девочка ощутила нечто большое, теплое, и дружелюбно настроенное. Она замерла на месте, ожидая, что тот, кто пришел, подойдёт сам. Она услышала мерный ход копыт, сминающих снег, и тяжелое дыхание. Мотая головой, будто рассеивая туман, перед

ней оказался большой белый бизон. Грубая шкура и грустные глаза, свалявшаяся борода и массивный горб. Он встал перед девочкой и замер. Она улыбнулась, и подошла к нему вплотную, начав гладить его низко опущенную голову.

- Привет. - Сказал ей бизон. Он говорил у неё в голове, только девочку это нисколько не смутило.

- Здравствуй. - Ответила она.

- Ты выросла. - Больше отметил, нежели спросил он. - Может, ты ещё не совсем взрослая, но знаешь и понимаешь гораздо больше для своего возраста.

- Спасибо. Мама говорит, что я очень умная. А ты... знаешь меня?

- Почти пять лет назад я уже встречался с тобой. Только тогда ты была совсем маленькой.

- Ты приходил к нам с мамой в гости?

- Можно сказать и так.

- Ты ведь говоришь сам по себе, ну, то есть я не просто понимаю твой язык, а скорее, ты знаешь мой? Так?

- Всё правильно.

- И это значит, что ты - не просто бизон?

- Да.

- Так кто же ты?

- Я - это я. - Сказал Бизон. - А вот кто ты?

- Меня зовут Тэйя. - Представилась девочка. - Мама говорит, что это значит "буря".

- Мама говорит правду. Ты родилась в самую лютую, и в самую последнюю зимнюю бурю в тот год. Думаю, она ещё расскажет тебе о твоём рождении. Только я спрашивал не про имя, данное тебе.

- А про что же?

- Я спрашивал, задумывалась ли ты о том, почему тебя не трогает ни мороз, ни усталость, царапины заживают на тебе очень быстро, а меня ты почувствовала ещё до того, как я подошел к тебе?

- Мама говорит, что я просто особенная девочка.

- Я согласен с ней. Думаю, она как-нибудь обязательно всё тебе расскажет.

(Она даже не представляет насколько она особенная). Я же хотел лишь взглянуть, какая ты стала.

- И какая я стала?

- Ты стала... большая. - Сказал Бизон с шутливой интонацией. - Умная. И ты должна мне кое-что пообещать.

- Я постараюсь выполнить то, что ты попросишь.

- Хорошо. Тогда слушайся себя, насколько это возможно, и не отчаивайся. В твоей жизни будет много перемен, но ты справишься с ними. Ты ведь сильная девочка?

- Очень. Мама мне тоже так всегда говорит.

- Ну, так как? Даёшь слово?

- Да. - Сказала девочка.

- Хорошо. Это очень хорошо. А теперь мне пора идти.

- Куда?

- Обратно. - Бизон махнул головой в противоположном направлении.

Девочка повернула голову, чтобы посмотреть, куда Бизон собирается, а когда обернулась, его уже не было. Только лишь туман.

Когда она рассказала об этой встрече своей матери, та не поверила ей.

Это время Ишчель могла уверенно назвать своим самым счастливым временем в своей жизни. Она жила уже очень долго и ей было с чем сравнивать. Точнее, это было ни с чем не сравнимое время.

Девочка росла спокойной и сильной. Ишчель отдаленно понимала, что в её понимании "любви" была замешана изрядная доля инстинктов. Только из всего этого и складывалось её понятие "счастья". И одним из знаковых (и самых счастливых) моментов стал день, когда девочка в год с небольшим, впервые сказала слово "мама". Затем были первые шаги, осознание себя и обучение. Девочка была невероятно способной и с легкостью запоминала и понимала всё, до чего только дотягивалась. Ишчель иногда вглядывалась в её чёрные глаза и понимала, что в них - бездонная пропасть, жаждущая заполнения. Заполнения знанием и умениями. Так продолжалось ровно пять лет.

И тихая, счастливая жизнь закончилась ровно в тот момент, когда на пороге появился Ллотр. Скособоченная улыбка, рассеянный взгляд, окровавленная одежда, а в руках он держал отрезанную человеческую голову.

- Я слышал, тут у одной хорошей девочки сегодня день рожденья. - сказал он. - И я принес ей маленький подарочек...

* * *

Спустя несколько недель он вышел к короткому морю. Там, за десятками лиг соленой воды лежали острова, где в единственном месте этого мира росли невысокие терракотовые деревья, и горы, поросшие тысячелетними лесами.

Где-то в глуби девственных дебрей было ближайшее место силы. Тотль осознавал, что плыть ему придется без лодки, и он сомневался, что оставь это место на потом, сил у него может просто не хватить. Первый раз у него забрали много силы. Гораздо больше, чем он одалживал.

Всему есть своя цена.

Ему потребовалось два дня, чтобы переплыть море. Холодная вода и течение забирали у него значительное количество энергии, и на исходе первого дня Тотль несколько часов плыл на спине, пытаясь дать телу отдохнуть. И всё равно он устал. Он выбрался на каменный берег и долгое время приводил себя в чувство.

- А это только начало. Дальше будет ещё хуже. - Сказал он тихо сам себе.

Через три дня непрерывного перехода по лесу он вышел к подножию горного хребта. Где-то очень высоко было то, что ему нужно. То, что обычный человек принял бы за обман зрения или за галлюцинацию. Настолько невероятным был сам факт существования этой субстанции.

На вторые сутки подъема Тотль всего во второй раз в жизни увидел её. Ученые одного из циклов могли бы назвать это неньютоновской жидкостью. И они были бы правы только отчасти. Выглядело это как вязкий комок воды, парящий в воздухе. Но, дело было не только в самой воде, но и в аномально низкой гравитации. Несколько циклов подряд, словно запрограммировано, существовал участок с узконаправленным пучком низкой гравитации, и благодаря расположению магнитных полей, притягивающей именно эту жидкость. И в этот раз он был на этом острове.

В заходящем солнце комок воды отдавал охрой и багрянцем. Он видел восхождение и падение цивилизаций, эпох и миров. Одна из немногих констант за многие лета. Он беспристрастно парил над каменным выступом с углублением на конусе. А вокруг в хаотичном замедленном танце двигались палые листья.

В первую их встречу Тотль был поражен этой сущность. Сейчас, в окружении невысоких терракотовых деревьев и закатного света, она выглядел не менее величественно.

Тотль поприветствовал её как старого друга и коснулся рукой. Покалывающая волна холодного тепла тянулась куда-то внутрь, и добравшись до цели, принялась за работу. В этот раз сил ушло гораздо меньше, только легче от этого не стало. Тотль чувствовал бессилие, накатывающую неизбежность старости (Словно самый обычный человек. Может ли так быть?) и безумное дыхание погони. Ллотр шел за ним следом, и их встреча была всего лишь вопросом времени.

Тотль одернул руку и в этот раз спать ему уже не хотелось. Впрочем, от прикосновения рука его онемела и подавала слабые сигналы. На восстановление уйдет пару дней, не больше.

Пора была выдвигаться обратно.

Тотль пересек короткое море, и теперь курс его лежал на юг. Очень далеко на юг.

Четыре бесконечно долгих года Тотль пытался оттягивать неизбежное. Тело его ослабло, ныли старые раны и лицо начали прорезать морщины. И каждый день ему требовался отдых. И почти каждую ночь - сон. С отвратительными кошмарами и пробуждением от собственного крика. И на исходе четвертого года от рождения Тэйи, их с Ллотром пути пересеклись.

Край огромных солевых озер посреди лесов и степей. Холодные ночи и остатки грязного снега в тени деревьев. Весна, которая всё никак не хотела приходить. Очередной дурной сон, который он никак не мог вспомнить. Тело ломит, и та сила, которая делала его почти богом, на исходе. Костер почти догорел, и на обгоревших поленьях наросла корка инея.

Тотль сел, и не сразу понял, кто сидит с ним рядом.

- Доброе утро, Брат. - сказал Ллотр.

- А, это ты. Догнал? - спросил Тотль с долей горькой иронии.

- Признаться, ты с этими locum virtus заставил меня побегать. Я уж было подумал, что ты и вправду таскаешь за собой эту девочку. Я слышу, как вибрирует вселенная и бегу к тому месту, где ты задел струну. Как дурак. Но... Кстати, знаешь, что самое отвратительное в этой истории?

- Нет.

- Нет. - Повторил Ллотр. - Не знаешь... Плохо. А всё дело в том, что я-то давным-давно перестал видеть все эти места. Где-то с третьего раза я понял, что ты водишь меня за нос. Обманывать родных, кстати, очень некрасиво, братец. Но, понимаешь, и остановиться я уже не мог. И после последнего места ты оставил за собой настолько заметный след, что не заметить его мог только слепой. Да ещё и твоё состояние... Признайся, кто надоумил тебя на эту тупейшую мысль - просрать всю свою силу, чтобы ненадолго оттянуть неизбежное?

- Я. Только ты забыл кое-что.

- И что же я забыл?

- Сила никуда не делась. Она просто раздроблена. И любой, кто достоин - может взять её себе.

- А если взять её будет некому, то вся твоя затея - без толку. Но, это уже не важно вовсе. Выглядишь ты отвратно, конечно.

Ллотр сочно плюнул в тлеющие головни костра.

- Собирайся и пошли. Чем быстрее я с этим разберусь, тем быстрее всё это закончится. - Ллотр встал и вопросительно глянул на Тотля.

- Я не поведу тебя к ним.

- Так ты всё-таки оставил её у сестрички! Какая прелесть! Наконец-то я пришью эту суку. Вставай!

- Нет.

- Вставай и пошли, или я отрежу твою пустую голову и принесу её твой дочери в подарок! А сестрица даже ничего не почувствует.

- Хахаха! Тогда ты уж точно ничего из меня не вытянешь...

- Ошибаешься брат. - сказал Ллотр, доставая из кожаной сумы один из ножей. - Я кое-чему научился за последние пару лет.

Ллотр подошел сзади, и схватил Тотля за волосы. Резкий взмах ножом, и тело упало набок, а пролившаяся в остатки костра кровь, зашипела. Он поднял голову на уровень глаз, и заглянул в открытые остекленевшие глаза брата.

- Я кое-чему научился... - прошептал Ллотр.

* * *

Тотль всё ещё не мог привыкнуть к блестящему затылку брата. Закованный в тяжелый и мощный бронежилет, он походил больше на гладиатора, чем на военного. Бог Арес во плоти.

- Подойди на секунду. - Сказал Цогуа, поворачиваясь к нему лицом и протягивая нечто небольшое.

- Да.

- Возьми это. - Цогуа как обычно был предельно серьёзен, только сейчас в его голосе звучал рок.

- Что это?

- Это комм. Покруче чем у меня. Я собрал его из местных приблуд.

- Но, зачем?

- Это крайний случай шифрованной связи. На случай, если что-то пойдёт не так.

- Спасибо, конечно, но...

- Помолчи. Тут автономный режим связи. Карты, источники силы, ещё кой-чего. Если нужно будет отправить сообщение мне или сестре. Или найти что-нибудь.

- Благодарю, Цогуа. Правда.

- И ещё он защищен от воды, пыли и батареи там хватит на несколько тысяч лет.

- Надеюсь, что он не пригодится.

- Я тоже. Но, так надежнее. ОН так не выследит...

Когда на комме загорелась иконка с изображением нового письма, Ишчель сначала не поверила. Она схватилась за гаджет и долго вглядывалась в него. И только ночью, когда девочка заснула, она решилась прочесть послание.

Сообщение было от Тотля.

"Иногда сама природа одаряет нас такими красками, которые скрывают нас лучше всякой маскировки.

Я думаю, что это сказано про полярное сияние. Из-за некоторых особенностей Ллотр не сможет обнаружить Вас там, пока Туум не научится контролировать свои способности.

Это только теория, но лучше у нас ничего нет. Т. "

Глава 12

ГЛАВА 12

Про себя она отметила, что именно такие смешанные чувства должны быть, когда видишь в дверях собственного дома призраков далекого прошлого. Брат, любовник, убийца и безумец в одном лице.

Теперь, когда она увидела то, во что он превратился, она поверила рассказам Тотля. Только сейчас Тотль мало что мог ей ответить. Его голова, с открытыми глазами и вываливающимся из приоткрытого рта языком, раскачивалась в руках Ллотра. Выглядела она, мягко говоря, не очень. Ишчель могла поклясться, что всё то время, что Ллотр шел сюда, он ещё и вёл беседы с отрезанной головой.

- Ну, так что, сестричка, впустишь блудного брата, или так и дальше будешь держать на улице? Дорога к тебе была непростой, шел я долго и... немного устал. Можешь сказать спасибо Тотлю, он подсказал, где я могу Вас найти. - В этот момент Ллотр поднял отрубленную голову и заглянул ей в глаза. - А то я уж и не знал, где искать.

- Ты... Посмотри в кого ты превратился!

- Ой, да брось!.. Лучше посмотри на себя. Сколько ты сидишь на одном месте? Тысячу лет? Десять тысяч?

- Это не важно!

- Не важно, да... Хорошо. А где моя племянница? Или это тоже не важно?

Ллотр молниеносно бросился к Ишчель и свободной рукой крепко сдавил ей горло.

- Проваливай. - Захрипела она.

- Где девчонка?

- Ты ее не заберешь.

- Я заберу всё, что мне нужно.

Он сжал горло крепче и в этот момент услышал голос из комнаты:

- Мама, а кто к нам пришел? - спросила девочка.

- Отпусти меня... - Прошептала Ишчель.

Ллотр отпустил её шею, и они вдвоём развернулись к девочке лицом. Отрезанную голову он спрятал за спину, словно неожиданный

подарок. Присел на корточки и заглянул Тэйе в глаза, склонив голову набок.

Он несколько секунд вглядывался в её черные бездонные глаза, белоснежные волосы и молочную кожу.

"Мутант. Совершенное существо, неподвластное Игре и её правилам. Надо отдать должное братцу, он сумел-таки её вывести. Теперь даже жалко, что девочку придется принести Проклятому в жертву. Можно забрать её в обучение, и попробовать переманить на свою сторону. Только вот послушается ли она его? А если всё-таки она станет чёрной? Вот будет славно... Тогда, лет через десять он может начать делать с ней вещи, которые делают взрослые мужчина и женщина, оставшись наедине. Она не только красивая, но и умная. Она..."

- А почему у Вас кровь на рубашке? - Спросила девочка.

- Это кровь одного плохого дяди, который хотел сделать нам всем нечто нехорошее. - ответил Ллотр.

- И поэтому Вы его убили?

- Ну, да. - Он широко улыбнулся.

- Меня зовут Тэйя. - запоздало представилась девочка.

- Какое красивое имя. - Ллотр улыбался. - А меня зовут Ллотр.

- Очень приятно. - Ответила девочка и попыталась сделать приветственный присест.

- А это правда, что у тебя сегодня день рожденья? - Спросил он, пытаясь изобразить искреннюю улыбку.

- Мама говорит, что да. Мне сегодня исполняется пять лет.

- Твоя мама говорит правду... - Ллотр взглянул на Ишчель, стоящую чуть поодаль с закрытыми глазами и что-то бормочущую одними губами. - Что это ты там делаешь? - спросил он у неё.

Ответа не последовало.

Отрезанная голова выпала из его рук и Тэйя закрыла рот руками, чтобы не закричать. Она оцепенела и не могла понять, зачем этот человек принес к ним с мамой в дом мертвую часть тела. Картина эта моментально отпечаталась в её сознании. Мутные закатившиеся глаза, багровый и распухший язык, волосы, серого цвета с запекшейся кровью. Впервые в жизни Туум узрела смерть. И она была отвратительна.

- Что ты там такое бормочешь, сука?!! - Ллотр в бешенстве вскочил и затряс Ишчель за плечи. Её голова безвольно болталась взад-вперед и когда она открыла глаза, он услышал только последнее слово: "приходите..." - Отвечай, дрянь, что ты там такое говорила! - Ллотр наотмашь ударил её ладонью по лицу.

Тишина. Ещё удар. Скула и глаз начали понемногу набухать. Ещё удар.

- Мама! Мамочка, что он с тобой делает! Прекрати! Прекрати! - последние слова девочки были адресованы уже Ллотру. Она подбежала к дерущимся и безуспешно пыталась оттянуть сумасшедшего гостя за штанину.

Ллотр не отвлекаясь от избиения сестры, просто пнул ребенка подальше от себя. Тэйя пролетела пару метров и приземлившись на спину, начала реветь. Сначала тихо, затем всё громче.

- Заткнись! Закрой свой поганый мелкий рот! А ты... Отвечай! Что? Ты? Сделала?

- Сейчас увидишь. - сказала Ишчель и сплюнула кровью на пол.

Тэйя резко замолчала, а в тишине нарастал непонятный хлопающий шум.

- Что это? Что это, блядь, такое?!

Ллотр в растерянности отпустил Ишчель, и та, прислонившись спиной к стене, мягко сползла на пол. Он крутил головой и отчаянно вглядывался в открытую дверь. Шум нарастал. Ллотр достал из сумки два огромных ножа и сбросил её на пол.

Вороны ворвались стремительной и единой стаей. Они метили в глаза и лицо, яростно клевали и вонзали когти в человеческую плоть. Ллотр в бешенстве отбивался он них обеими руками. Из-за плотного вихря птиц тяжело было понять, что происходит. Во все стороны летели перья, кровь и куски мяса. И всё это сопровождалось отборной громкой бранью.

Тэйя, словно парализованная, несколько секунд лежала тихо, боясь будто птицы набросятся и на неё. Только прислушавшись к ним, она начала разбирать обрывки их мыслей.

"Белый человек..."

"Глаза, глаза, глаза..."

"Он должен быть съеден..."

Разум их был затуманен - ярость заглушала всё прочее.

Тэйя бросилась к матери, надеясь, что сейчас они убегут, спрячутся от этого страшного человека и от птиц, которые его терзают.

Только сил встать у Ишчель не было. Она даже не сразу поняла, что девочка пытается докричаться до неё. Пытаясь достучаться до сознания животных, и заместить его, Ишчель рассеивала всю свою силу. Медленно, словно в тумане, она повернула голову к девочке и прохрипела: "спрячься". Из просторной гостиной, где сейчас происходило нечто, выходящее за рамки их обыденной жизни, дверь вела в кухню с массивной деревянной мебелью. Туум закрыла за собой дверь на замок, и спряталась в маленьком шкафчике под мойкой. Она закрыла руками глаза и думала только о том, что не хочет, чтобы человек нашел её и сделал ей так же больно, как маме. Её окружила темнота, и до неё доносились только приглушенные крики из другой комнаты.

Проклятые птицы изорвали ему всё лицо. Когда он порубит этих летучих бестий, он задаст сестренке хорошую трёпку. Око за око, сестричка! И её красивое личико непременно обезобразят полосы шрамов. Из-за беспрерывно мельтешащей воронки пернатых, он не мог их сосчитать даже примерно. Однако Ллотр продолжал рубить их одну за одной.

Когда весь пол был в крови и перьях, он с обезображенным и окровавленным лицом, раскидывая безжизненные тушки ногой, подошел к сестре и вогнал нож прямо под ребра. Но, так, чтобы не повредить сердце и артерии. Просто, чтобы ей было больно. Ишчель тихо охнула и схватилась за нож. На белом платье расцветало алое пятно. Ллотр улыбался безумной улыбкой.

- Нравится мой нож, сестричка? Им я убил всех наших братьев. И тебя тоже убью. Но, не сейчас. Чуть позже. Когда наиграюсь с тобой. Знаешь, ведь у меня с той поры, как мы расстались, не было других женщин. Так что, я остался верен тебе, в каком-то смысле.

- Ллотр, ты же не такой... - Ишчель плакала. - Когда-то ты был добрым и...

- Того добренького бога больше нет! Ты не представляешь, как честно быть самим собой. Настоящим. Ты не притворяешься, не лжешь самому себе, ты - свободен!

- Ты не бог. Ты - дьявол.

- Может быть. Только это уже не важно. Важно то, что Игра уже подходит к концу, и белые фигуры в ней стремительно умирают. А теперь - потерпи ещё немножко.

Ллотр медленно ввел второй нож ей в живот. В этот раз Ишчель закричала. Внутри всё нестерпимо жгло.

- А вот теперь представь себе, что чувствовали тогда твои братья, когда ты отказалась помочь им. Ты струсила. Ты не нашла в себе сил противостоять мне вместе с ними. Вчетвером у Вас ещё был шанс победить меня. Но, ты всё испортила и подвела их. Они погибли из-за тебя...

- Нет! Прекрати! - Лицо Ишчель перекосила гримаса страдания. Она разревелась, словно маленькая девочка. От обиды, от отчаяния. Хотя и понимала, что в словах безумца есть правда.

- Ты ведь знаешь, что это так. И теперь ты трясешься над девчонкой, пытаясь загладить свою вину. Пытаясь хоть как-то исправить то, что натворила. Только смысла в этом - ноль. А сейчас, я с позволения, хочу продемонстрировать остальные свои ножи. Мне очень не терпится похвастаться ими перед тобой. С "Медведем" и "Вепрем" ты уже знакома, так ведь?

Ллотр сходил за своей сумкой, и присел напротив Ишчель. Положил сумку между ними. Не отрывая взгляд от лица сестры, запустил руку внутрь и извлек первый попавшийся нож.

- Тадам! Смотрите-ка, кто у нас здесь?! Это "куница". Куница, пожалуйста, поздоровайся с сестричкой.

Ллотр аккуратно провел лезвием по щеке и на ней выступили две капли крови. Он поцеловал сестру прямо в порез, слизнув капли.

- Сейчас я поцелую, и всё пройдёт... - Сказал он и засмеялся. - Ну, а теперь давай мы немного подправим тебе личико...

Ишчель затихла и закрыла глаза.

Он надавил лезвием на скулу и начал медленно вести его вниз. Под ножом раскрывалась рана, оголяющая кость и наливающая красным.

- Терпи, сестричка, это только начало. Ты не представляешь, сколько всего я хочу с тобой...

Он слишком увлекся процессом и поздно заметил движение в дверном проёме. Внушительных размеров и пышущий животной яростью, в нём стоял медведь. Ллотр резко встал и начал пятиться

назад, однако поскользнулся в луже крови и упал на спину. Медведь, будто ждал этого момента и бросился на человека.

Ллотр закрыл лицо и шею руками, и почувствовал, что медвежьи когти распороли ему руки до кости. Нужно собраться. Срастить мышцы, кровеносные сосуды, артерии, кожу. Раны затягивались, но на их месте появлялись новые.

Ллотр подобрал колени и с силой толкнул зверя в живот. Удар вышел такой силы, что медведь осел на пол. Мотнул головой, взревел, и снова бросился на человека. В этот раз Ллотр ушел в сторону. Он достал зверя ударом в голову, но, тот словно и не заметил этого.

Ллотр петлял и уходил в стороны, время от времени нанося удары голыми руками. Так продолжалось почти минуту, прежде чем медведь разорвал Ллотру грудь. Ллотр пошатнулся, пытаясь закрыть рукой рану. Медведь ударил снова. Теперь достал до горла. Ллотр издал несколько булькающих звуков, пытаясь остановить кровь. Медвежья лапа разворотила ему лицо и он упал.

Медведь затряс головой, словно пытаясь вытрясти из неё нечто чужеродное. Силы Ишчель были на исходе, и она быстро теряла контроль над животным. Медведь, освободившийся от её оков, опустился на четыре лапы, удивленно обнюхивая помещение и рассматривая кровавый интерьер. Он не понимал, как он оказался в этом странном месте. Оно было пропитано страхом, кровью и настолько мощной злобой, что он испугался. Медведь зарычал и выбежал из дома.

Ишчель понимала, что брата это не остановит. Она видела, как неспешно, словно в замедленной съёмке, останавливается кровотечение в его ранах, как срастаются кости и мышцы. Совсем скоро, через несколько минут его голова восстановится, и он ещё более озлобленный придет в сознание. И продолжит задуманное.

Она чувствовала, что не успеет восстановить силы и уйти. Разве что задержать брата, пока девочка не убежит достаточно далеко, чтобы Ллотр не смог догнать её. Попыталась встать, но не смогла. Легкие будто поджаривало изнутри. Живот разрывало огнём. Она попыталась вытащить нож из груди, но он сидел крепко. Из живота нож вышел легко, только рана обильно кровоточила, и не хотела заживать. Ишчель так и сидела, придерживая рану рукой. Она даже не заметила, как ней подошла Тэйя.

В какой-то момент всё стихло. Рычание дикого зверя, грохот, шум схватки. Тэйя почувствовала, как мама "отпустила" медведя, и тот ушел. Она аккуратно вылезла из своего убежища (она и сама считала, что такое убежище вряд-ли спасет её от этого страшного человека) и отправилась в гостиную.

Ей казалось, что всё вокруг залито кровью. Огромные лужи на деревянном полу, потеки и брызги на стенах. И её мама. Платье её было больше красным, нежели белым. Сквозь пальцы, прижатые к животу, текла кровь. Взгляд её был рассеян, и Тэйя сначала испугалась, что Ишчель умерла. Только когда она подошла ближе, то увидела, что мама дышит.

Потом она начала взглядом искать Ллотра, крайне надеясь не увидеть его в комнате вовсе. Но, он был там, и девочка почувствовала, что он без сознания, и хочет как можно быстрее вернуться обратно. Тэйя не понимала, как такое может быть, и эта мысль заставила её бояться по-настоящему. Она подошла к маме и села рядом.

- Мама, с тобой всё в порядке?

- Да, с мамой всё будет хорошо. А теперь слушай сюда. Сейчас ты должна будешь кое-что для меня сделать. Обещаешь?

- Я постараюсь.

- Нет. Не старайся. Просто сделай. - Тон Ишчель не терпел возражений.

- Я сделаю. Я... обещаю.

- Хорошо. Помнишь, как я рассказывала тебе про то, что далеко-далеко на севере в небе горит изумрудный огонь - полярное сияние?

- Помню.

- И ты помнишь, как я рассказывала, где стороны света?

- Да.

- Тогда пообещай мне, что прямо сейчас ты отправишься туда.

- А ты, разве, не пойдешь со мной?

- Родная моя, я очень хотела бы отправиться с тобой, но не могу.

- Но почему? - На глазах у Тэйи начали наворачиваться слёзы.

- Потому, что это твоя судьба. Поверь, девочка моя, я много чего должна была тебе рассказать, но... Но не смогла. У меня просто не хватило сил. Однажды ты поймёшь это. И, может быть, простишь меня. А помнишь? - Ишчель зашлась приступом кашля. - Помнишь, я читала тебе книги с приключениями?

- Да. - Сказала Тэйя. Слёзы катились по её щекам. - Помню.

- К сожалению, моё приключение заканчивается здесь. И начинается твоё. Собственное. - Теперь уже Ишчель плакала вместе с девочкой. - А теперь беги. Беги и не оглядывайся. Он скоро очнется и захочет забрать тебя.

- А как же ты?

- Я постараюсь его задержать на какое-то время. Со мной все будет в порядке. Не переживай. - Ишчель понимала, что она лжет. И ничего уже не будет в порядке. Велер и Цогуа мертвы. Тотль убит. Её единственный брат жив, только он превратился в бездушную игрушку Смерти. И самой ей жить осталось недолго. Всё зависит от того, насколько быстро Ллотр наиграется с ней. А у девочки ещё есть шанс. Совсем небольшой, но если Тотль был прав, то Ллотр не сможет её найти хотя бы до той поры, пока Тэйя сама этого не захочет. И не даст ему отпор. А до той поры защитить её некому.

- А когда я смогу сюда вернуться?

- Никогда. - Ответила Ишчель. - Я сама постараюсь уйти отсюда поскорее.

- А ты потом придешь ко мне, на север?

- Обязательно, девочка моя. Я найду тебя, где бы то ни было. А теперь беги! Пожалуйста. Так быстро, как сможешь.

- До свиданья, Мама!

- До свидания...

- Куда это ты собралась? - голос был хриплым и булькающим.

Ишчель и Тэйя одновременно повернули головы на голос.

- Она собралась туда, где ты не достанешь её. - Голос шел откуда-то сзади и был определённо знаком. Ллотр повернулся, и увидел, что прямо за ним стоит Тотль. В позе, готов к нападению, а в руках - ножи.

Не говоря больше ничего, он набросился на Ллотра. Тот едва успевал уворачиваться от ударов. Глаз ещё не зажил, и ему приходилось постоянно держать братца справа от себя.

Тотль был невероятно быстр, и управлялся с его ножами настолько резво, что, казалось, они принадлежат и не Ллотру вовсе. Тотль достал его всего несколько раз. Ничего серьёзного. И тут Ллотр сделал вид, что поскальзывается и теряет равновесие. Этого было достаточно, чтобы спровоцировать Тотля на необдуманную атаку. Ллотр всё рассчитал верно, и, увернувшись, перехватил нож. А пока

Тотль перехватывал оставшийся нож из одной руки в другую, Ллотр одним движением рассек его шею до самого позвоночника. Тотль, захлебываясь кровью, упал на колени. Ллотр подошел, и за два удара отделил его голову от шеи.

- Прощай братец. И спасибо, что привел меня к сестричке...

Ллотр затряс головой, и видение растворилось. Осталась только ноющая боль в затылке. Отрезанная голова брата, которую он принес, всё так же валялась в углу.

- Куда это ты собралась? - Голос был хриплым и булькающим.

Ишчель и Тэйя одновременно повернули головы на голос. Ещё не все его раны зажили, и выглядел он отвратительно. Горло ещё кровоточило, от левой половины лица мало что осталось. Вместо уха - обрубок, глаз - бесформенная каша, щеки - нет, нескольких зубов не хватает. Ллотра ещё шатало, но во взгляде его единственного пока глаза была решимость. И злость. Тэйю словно парализовало это ужасное изуродованное лицо. Она застыла на месте, совершенно забыв о том, что ей надо куда-то идти. Из оцепенения её вывел крик Ишчель:

- Беги!!!

Ллотр ринулся за девочкой, понимая, что добыча, за которой он гонялся почти шесть лет, сейчас может убежать. На бегу поднял с пола "куницу" и приготовился метать её.

Тэйя спохватилась, и бросилась из дома в сторону поля, за которым начинался густой лес, уходящий в горы, тянущиеся до самого снежного края.

Ллотр прицелился и бросил нож, метя в ноги.

Нож, сделав несколько оборотов, вошел в землю.

Ллотр промахнулся.

Но, задел.

Совсем маленькая царапина. Всего одна капля крови, которую моментально впитал в себя металл.

Тэйя даже не заметила этого. Она продолжала бежать не оборачиваясь. Потому, что уверяла себя, что если посмотрит назад, то Ллотр будет бежать за ней следом. Совсем рядом. И поймает её.

- Дрянь! Вот дрянь! Я никогда не промахивался!

Ллотр собрался было бежать за девочкой, и только он сделал пару шагов, как Ишчель одним резким движением пригвоздила его стопу к полу. Ножом, зажатым в руке. Ллотр скривился, яростно взглянул на

сестру и отвесил пощёчину такой силы, что голова её с хрустом дернулась в сторону. Он дёрнул нож, но тот поддался только со второго раза.

Нога болела. Восстанавливаться она будет дольше, чем раны от животного. Ллотр понимал, что погони уже быть не может.

Он яростно воткнул нож сестре в плечо и хромая, выбежал на улицу. Вернулся он через несколько секунд ещё более обозлённый. И с ножом в руке.

- Куда она побежала? - спросил он, прислонив остриё к основанию её шеи.

- Я не знаю. - Соврала Ишчель.

- Ответ неправильный. - Ллотр надавил на нож. Ишчель попыталась закричать, но вместо этого закашлялась и застонала. - Я повторяю вопрос. Куда она побежала?

- Я, правда, не знаю. - Ишчель хрипела, а изо рта текла кровь. Слова давались ей с трудом.

Ллотр достал из сумки ещё один нож и прибил её левую кисть к стене.

И он снова спросил, куда отправилась девочка. Ишчель снова сказала, что не знает. И он воткнул в неё ещё один свой нож.

И так продолжалось до тех пор, пока они у него не закончились.

* * *

Она жалела, что она всё ещё в сознании. Себя она представляла подушкой для иголок. С тем лишь условием, что эта подушка чувствует боль и понимает, что она сводит её с ума. О том, чтобы восстановиться, не было и речи. Эти ножи, как она поняла, блокируют все регенеративные возможности. Вынимать по одному, и сращивать ткани и органы. Только Ллотр распял её в сидячей позе, а руки её были прибиты к стене. Сам он сидел напротив и молча смотрел на неё. Его раны зажили, и теперь только белёсые уплотнения шрамов напоминали о том, что он сегодня пострадал. Но, сейчас, в его глазах было нечто вроде удовольствия.

Его удовольствие усилилось бы, если бы он знал, какие адовые муки сейчас терпела его Сестра.

Спустя несколько часов Ишчель начала терять сознание. Ллотр встал и влепил ей мощную пощёчину. Через час всё повторилось. Когда она отключилась в третий раз, он облил её холодной водой.

Ишчель мгновенно вынырнула из объятий сна, и жадно облизала пересохшие губы.

- Я могу продолжать так бесконечно. - сказал Ллотр безэмоционально.

- Я не знаю, куда она отправилась. Я просто велела ей бежать. Да и бежать ей некуда...

- Ты врешь! Ты что-то знаешь. Только не хочешь мне говорить.

- Я правда ничего не знаю.

- Дело твоё. Молчи дальше. Только вот когда мне надоест, я просто-на просто отрежу твою прелестную головку, и сам найду в ней то, что мне надо.

- Так нельзя...

- Можно. А ты думаешь, как я нашел этот милый домик? По справочнику? Тотль ничего не хотел мне говорить. Возиться с ним не было времени. Сражаться со старым и обессилевшим - смешно. Вот и пришлось ускорить процесс.

- Пожалуйста, отпусти меня. Или убей, в конце концов. - Ишчель плакала. - Хотя бы ради того, что между нами когда-то было.

- То, что было тогда, там и осталось. Знаешь, я в какой-то момент понял, что та девушка, готовая идти со мной на войну с Проклятым, исчезла. Вместо неё появилась та, которая бредит домом, детьми и прочей домашней чепухой. Кстати, отчасти твои желания осуществились. Поздравляю. У тебя было целых пять идиллических лет. Дом и приемная дочь. Девочка, которая снова от меня убежала! Которая сделала это уже второй раз! - Ллотра как будто прорвало, и он кричал. Он встал и сделал несколько нервных шагов по комнате. - А знаешь, что? Давай сделаем ребенка. Прямо сейчас.

- Нет, Ллотр, пожалуйста...

- Ты же хотела этого тогда? Ты мечтала об этом. Даже у Тотля получилось заделать ребенка смертной девке. Чем мы хуже?

- Нет, не надо...

- Не бойся. Я буду с тобой нежен. Как когда-то раньше.

Ллотр схватил её платье, и несколькими резкими движениями разорвал его, открыв взгляду красивое и пронизанное ножами тело. Он на секунду засмотрелся на неё, а затем начал стягивать с неё белые трусики, которые основательно пропитались кровью. Ишчель

практически не упиралась, только тихо стонала и плакала сквозь закрытые глаза.

Он вошел так резко, что у неё на секунду перехватило дух. Она почувствовала тепло его тела и горячее дыхание у самого уха.

- Как у тебя там всё сухо! Ты что, не рада меня видеть?

Он засмеялся собственной шутке и принялся целовать Ишчель сначала в шею, а затем в губы, жадно слизывая её кровь. Она только плотнее сжала губы и отвернулась в сторону. Ллотр схватил её за подбородок и снова развернул к себе лицом.

Она так и не поняла, как долго это продолжалось. Время превратилось в абстрактную константу. Единственной постоянной была боль. Теперь ещё и внизу живота. Ишчель была больше чем уверена, что Ллотр растер ей там всё до крови. В какой-то момент он зарычал, крепко сжав её грудь, и кончил. Она рискнула посмотреть на то, что вытекло из её чрева. Белое вперемешку с красным.

- Тебе было хорошо? - Спросил Ллотр. Ответа не последовало. - Тогда, может, ещё раз? Ты ведь говорила, что тебе меня всегда мало.

- Нет. Не надо... - почти прошептала Ишчель, всхлипывая. - Пожалуйста...

- Тихо, сестричка, не сопротивляйся. Я быстро...

Когда он закончил второй раз, багровые сумерки дня растаяли, и помещение начало быстро заполняться темнотой. Несколько минут Ишчель находилась в прострации, и рассеянно смотрела в стену. Голос брата был как-будто очень далеко и понять, что он ей говорил, она не смогла. Пришла в себя она от новой порции боли, когда Ллотр высоко задрал её ноги, и ввёл свой член ей в зад.

- Не туда, пожалуйста!

- Молчи, сука! Молчи, и возможно всё кончится быстро.

- Пожалуйста, убей меня. - Прошептала она. Не было сил ни плакать, ни стонать от боли.

- Сейчас я кончу, а потом ты скажешь мне, куда отправилась девочка. А если ты снова скажешь, что понятия не имеешь, клянусь, я возьму самый большой свой нож, и начну понемногу отрезать от тебя части тела.

Ишчель на мгновение показалось, что она уже в аду. А её брат - личный палач. С его фантазией и силой это могло продолжаться днями. Неделями. Годами. Он будет насиловать и резать её. Резать и

насиловать. Осталась единственная возможность прекратить всё это. Сыграть на его вспыльчивости. Если она спровоцирует его, возможно, он убьёт её быстро. Но, для этого нужно кое-что сделать.

Когда Ллотр в очередной раз полез целовать её, она ответила ему. Их языки плотно сплелись, и на вкус поцелуй отдавал медью.

Момент настал. Она резко дернула правую руку вниз, высвобождая её. Боли она уже практически не чувствовала Кисть разошлась, а Ишчель бросила остатки своих сил, чтобы срастить её. Минута. Вторая. Ещё не до конца зажило, но уже достаточно, чтобы держать оружие.

Она крепко взялась за рукоять.

- Я хочу чтобы ты кончил мне на лицо. - Сказала она, когда их губы разошлись.

- Я смотрю, тебе понравилось. - Сказал Ллотр и засмеялся. - Сейчас сделаю.

Он вынул член и направил ей прямо в лицо, помогая себе рукой. Он закрыл глаза.

Момент.

Ишчель резко ударила его ножом прямо в яички, и он кончил кровью. Он кричал. Он кричал и извергал проклятия, пытаясь вынуть нож из своего хозяйства.

Ишчель понимала, что это конец.

Ллотр схватил её за волосы и мироздание погасло. Дальше была только тьма.

* * *

Помимо того, что он чувствовал себя здесь крайне неуютно, найти то, что ему нужно на первый взгляд казалось маловероятным.

"Дар Проклятого", как выяснилось, давал единственно полезную, по мнению Ллотра, возможность. Копаться в чужой памяти. Это можно было проделать только в случае с мёртвым мозгом. И только при условии смерти от его рук. Это не было для Ллотра большой проблемой. Проблемой было то, что в мозгу Тотля было настолько много воспоминаний, знаний, мыслей и сведений, что стоило хоть на мгновение сосредоточится на чём-то одном, как всё содержимое с упоминанием о предмете моментально притягивалось, словно магнитом. И грозило как-минимум похоронить под собой Ллотра.

В этой огромной, светлой библиотеке со стеллажами, тянущимися бесконечно высоко, стоило не думать лишнего, чтобы просто не вызвать лавину бумаг.

Ллотр стоял прямо посреди этой залы, на цветной мозаике, изображавшей четверых почти одинаковых братьев и сестру, заключенных в круг. Все они держались за руки. Лоттр с отвращением сплюнул.

- Тэйя! - громко и отчетливо сказал он. Тотчас же к нему начали непрерывным потоком притягиваться бумаги. Здесь было так много всего, что на изучение уйдёт больше времени, чем он сможет находиться в памяти Тотля. Пока вся эта визуализация не начнет разваливаться на части.

Сведения о женщинах, которые должны были стать матерью девочки; безуспешные попытки оплодотворения; поиск племени, где Сила передавалась по женской линии; сведения о Кхаа, и о его беременной жене; в конце концов - события той ночи, когда родилась девочка. Всё - на высшем языке и мелким шрифтом, с подробными зарисовками важных моментов. Ллотр перелопатил всю пачку ещё раз, пытаясь разложить по хронологии. Заканчивалось она рождением Тэйи. Про то, где живёт сестра - ни слова.

Ллотр услышал треск со всех сторон, и подняв голову от кипы бумаг, обратил внимание, что стены начали покрываться трещинами. Из них лилась густая и вязкая, как дёготь, чернота. Если не успеть убраться отсюда, можно навсегда остаться в заточении погибающего мозга своего брата.

Ллотр торопливо сунул воспоминания о девочке за пазуху и крикнул:

- Дом Ишчель!

В этот раз ворох бумаг был меньше, однако, пока Ллотр судорожно перебирал листы, библиотека стала распадаться гораздо быстрее.

На бумаги, которые он держал в руках начала сыпаться крошка с потолка. Он механически смахнул её и продолжил жадно вникать в содержимое записей.

Рядом с ним, с оглушительным грохотом упал толстенный кусок потолка.

Мозг умирал.

Вот она - дорога к сестре! Пара листов, которые Ллотр так отчаянно жаждал. Он торопливо схватил их, закрыл глаза и исчез.

Через пару секунд рухнул стеллаж, разбрасывая и смешивая в кучу бумаги с воспоминаниями. Ещё через секунду всё рухнуло и мгновенно заполнилось черным.

Когда он попытался проникнуть в голову сестры, он опешил. Во первых, там была бронированная дверь. Ишчель удалось выстроить достаточно мощный барьер, дабы обезопасить себя от возможного вторжения в чертоги памяти.

Ллотр попытался открыть её, но замок не поддался. Он дёрнул сильнее - никакого эффекта. Тогда он вцепился пальцами в металл с такой силой, что тот начал деформироваться под ними. Рывок. Второй. Третий. Мышцы набухли и казалось вот-вот лопнут. Он стиснул зубы до скрипа.

Металл глухо заскрежетал. С оглушительным звоном сталь лопнула, и Ллотр буквально разорвал дверь надвое.

Войдя внутрь, он увидел совсем крохотный кабинет с деревянной обшивкой, в котором стояло кожаное кресло и небольшой шкаф со стеклянными колбами в подставках. Каждая колба была наполнена жидкостью определенного цвета и на каждой - бумага с подписью.

Только вот градация воспоминаний у сестры была своеобразная.

Колба с чёрного цвета субстанцией была подписана как "меланхолия". "Разочарование" - пепельного оттенка.

Была ещё "четвертая Эпоха" цвета красного золота, и множество других.

- Чёрт бы тебя побрал, сестричка! Будь у меня возможность, я бы убил тебя ещё раз...

Никаких намеков или инструкций по употреблению не было.

- Съешь меня, выпей меня...

Ллотр аккуратно, двумя пальцами взял розовую колбу с надписью "счастье". Ни вкуса, ни запаха жидкость не имела. Ноги его подкосились, и он едва успел сесть в кресло. В голове начали мелькать воспоминания об их совместной жизни, любовном периоде, затем уединение Ишчель и затем детство Тэйи. Воспоминания были словно дистиллят из самых приятных моментов. И ничего, кроме приторного до жути вкуса, они в себе не несли.

- Твою мать! Ты была создана богиней! Валькирией! А ты собирала все эти розовые сопли в стекляшки!? Гребаная сука!

Он взял бесцветную колбу с надписью "смерть" и несколько мгновений колебался. Выпил. Почти все воспоминания о предмете смерти занимал он сам. Смерть людей, братьев, а затем и её собственная были связаны с ним. Никаких воспоминаний о девочке.

- Куда ты его засунула?! - закричал Ллотр, и стены кабинета начали тлеть. - Куда ты отправила этого мутанта?! Ненавижу! Ненавижу тебя!

Ллотр в ярости смахнул колбы с воспоминаниями и те смешались в одну большую лужу.

- Твою мать!

Ллотр упал на колени и начал пить прямо из лужи. Голова тяжелела, и он чувствовал, что сейчас потеряет сознание. Но, хуже всего было то, что все воспоминания сплелись в один большой клубок. Он сделал ещё пару глотков, и не дожидаясь, пока это место не исчезнет вовсе, вернулся в реальность.

Первое, что он почувствовал - головная боль. И сонмы воспоминаний. Сестры, Тотля и его собственных сплелись в одно целое. Они наползали друг на друга и смешивались, пока мозг не смирился с ними, и боль не отступила. Он заснул. Он лежал рядом с мёртвой сестрой, крепко прижав её отрезанную голову к своей груди.

Глава 13

ГЛАВА 13

Она бежала до самого рассвета. И когда солнечный свет начал проступать сквозь кроны огромных деревьев, она остановилась. Всю дорогу она чувствовала, что погони нет, но продолжала бежать. Страх гнал её вперед, и только утром она, обессилев, упала на колени в грязный снег, вперемешку с прошлогодней листвой. Ни есть, ни пить совершенно не хотелось. Силы её восстанавливались, и когда совсем рассвело, она снова пустилась в бег.

Всю дорогу в её голове тревожно метались мысли о матери, и о страшном человеке, который делал ей больно. О том, который принес в их дом отрубленную голову человека, который приходился ей... Отцом?

Она не могла понять, откуда в её головке зародилось подобное заключение, но оно будто вывелось из осколков воспоминаний матери и Ллотра.

А ещё она плакала. Мама осталась дома. Тэйя надеялась, что если Ллотр приходил за ней, то маму он оставил в покое. И не сделал ей ничего плохого. Остальные варианты она просто боялась озвучивать самой себе. Слишком страшные картины подсовывало ей воображение.

Главное - бежать. Бежать, как можно дальше. Далеко-далеко на север. Туда, где всегда лежит снег и светит странный огонь в небе. Который спрячет девочку от страшного человека...

А мама?

Она обязательно найдёт Тэйю и придет к ней, где бы та ни находилась.

На закате четвертого дня, когда над лесом стал нависать гигантский гребень гор, Тэйя перешла на шаг. И только сейчас, когда она почувствовала, что больше не может продолжать передвижение в исходном темпе, она решила отдохнуть.

Сквозь усталость проступал холод. Тэйя чувствовала, что начинает замерзать. Даже такой "особенной" девочке как она, нужно было иногда кушать и высыпаться. Тем более с такими нагрузками.

Изо рта её вылетали облака пара; сырая подстилка кусала босые ноги; руки немели. Она шла и пыталась нащупать хоть какое-то живое существо поблизости. Хоть кого-то, кто мог согреть девочку. Недалеко сновали полевые мыши, которые ночью совершали вылазки за прошлогодними желудями. Проснулась сова и все мысли её были заняты поиском пары. Был ещё кто-то, до кого у девочки уже не хватало сил дотянуться.

И тут она вспомнила Бизона. Он ведь наверняка знал, что всё это произойдёт. Что "события", которые он предсказывал, будут иметь именно такой характер. И она думала о том, почему он не мог сказать ей всё как есть? Почему большой белый бизон не помог им спасти маму? Где он сейчас, когда он так нужен? Девочка знала, что сделает, если встретит его здесь. Сначала она расплачется и будет колотить его руками по глупым рогам, а потом обнимет и прижмёт к себе крепко-крепко. И пусть от него странно пахнет, и шерсть его грубая, она зароется в неё, как в одеяло и уснет. И будет спать, пока он не привезет её туда, куда ей надо.

Только бизона нигде не было. И даже "позвать" она его не могла.

Под старым скособоченным дубом она обнаружила нору. Скорее всего, здесь зимовала пара лис со взрослеющим выводком. Нора была устлана жухлыми листьями и вся в шерсти. Пахло здесь тоже не очень. Только маленькой девочке было всё равно. Уставшая и голодная, она едва пролезла туда. Темнота и тепло обволокли её, и только голодный желудок громко урчал, мешая уснуть. Сон всё-таки победил голод и девочка уснула.

Темнота, голод, сон, кровь, кровь, КРОВЬ!

Тэйя проснулась от собственного крика и торопливо зажала рот обеими руками. Ей снилось, что Ллотр встаёт; из ран на лице течет бурая со сгустками кровь; он ухмыляется и своим огромным ножом отрезает голову Ишчель. Потом время будто возвращается вспять, и всё начинается сначала. Он приходит, его ранит бурый медведь, он убивает маму. И снова - в самое начало. И каждый раз, перед тем, как войти, он спрашивает у Тэйи: Ты ведь будешь хорошей девочкой и пойдешь со мной? И девочка отвечает, - нет. И в какой-то момент, когда она уже приняла неотвратимость судьбы, и готова сказать "да", она понимает, что губы по своей собственной воле произносят совсем другое слово...

Снаружи две луны освещают всё серым светом, а в норе - темнота, в которой девочка отчетливо видит. Шорохи, шелест ветвей и кто-то неподалёку. Кто-то такой же маленький и голодный. Волчонок. Тэйя слегка прикоснулась к его разуму, и увидела, что тот полон отчаяния. Она сказала ему:

- Иди сюда! - Она ласково подманила его рукой - Тут тепло и мы можем согреться вместе.

Несколько минут он сопротивлялся, а затем Тэйя увидела, как он залезает в её убежище. Белый волчонок, тощий и испуганный, прижался к девочке и начал лизать её руки.

Тэйя захохотала от шершавого языка, и животное на секунду испугалось такой реакции.

- Не бойся, малыш. Иди сюда.

Она гладила его по голове, а он скулил, требуя еды.

- У меня нечего тебе дать. Прости. Ты ведь ещё слишком мал, чтобы охотиться, да?

Он продолжил скулить и начал предпринимать робкие попытки ткнуться носом ей в грудь.

- Эй, чего ты тычешься в меня? Может?... Может, тебя устроит это? Я больше ничего не могу, кроме как дать немного крови.

Она мысленно предложила волчонку слегка прокусить ей руку, чтобы он смог напиться. Тот очень аккуратно надавил большими зубами, и когда у девочки появились ранки на руке, волчонок начал жадно лизать кровь. Тэйя кормила его до тех пор, пока не почувствовала, что голова её начинает кружиться. Она сказала "хватит!", но волчонок не мог остановиться. Тогда она рукой оттолкнула перепачканную красным мордочку зверя.

Раны начали стремительно затягиваться, а волчонок продолжал лизать их, пока они не превратились в почти незаметные белые точки.

Тэйя чувствовала слабость. А голод усилился вдвойне. Длинным красным языком волчонок усердно слизывал кровь с мордочки. Девочка смотрела на него, и улыбалась. От слабости глаза её закрылись и она уснула. Волчонок лёг с ней рядом. Перед тем, как уснуть и греть маленького человеческого детеныша своим теплом, в его голове мелькнула мысль: "Друг". И пока солнце не разбудило их обоих, нити их судеб сплетались в один прочный узел.

* * *

Девчонка едва переставляла ноги. Руки её висели плетьми и были связаны за спиной, а в плечевых суставах торчали ножи. Раны кровоточили, и ножи не давали им затянуться и зажить. Остальные раны на теле уже затянулись, оставив на одежде прорехи и кровавые пятна. Ллотр вёл её с веревкой на шее, словно животное. Голова была опущена, и спутанные волосы, липкие от крови, закрывали лицо. Ллотра это невероятно бесило, но девчонка не плакала и не всхлипывала. Лишившись родных и направляясь сейчас на смерть, она не боялась. Он исходил злобой оттого, что не мог просто так убить её. Он обещал привести её целиком. А что там Проклятый собирается с ней сделать, это уже его не волновало.

- Знала бы ты, чего мне стоило убить всех остальных. Беленькие! Чистенькие! Такие добрые, что блевать охота. Двое братьев погибли первыми. Я отрезал им головы. Твой отец сбежал трахать дикарок, пока в конце концов не получилась ты, а эта сука сидела в своей уютной норе, до того момента, когда твоя кровоточащая дырка не привела меня к вам. Тотль приходил ко всем самкам, обладающим хоть частью силы. Даже он сам, наверное, сбился со счёту, скольких он осеменил. Племенной, блядь, жеребец! Он, наивный, думал, что я ни о чем не узнаю. А я знал! Я видел, ЧТО получалось в итоге! Мутанты! Уродцы! Младенцы с внутренностями тысячелетних стариков, с мозгами, сваренными в кашу от распиравшей их силы... Сестричке он рассказал, что дети вообще не рождались. Или зачатия не было. А она верила, что он не загубил сотни жизней. Что всё было добровольно. А когда я впервые почувствовал тебя и понял, что ты получилась такой же, как и мы, я нашел тебя, но не успел вынуть раньше времени. А братец, предал всех этих дикарей, и скинул тебя Сестрице на шею. А сам метался по планете, занимаясь тем, что распылял свою силу. Он, наверное думал, что его миссия на этом выполнена. Сунул-вынул и исчез. Оставив ребенка, которого он обрек на страдания. Оставив своей инфантильной сестре, которая не захотела делать из тебя убийцу. Ты думаешь, что это я убил всех, кто тебе близок? Нет, деточка! Это Тотль. Именно он всех погубил!

И вот ответь мне: ты бы рискнула жизнями неповинных людей, чтобы вырастить подходящее тебе существо только лишь для одной цели? Без согласия его самого, разумеется? Отбросив все догмы морали и благодетели?

- Да. - Еле слышно сказала Тэйя.

- Что ты сказала?

- Я сказала "Да". - Более медленно и отчетливо произнесла девушка. - и на его месте я поступила бы точно так же.

- Ах ты выродок! Грязная полукровка! - Ллотр дёрнул веревку так сильно, что она затрещала, а девушка упала на землю. Он кричал проклятья в её адрес и бил ногами без разбору. И только когда затрещали кости, он остановился. Он развернул её лицом к себе и увидел, что вместо лица у Тэйи кровавая масса. Дышала она с трудом. В единственном оставшемся глазу он чувствовал только одно желание. Говорить она не могла, но безостановочно повторяла в голове одну и ту же мысль:

- Я убью тебя! Я убью тебя! ЯУБЬЮТЕБЯ!

- Нет... - Прошептал Ллотр - не убьешь. Ты не сможешь! Не посмеешь! Никому это не под силу; ни человеку, ни богу! Я ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ ОДИН!

Какой-то частью сознания он понимал, что поступает не совсем правильно, но это будет так приятно... Эта мелкая сука бесила его одним фактом своего существования, а в придачу она ещё и совершенно его не боялась. И лучше будет убить её прямо сейчас, пока она не достигла пика своей силы. И пока у него есть удобная возможность.

Ллотр вынул из ножен «медведя», и тот одним движением отделил голову девочки от тела.

Он почувствовал, как жизнь и силы покидают её, растворяясь в Потоке. Приятное облегчение. Наконец-то он остался последним. Единственным выжившим, среди братьев, сестёр и некоторых их мелких последствий. И неважно уже, что там скажет Проклятый.

Игра окончена.

Ллотр победил.

Девчонка упиралась и то и дело намеревалась сбежать. Ллотру пришлось стреножить её, вонзив в икры по ножу, чтобы каждый шаг давался с трудом. Руки её висели плетьми и были связаны за спиной, а в плечевых суставах торчали рукояти. Раны кровоточили, а ножи не давали им затянуться и зажить. Остальные раны на теле уже затянулись, оставив на одежде прорехи и кровавые пятна. Голова её была опущена, а спутанные волосы, липкие от крови, закрывали лицо.

Ллотра это невероятно бесило, но девчонка не смолкала ни на секунду. Лишившись родных и направляясь сейчас на смерть, она рыдала во весь голос и умоляла пощадить её. Он исходил злобой оттого, что не мог просто так убить её. Он обещал привести её целиком. А хотелось бы прекратить её страдания уже сейчас. И не важно уже, что там скажет Проклятый.

- Ты своими воплями доведешь меня!

- Отпустите меня, пожалуйста...

- Заткнись! Закрой свой поганый рот, или клянусь Проклятым, я отрежу тебе язык!

- Я ведь ничего Вам не сделала, а Вы пришли и убили мою маму и...

- Маму?! Да она тебе такая же мать, как и мне! Мой беспутный братец бросил тебя ещё в младенчестве на воспитание своей сестре, а сам сбежал. А та, вместо того, чтобы сделать из тебя воина, вбивала в твою маленькую никчемную головку абсолютно бессмысленные знания. Которые не помогут тебе ни сбежать, ни дать мне отпор. А теперь прекрати скулить, и иди!

- Почему ты убил всех, кто мне дорог?

- Потому, что так надо! Так надо... И будь у меня возможность, я бы убил их ещё раз. Каждого. Велер, Цогуа, Тотль, Ишчель... Всех и каждого. Я мог бы делать это бесконечно...

Ты же знаешь, что Ишчель не твоя мать. А хочешь знать, как тебя сделали?

- Нет, прошу Вас...

- Я мог бы сказать, что тебя зачали; союз двух тел, любовь, и прочая херня. Но, нет. Тебя долго и упорно выводили, словно новую породу. Тотль приходил ко всем самкам, обладающим хоть крупицей силы, и ждал, что в результате селекции получится нечто совершенно новое. Не смотря на то, что у нас и у людей отличается ДНК, он продолжал свои опыты. И знаешь, что получалось? Мутанты! Уродцы! Существа, умиравшие в муках, не прожив и дня. Либо разрывающие своих матерей изнутри. И после всего этого он называл чудовищем Меня? Сестричке он вообще ничего не рассказывал, пока не появилась ты.

А поскольку твоя биологическая мать умерла при родах, он просто сбросил тебя на Ишчель. А сам занимался какой-то ересью,

пока не растерял всю свою силу.

Тэйя подняла голову, и Ллотр заметил, как выражение её лица с удивления переменилось на злобу. Слёзы всё ещё стояли в глазах, но говорила она более ровным голосом.

- Мама говорила, что когда-то ты был хорошим. Добрым. Нормальным...

- Нормальным? А что есть "норма", девочка? То, что порядок для паука - хаос для мухи. Она давным-давно перестала хотеть понимать меня. А ведь я продолжил делать то, чем занимался ранее. Я лечил людей, и лечил общество. Со временем только лекарство изменилось.

- И какое оно сейчас?

- Я! Я и есть лекарство! Я - пилюля для больного умирающего социума, зараженного самим собой...

- Ты сумасшедший. - Тихо прошептала Тэйя.

- Кто? Я? А что если это вы все вокруг сумасшедшие? Что если весь мир поразила чума безумия и только я остался нормальным...

- Нет. Ты - безумен. Безумен настолько, что сам не подозреваешь, насколько глубоки корни этого сумасшествия. И я бы не задумываясь, рискнула многими жизнями только для того, чтобы ты умер.

- Какие смелые слова, девочка. А хватит ли у тебя сил?

- Будь уверен, хватит. - Процедила Тэйя сквозь зубы.

- Ох, ну давай! Покажи мне свою ярость! Знаешь, я пожалуй даже дам тебе нож...

Ллотр подошел к Тэйе, и одним резким движением вынул ножи из плечей девочки. Затем из ног. Она стиснула зубы от резких вспышек боли. Раны плохо затягивались. Она попробовала пошевелить руками, но отзывались они очень медленно. Развязывать запястья Ллотр не стал.

Он усмехнулся и бросил к её ногам один из ножей. Сам он вынул из ножен "Куницу". Не дожидаясь, пока девочка что-либо предпримет, сделал ложный выпад метя в лицо. Тэйя ушла в сторону и назад. Ллотр сделал ещё выпад. Теперь прямой в живот. Она снова увернулась. Два рубящих в район шеи. Снова ушла.

"Девка ловкая, как дикая кошка. Пора бы начать её резать".

Ллотр начал двигаться быстрее. Он молниеносно обвил Тэйю в объятьях и полоснул ей сначала по щеке, а затем между лопаток. Два тонких надреза, которые начали кровоточить только несколько секунд

спустя. Он усмехаясь, наблюдал, как Тэйя скривилась от боли. И тут девочка упала на спину и дважды перекатилась в сторону. Быстрым движением она схватила нож, и вывернув руки, перерезала веревку, связывающую их. Встала наготове. Ллотр с нескрываемым ехидством наблюдал, как Тэйя держит нож обеими руками перед собой. Будто бы его это остановит.

Он бросился на неё, даже не целясь. Она хаотично размахивала ножом, пытаясь достать до него. Вся эта пляска была обречена для девочки с самого начала. Ллотр ещё пару минут увивался вокруг, надеясь, что Тэйя нанесет ему хоть один удар. Изматывать её было бы слишком долго.

Извиваясь вокруг, он начал резать девушку. Бедренная, подключичная и плечевая артерии, почечная, яремная вены и несколько сухожилий он перерезал за пару мгновений.

Тэйя сделала отчаянный выпад, надеясь достать Ллотра, но тот уклонился и девочка упала прямо на землю. Не проронив ни звука, из её глаз потекли слёзы. Кровь лилась из ран, окрашивая траву в багровый цвет. Силы утекали из её тела.

Ллотр ногой перевернул девочку на спину, и навис над ней, закрывая собой солнце.

- Ну, как? Понравилось? Может, ещё поиграем в ножики?

- Ты... Я ненавижу тебя...

- На здоровье. Только это тебя не спасет.

- Ну, так добей меня! Раз ты так этого хочешь! Давай!

Солнце ещё несколько мгновений проникало под закрытые веки, а потом угасло вовсе.

Всё кончилось.

Ллотр победил.

Она нависла над ним, как валькирия. Белоснежные волосы, тронутые солнцем, светились как нимб. Кровь, запекшаяся на лице, и яростная гримаса отмщения.

В руке - нож. На ноже - кровь. Его кровь.

Он никогда не думал, что в небытие его отправит девочка, не достигшая даже совершеннолетия.

Она ничего не говорила. Просто смотрела в его глаза, пытаясь вбить в его умирающий мозг всё своё отчаяние и злобу. Он пытался

дышать, но с каждым вздохом кровь все больше заливала его лёгкие. Горло разорвано и нет сил его восстановить. Нет сил...

Всё кончилось.

Он проиграл.

Он даже не понял, спал он или нет. Сознание его будто отключили, и в этот момент он переживал (переживал ли?) события, которые?..

Произошли.

Произойдут.

Происходят?

Голова болела нестерпимо.

Ллотр ещё секунду находился в прострации, пытаясь понять, что из этого произошло на самом деле. Только вот одна версия наслаивалась на другую, и разделить их невозможно. И понять, в какой из мыслимых реальностей это случилось тоже.

- "Всё это происходит единомоментно! И всё реально во всех мыслимых вероятностях!" - сказал голос в его голове.

- Вы! Это всё Ваши проделки! Я Вас ненавижу!

- " Это не важно! Игра уже близка к завершению в любом случае."

Ллотр обхватил голову обеими руками и начал бормотать нечто нечленораздельное. Затем он замолк, достал один из ножей и принялся разрезать свои руки. Когда из вен потекла кровь, он улыбнулся. Боль - хорошо. Боль немного глушит видения.

Раны медленно затягивались. Когда кровь прекратилась, Ллотр снова вскрыл вены. Когда раны зажили, он повторил процедуру.

И снова.

И ещё раз.

И ещё.

Голова всё так же нестерпимо болела, даже не смотря на раны, которые он наносил сам себе. Слишком много воспоминаний мелькало в его голове и становилось почти невозможно узнать нечто важное. Даже разобрать, какие воспоминания кому принадлежат, было тяжело. Дар Проклятого множил все воспоминания на бесчисленные альтернативные реальности, и в мозгах просто не хватало места.

Ллотр сполна ощутил на себе чувство юмора Вселенной. Он хотел знаний - вот они! Только даже ему тяжело справиться с ними.

Спустя пару часов боль начала отступать. Ллотр подозревал, что она обязательно вернется.

Девчонка! Это всё из-за неё! Она снова ускользнула у него из рук, и теперь очень долго будет отсиживаться где-то далеко. И, наверное, там, где снег лежит и не тает круглый год. Исходя из шуток Вселенной, конечно же.

За окном рассвело, и Ллотр вышел на улицу. Ночью выпал последний в этом году снег, и он замел все следы. Ллотр мог бы пуститься бегом и постараться нагнать девочку; только если он ошибется с направлением - вся погоня окажется бессмысленной. Он вдохнул полную грудь морозного воздуха и зашел обратно в дом.

Курсируя на кухню, Ллотр мимоходом взглянул на труп сестры, и лежавшую неподалёку голову Тотля.

- Доброе утро, братец! Доброе утро, сестрица! Сегодня чудное утро, и я испеку Вам оладушек с горкой воспоминаний и теоретических возможностей. То бишь с заправкой из собственных мозгов. Будете? Нет? Очень зря, получится вкусно.

Дом, казался совсем небольшим. Гостиная, кухня и ванная на первом этаже. Две мансардных спальни - если подняться по резной лестнице на второй этаж. Здесь было отопление и электричество. Как оно работало - Ллотр даже не хотел знать. Тепло, уютно, и даже родственники рядом. Всяко лучше, чем сидеть в сырой и прокопченной пещере.

В холодильнике он отыскал здоровенный кусок мороженого мяса, и отправил прямо в мойку. Пока мясо оттаивало, он вынес тушки мёртвых ворон за дом, а затем забрал тело Ишчель, перебросив его через плечо. Он решил отнести её в лес.

- Вот и всё, сестричка. Пришло время прощаться. Когда-то, возможно, я любил тебя. Когда-то, возможно, и ты любила меня. А может быть, это было всего лишь помутнение. Или этого не происходило вовсе! Теперь я уже вообще ни хера ни в чём не уверен! - Ллотр закричал так, что с ближайшего дерева с криками сорвались вороны. - А теперь ты станешь кормом для волков, ворон и червей. И твоё прекрасное идеальное тело сгниет, только головку я оставлю себе на память.

Повинуясь какому-то минутному порыву, он обнял холодное тело и заплакал. Затем, с отвращением бросил его под дерево и ушел не

оглядываясь.

* * *

Она с трудом открыла глаза. Вокруг было темно, тепло и пахло шерстью. Волчонок ещё дремал. Тэйя пыталась разглядеть его, и в полутьме он выглядел тощим, маленьким и беззащитным. Она начала гладить его по голове, и он открыл глаза. Зевнул, демонстрируя язык, резво вскочил на лапы и выполз из норы,

Солнце было достаточно высоко, и она поняла, что проспала почти до полудня. Хотелось есть и пить. И не только ей одной. Волчонок упорно шел рядом с ней, и Туум слышала обрывки его мыслей, преимущественно о еде.

По дороге они нашли родник и напились чистой и холодной воды. Голод немного притупился.

- Я буду называть тебя Хвостик. Потому, что ты ходишь за мной, как хвостик. А когда вырастешь - будешь просто "Хвост"!

Волчонок удивленно залаял и Тэйя засмеялась.

Хвостик то и дело отбегал в стороны, то гоняясь за белками, то просто повинуясь своим инстинктам, но большей частью возвращался ещё более голодный.

Тэйя, наблюдая за ним, понимала, что если не накормить его, то он снова будет просить её крови. А силы у неё тоже не были бесконечны.

- Послушай! - сказала девочка волчонку, и тот поднял на неё голову. - Сейчас я попробую подманить белку или зайца, а ты делай своё дело. Только быстро, хорошо? В ответ волчонок тявкнул. Она села коленками на снег, закрыла глаза и попыталась нащупать хоть какого-то мелкого зверька. Но, ни зайцы, ни белки не хотели идти к ней. Сил почти не осталось. Только две полевые мыши появились спустя несколько минут. И пока они, словно загипнотизированные, стояли перед девочкой, волчонок съел их целиком.

Тэйя слышала хруст костей, но глаза открыть побоялась. Не смогла. Когда ей в ладони уткнулся холодный мокрый нос, она инстинктивно взвизгнула. Открыв глаза, она увидела, что мордочка животного почти чистая. Только пара капель крови на сером подбородке.

- Я очень рада, что ты пообедал. Но, я так не могу...

К вечеру они дошли до начала горного хребта. Тэйя жутко устала и смогла подманить для волчонка только одну полёвку. Подходящий ночлег искать уже не было сил. Девочка разгребла снег под раскидистым низким орешником и легла прямо на землю. Хвостик уснул рядом с ней.

Это утро стало первым, когда Тэйя удалось поесть. Когда она проснулась, то обнаружила под собой горсть прошлогодних лесных орехов. Она увлеченно грызла скорлупу зубами и съела даже парочку горьких. Она кривилась, но выбора не было.

Волчонок скулил и боялся идти по крутым тропинкам. Он часто отставал, и ему приходилось догонять девочку. Тэйя же старалась держать один темп, насколько это вообще возможно.

Через четыре дня они спустились на край плато, где снег, казалось, вообще не таял с прошлой зимы. За всё это время ни девочка, ни волчонок ничего не ели. На исходе дня она снова накормила зверька своей кровью и уснула прямо на снегу.

Плато казалось бесконечным. Лишь изредка попадались одинокие чахлые деревья. Кроме них тут не было ничего. Тэйя не знала, сколько ещё времени ей нужно идти туда, где в небе горит огонь. И встретятся ли там вообще люди.

Когда на пятый день вечером пошел снег и задул ветер, предвещающий начало бури, девочка заплакала. Её словно прорвало. Хотелось обратно, к маме. Туда, где дом, тепло и еда. Но, она дала слово. Обратного пути уже не было. Только вот...

- Хвостик, ты здесь?

Тэйя слишком поздно поняла, что волчонок не бежит с ней рядом. Она обернулась и увидела его лежащим в снегу. В последние дни у него уже не хватало сил скулить, но девочка уверяла его, что осталось совсем немного. Совсем-совсем. Что они найдут дом, тепло и друзей.

Она бросилась к нему и приложила руку к голове. Сердце билось, но он был без сознания.

- Хвостик, вставай! Вставай, пожалуйста, нам надо идти.

Ветер и снег хлестали её по лицу. Она попыталась поднять его, но не смогла. Слишком тяжелым он был для неё. Да, и сама она была настолько слабой, что готова была вот-вот упасть. Но и бросить друга она тоже не могла. Она порвала своё платье, и обвязала волчонка у груди. Сделала две лямки и повесила себе на плечи. Из одежды на ней

осталась тоненькая майка. Нести Хвостика волоком силы у неё ещё были.

Она не сразу поняла, что видит перед собой. Только когда она подошла совсем близко, то увидела, что это хижина. Сложена из ребер огромных животных и обтянута кожей. Через верх шел дым. Тэйя бросилась к волчонку.

- Хвостик, мы пришли! Мы нашли людей. Сейчас нас накормят и мы... Хвостик!

Он не дышал и сердце его не билось. Она даже не знала, сколько времени она тащила мёртвое тело за собой. Слёзы катились по её лицу, и она не знала, что дальше делать. Она уткнулась в шерстку животного и её начало трясти от холода и отчаяния.

- Хвостик, вставай, пожалуйста. Мы уже пришли... Хвостик, не умирай, прошу тебя. Хвостик...

Холод и снег шептали ей: "Засыпай! Мы согреем тебя!" Она отчаянно боролась с этим голосом, но понимала, что сил больше нет. Мама осталась далеко, папу убил Ллотр, а такой же брошенный и голодный детеныш, который шел с ней до самого конца, умер. Наверное, её путешествие заканчивалось здесь. Где ветер и снег поют ей прощальную колыбельную песню. И она замёрзнет, так и не увидев тот самый изумрудный огонь, ради которого она пришла сюда.

Она засыпала...

Она будто...

Плыла.

Парила над снегом.

А потом только темнота...

Проснулась она от того, что вся взмокла. Она резко села и вскрикнула.

- Тише, не кричи. Всё в порядке. - Говоривший был крупным мужчиной, с густой бородой, едва тронутой белым, и глазами разного цвета. Первое, что подумала девочка: "Один глаз как у меня, другой как у мамы".

- Кто вы? - спросила Тэйя.

- Меня зовут Орха. Я - охочусь за китами. И живу здесь. - Он улыбнулся. - А как тебя зовут?

- Меня зовут Тэйя. Мама говорила... - Она осеклась. - Говорит, что это значит "буря". А где Хвостик?

- Это твой волчонок, да?

- Да.

- Он не выжил, к сожалению. Когда я нашел Вас, он уже умер. Тебе вообще повезло, что я вышел тебе навстречу.

- А вы знали, что я приду?

- Больше того. Я ждал тебя.

* * *

Четыре месяца он не выходил из дома и не открывал окна. Запах разложения нисколько его не смущал. Головы родственников всё это время лежали на кухонном столе и облезли почти до кости. Ллотр страдал головной болью, галлюцинациями, и ложными воспоминаниями.

В одно прекрасное утро, когда приступ длился несколько часов, он решился на крайние меры. До последнего он надеялся, что до этого не дойдёт. Роясь в чулане под лестницей, он нашел ручную пилу по металлу с мелкими зубцами.

В ванной он ножницами остриг волосы и обрился наголо. А затем начал аккуратно надпиливать кожу и череп. Кровь медленно стекала на лицо; он смахивал её руками и упорно продолжал начатое. В тишине дома раздавался скрип металла по кости и сосредоточенное громкое дыхание Ллотра. Боли он почти не чувствовал. Всё это продолжалось около часа. На белую кафельную плитку легла крышка черепной коробки. Ллотр любовался работой, глядя на себя и на оголённый мозг в зеркало.

"Память - очень сложная и очень избирательная штука. Механизм запоминания весьма сложен и неоднозначен. Некоторые события, в зависимости от их яркости запоминаются гораздо чётче, чем другие. Некоторые и вовсе остаются в подкорке. И вероятность того, что они всплывут крайне мала. Чаще всего это связано с яркими негативными эмоциями. Есть ещё отдельный подвид - комбинированные. То есть сложенные из воспоминаний одного или нескольких индивидуумов, выдаваемые субъектом за собственные..." В его голове всплыло воспоминание о собственной лекции. Это было настолько давно, что Ллотр и сам сомневался, было ли это на самом деле.

- А скажите, Профессор, может ли быть такое, что в голове возникают такие воспоминания, которых человек не переживал на

самом деле? - Спросил Ллотр у своего отражения в зеркале. И сам себе отвечал:

- Науке известно несколько случаев, когда у пациента были галлюцинации, воспринимаемые за реально происходившие события.

- Нет, профессор, я спрашиваю не о галлюцинациях; я спрашиваю о реально происходивших вещах.

- Для мозга зачастую нет такого понятия как "реально" или "нереально".

- Хорошо, профессор. Другой вопрос. А где эти воспоминания хранятся?

- Не совсем корректный вопрос. Нету такого участка мозга, который отвечает непосредственно за воспоминания. Они расположены по всей ткани.

- А как тогда насильно забыть некоторые события? Или, например, обезопасить свой мозг, если в него постоянно лезет то, чего не происходило? Причем, с увеличивающимся постоянством.

- То, что Вы, уважаемый, рассказываете, очень маловероятно, на мой взгляд. И тем не менее, нет настолько проверенного способа, чтобы просто-на просто избавить человека от некоторых нежелательных воспоминаний. Есть множество случаев долгосрочной и краткосрочной потери памяти, но, это большей частью связано с механическими повреждениями, на самом деле.

- Вот именно об этом я и спрашивал, профессор. Именно это мне и нужно было. Большое спасибо.

- Не за что. И, тем не менее, я очень рад, что смог Вам помочь.

Ллотр достал из сумки "шершня" и медленно ввёл в мозг. Сознание начало мутиться, а комната - плыть перед глазами. Трясущимися руками он взял "дикую кошку", и ввел с другой стороны. Ноги его подкосились и ему пришлось схватиться за край раковины, чтобы не упасть. Он всё же не выдержал и рухнул на колени. Трясущейся рукой он взял лежащую крышку черепа и приложил на место.

Кожа, а затем и кости, повинуясь приказу, начали срастаться. Только в паре мест, где торчали рукояти, остались прорези.

Большая часть функций восстановилась ближе к ночи. До этого времени Ллотр просто лежал в ванной комнате на холодном кафельном полу.

В эту ночь в его голове был только белый шум, прерываемый редкими вспышками цветных картинок. В следующую - не было ни снов, ни видений, ни даже воспоминаний. Дар Проклятого отступил. Только вместе с облегчением у него начались проблемы с руками. Левая рука и вовсе отказывалась его слушаться. Правая постоянно тряслась.

Ллотр решил, что это не слишком большая плата за шутки с памятью. К тому же, он сможет вернуть всё как было в любой момент. Стоит только вынуть ножи из головы.

На третью ночь к нему пришел Проклятый. Вернее, только его голос. Его было плохо слышно, словно слабый радиосигнал, едва пробивающийся сквозь помехи. Он повторял одну и ту же фразу, которую Ллотр разобрал только с четвертой или пятой попытки. "Твой нож попробовал её крови; спроси его, и он укажет направление к ней!"

Ллотр проснулся, спрыгнул с кровати и торопливо достал "куницу". Он положил нож на пол и несколько секунд размышлял над тем, как заставить нож искать девочку. А потом сказал ему: "Туум..."

Несколько секунд ничего не происходило, и когда Ллотр думал повторять процедуру, нож дёрнулся в сторону. Сначала он медленно сделал круг по часовой стрелке; затем - пол-оборота в обратную сторону. А потом закрутился словно заведенный.

- Твою мать! - закричал Ллотр и схватив нож, вонзил его в пол. - Будь ты проклята! Я ненавижу тебя! Даю тебе слово, деточка, что наша следующая встреча станет последней для тебя. В третий раз ты не убежишь от меня!

Ллотр так и остался сидеть на полу, глядя на нож. Когда взошло солнце и начало разгонять тени в комнате, Ллотр снова попробовал трюк с ножом. Нож с тихим жужжанием снова закрутился вокруг своей оси.

- Я подожду. - Сказал Ллотр. - Когда-нибудь он должен остановиться.

Глава 14

ГЛАВА 14.

Девочка спала, укутавшись в шкуру морского кота, пахнущую шерстью и потом. Здесь, в хижине трещали поленья, и убаюкивающей песней пела метель.

Орха глядел на тревожный сон Тэйи, и понимал, что она вымотана до предела. Будто в ответ на его мысли, Тэйя застонала и тельце её содрогнулось в судороге. Бедняга. Девочка потеряла родителей, дом, друга. Одним богам известно, что за кошмарные видения сейчас ей снятся. Он ждал её. Ждал долгих пять лет. Он знал, что однажды течение приведет её в эту хижину, сложенную из китовьих ребер, но не представлял, что будет предшествовать этому событию. Какие события будут гнать её на самый край этого мира.

Она рассказала ему про своё детство. Про то, как мама помогала ей постичь окружающий мир. Про то, как в их дом пришел сумасшедший человек. Про то, как она бежала сюда. Иногда она останавливала свой рассказ и начинала плакать, закрывая лицо руками. Орха в эти моменты неловко обнимал её, и гладил белоснежные волосы. Девочка успокаивалась и говорила дальше. И так до момента, когда не настал черед Орхи говорить о том, что он почувствовал, как Тэйя, обессиленная падает в снег и засыпает. Пока он рассказывал свою часть истории, девочка жадно ела китовое мясо. Пачкаясь жиром, и утираясь рукой, она внимала его части истории. И когда Орха закончил, а она расправилась с трапезой, она заснула.

Где-то глубоко внутри он понимал, что эта необычная гостья - дар Праматери. Дар, но и проклятие одновременно. Орха не стал говорить девочке, что имя её на языке их племени означает "последний ветер - ветер, за которым идет смерть". И за ним она тоже вскоре придет. Но, когда-то давно он готов был отдать всё за то, чтобы старуха с косой не забирала его жену и нерожденное дитя. Лихорадка забрала двоих его самых близких людей. И вот сейчас незримые силы привели к нему маленькую девочку. Она может стать ему той дочерью, которой у него никогда не было. Дар и проклятие.

У девочки своя судьба, и однажды, когда она станет готова, она уйдёт, чтобы встретится со своим предначертанием. Ей никогда не стать охотницей за китами. Ему - никогда не стать для неё отцом. Род Орхи закончится на нём. Но, перед тем, как он превратится в воспоминание потомков, он может стать девочке наставником. Может научить её убивать. Орудовать ножом и гарпуном, как когда-то это знание перешло к нему от отца. А ему - от его отца. Всё, что имеет начало, имеет и конец. И его род не вечен....

Девочка спала, укрывшись шкурой морского кота, и Орха думал о том, что это первая, возможно, спокойная ночь после того, как она сбежала от смерти. Сколько дней назад это было? Судя по тому, что она рассказала, никак не меньше трех недель. Три недели безостановочного гона по лесу и заснеженному плато? Без еды, воды, да ещё и в таком возрасте? Такое под силу только тем, кого называют первыми детьми. Девочка сильна, только сила её ещё не пробудилась до конца. Невероятно то, что она практически безошибочно пришла в правильном направлении. Впрочем, если девочка тесно связана с камнем-сердцем, то не удивительно, что её, возможно, неосознанно тянуло сюда. В этот вечер камень вёл себя неспокойно. Когда Орха вошел домой, из трещины разливалось тусклое оранжевое мерцание. Орха схватил его и почувствовал слабое покалывание в пальцах. А так же нарастающую тревогу, опасение и тихий, женский будто бы голос. И, казалось, что он пел грустную и вместе с тем тревожную песню. Пять лет он не подавал признаков жизни, и Орха с течением времени решил, что камень с трещиной станет разве что украшением его жилища. К сожалению, или к радости, камень ожил. И когда сияние пару часов спустя стало красным, Орха вышел в метель, и камень-сердце как компас привёл его к девочке.

Он даже не сразу понял, что перед ним живые существа. Девчушка, обнимавшая тощего щенка была почти полностью укрыта снежным саваном. Он поднял её аккуратно, будто боясь поломать, и прижал к себе. Орха даже не чувствовал веса девочки. Сейчас следовало как можно быстрее отнести её в тепло и укутать поплотнее. У Тэйи ещё были шансы выжить. А вот у волчонка уже нет. Одного взгляда хватало, чтобы понять, что он отправился к своим предкам. Он преданно, до последнего сопровождал девочку, которая и сама была

похожа на белого волчонка. Маленькая волчица. Орха, укрывая девочку от хлеставшего снега и ветра, нес её к себе...

Он извлек камень из-за пазухи и оглядел его. Орха думал, что когда они рядом с девочкой, тот должен как-то себя проявлять. Но, тот, видимо, выполнив свою миссию, уснул. А вот трещины больше не было. Остался только глубокий след, залитый янтарем. Словно от невероятного жара, края трещины стали мягкими как воск. Они сплавились, оставив грубый и неровный рубец.

Орха решил спрятать камень, пока Девочка сама не решит, что с ним делать.

Все эти месяцы Тэйя плакала. Каждое утро, не зависимо от того, спала она, или рассматривала ночное небо, девочка выбегала на улицу, вглядываясь вдаль. Орха даже не спрашивал, что она пытается там увидеть. Он знал, кого девочка ждала. Она ждала, что мама придет к ней. И каждый день, пока не заходило низкое солнце (если оно вообще заходило) Тэйя проводила в ожидании. И день за днём она возвращалась со слезами на глазах. Так продолжалось до той поры, пока долгий день не сменила долгая ночь.

Когда на улице стало уже совсем темно, Тэйя вошла в хижину и присела к костру. Она упорно отказывалась кутаться в меховые шкуры, как настаивал Орха, а продолжала носить простое платье. Это, наверное, было единственной вещью, которую она попросила за всё это время. Орха взял его в посёлке, в качестве платы за китовое мясо. Платье было немного великовато, и было грубого серого цвета. Тэйя довольствовалась и этим, поскольку Орха так и не смог понять, понравилось оно ей или нет. Она как-то безучастно сказала "спасибо", и он решил больше не поднимать этот разговор.

Вот и сейчас она сидела у огня, поджав под себя колени и обхватив их руками. В глазах - слёзы.

- Ты всё ещё ждёшь маму? - Орха отложил в сторону промасленное охотничье снаряжение, и подсел напротив девочки. Она только вздохнула, не отрывая взгляд от горящих головешек. - Я думаю, если бы она смогла, она бы уже пришла к тебе. - "Сомнительное начало утешительной речи" подумал Орха. С другой стороны - его некому было утешить, когда болезнь унесла его беременную жену.

- Может, мама всё ещё там. С тем злым человеком. - Тэйя утирала слёзы, вновь скопившиеся в уголках глаз.

- Жить надеждой хорошо, маленькая волчица. Я и сам надеялся, что мои девочки выживут. - Тэйя удивленно подняла глаза на Орху. Он подумал, что впервые смог чем то по-настоящему заинтересовать девочку.

- А что с ними случилось?

- Когда-то давно, когда я жил в поселении вместе со всеми, я прочно связал свою жизнь с одной девой. Мы объединили наши сердца и души. И ждали рождения дочери. - Орха сделал паузу, краем глаза заметив, что девочка вся подобралась, и внимательно слушает его. - Но, не дождавшись трёх лун до родов, она слегла с лихорадкой. Я лечил её и ухаживал за ней. С каждым днём жизнь её угасала, но я надеялся, что однажды утром ей станет лучше, и она пойдёт на поправку... И в одно утро я взглянул на неё, и понял, что она больше не проснётся. Её страдания закончились, и начались мои. Я поселился подальше от остальных, и единственным моим смыслом осталась охота на китов.

- Ты плакал? - Спросила Тэйя сама готовая разреветься.

- Да. Хоть в это и непросто поверить. Я оплакивал мою Крии, даже после того, как крайнее море поглотило её тело. - Орха тяжело вздохнул. - Так что я прекрасно понимаю твою отчаянную надежду. Без этого никак нельзя в этом мире. Мне хочется верить, что однажды твоя мать появится здесь. Но, пойми: нужно жить настоящим.

- Я не хочу так! - Вскричала Тэйя - Я хочу спокойно жить с мамой!

- Неужели, я плохо о тебе забочусь, или делаю тебе больно?

- Нет, но... - Девочку смутил вопрос. Она не нашлась даже, что ему ответить.

- Я обещаю тебе, что пока не придет твоя мама, я буду делать всё, чтобы ты чувствовала себя как дома.

- А ты не бросишь меня? - Тэйя утирала слёзы.

- Нет. Обещаю, что ни за что не брошу тебя.

Она внезапно вскочила с места, и перепрыгнув через огонь, бросилась в объятья Орхи. От неожиданности он упал на спину, а девочка крепко обняла его за шею и зарылась лицом в его колючую густую бороду.

- Не бросай меня, пожалуйста... - Прошептала она.

В день высокого зимнего солнца Орха впервые взял её в поселение. Поселение, с разнобойными и хаотично росшими хижинами, встретило девочку праздничной суетой. В суматохе лишь изредка кто-то обращал внимание на странную девочку в серых меховых одеждах. Орха настоял, чтобы она оделась "как все", и Тэйя так и сделала. Только теплые чувяки она так и не надела. Орха не заметил этого. Или сделал вид, что не заметил.

- А почему мы пришли сюда именно сегодня? - Полюбопытствовала Тэйя стараясь разглядеть как можно больше необычных и странных чужаков.

- Сегодня хороший день для торговли. - Ответил Орха. - Просто называешь свою цену, или предлагаешь свой товар на обмен. Если кто не захочет такую сделку - считать тебя будут жадным, и больше торговать с тобой не будут.

Последние слова Тэйя едва расслышала. Они утонули в шуме музыки, которую играли несколько музыкантов в странных масках животных. Да и сами инструменты выглядели достаточно необычно.

- А это честно - Предлагать свою цену?

- Ну, мы здесь знаем цену вещам. - Ответил Орха. - Поэтому просто немного снижаем её. Чтобы, в свою очередь, никого не обидеть.

- А что ты хотел сегодня купить? - Тэйя всё с большим непристойным интересом разглядывала окружающих. Кто-то предлагал товар, разложенный на куске холщовой ткани, кто просто громко зазывал, и грозился брать заказы.

- Немного ягод, орехов, и ещё забрать кое-какой заказ. - Орха упорно вёл её через человеческий лабиринт в строго выбранном направлении.

- Какой заказ?

- Скоро увидишь сама.

В центре гомон становился ещё гуще, и все последующие вопросы Тэйя решила задать позже.

Не смотря на мороз, день выдался солнечным, и даже мелкий снег шел незаметной белой крошкой. Сколько она не силилась, так и не смогла подсчитать, сколько человек здесь собралось. Примерно полторы сотни взрослых, и четыре дюжины детей разного возраста. Казалось, природа, по образу полярного сияния наградила здешних людей всевозможными оттенками волос и ярким цветом глаз. А ещё

много у кого в большом количестве присутствовали костяные кольца и шипы, вставленные в губы, носы и щёки. Вэлль заметила, что такие украшения носят чаще мужчины, чем женщины.

- Орха! Орха, а почему костяшки в лице носят только мужчины? - Она дёрнула его за рукав, чтобы привлечь внимание, но всё-равно ей пришлось почти кричать.

- Это охотники. Они делают себе украшения из костей убитых зверей.

- А зачем?

- Чтобы дух зверя постоянно был с ними.

Тэйя закрыла глаза и попыталась дотянуться до кости, торчавшей сквозь переносицу у внушительного вида мужчины. Он был лыс, бородат и большая часть лица его была изуродована шрамами. Даже на кости имелись зарубки. Тэя аккуратно прикоснулась к украшению, и почувствовала, что кость отзывается. Принадлежала она маралу, и часть его духа навсегда осталась в заточении. Владельцу украшения она передала недюжинное здоровье.

Девочка тряхнула головой и сказала:

- Вон у того, - Она легонько кивнула головой. - Кость лося. И мужчина здоровее обычного. Только колени ноют, когда погода меняется.

- Как ты узнала? - Спросил Орха, замерев на месте.

- Я просто дотянулась до его головы, и...

- Послушай, Волчонок, - Орха присел на одно колено так, чтобы их глаза оказались на одном уровне. - Я знаю, что ты необычная девочка, а вот остальные - не знают. И они могут испугаться, если ты станешь говорить им такие вещи. Поэтому, впредь будь осмотрительнее, и старайся не напугать их, хорошо?

- А вот с мамой у меня таких проблем не было. - Девочка готова была обидеться.

- Мама - особенная. А они - простые люди. Давай договоримся так: если я скажу тебе "можно", то можешь вести себя как тебе угодно. И задавать любые вопросы. Хорошо?

- Хорошо. - Сказала Тэйя. - Но, ты можешь просто подумать об этом. Я обязательно пойму.

Орха рассмеялся и обнял девочку.

- Прости, как я сам не догадался. - Сказал он.

- А у тебя есть кости? То есть украшения?

- А разве ты сама не можешь узнать это?

- Мне не хочется лезть к тебе в голову, чтобы узнать. - всем своим видом Тэйя выдавала смущение. Орха руками завел волосы назад, и девочка увидела, что в мочках ушей торчат два пожелтевших от времени зуба. - Это зубы кита?

- Не совсем, - ответил он. - У китов нет зубов. Вернее, не у всех есть. Это зубы косатки.

- А разве косатка - не кит?

- Их называют зубатыми китами. Но, они всё-таки немного другие. Как... - он на секунду задумался. - Как ты и я, например. А теперь пойдём.

Девочка, следуя совету Орхи, натянула капюшон на голову, а сама постаралась сделаться для всех незаметной, как однажды учила её мама.

Когда они шли обратно, Тэйю так и подмывало залезть к Орхе в голову и выяснить, отчего он так хитро улыбался, забрав неприметного вида сверток. Но, когда на её вопрос он сказал, что это сюрприз, она решила потерпеть. Даже не смотря на то, что её съедало любопытство. Чтобы как-то отвлечься, она достала из-за пазухи выданный ей мешочек с сушеными ягодами. Орха сказал, что они очень полезны для такого молодого и растущего организма, как у неё. Восприняв это буквально, она настолько увлеклась процессом поглощения снеговой ягоды, что кожаный кошель с ними стремительно худел, а сама она не заметила, как Орха остановился. Она подняла свои чёрные глаза из-под капюшона и взгляд её уперся в старуху. Лицо её было сплошь покрыто морщинами и татуировками, и выглядело недружелюбно. Только глаза её были добрые. Тэйя улыбнулась.

- Здравствуй, Буря. - Произнесла старуха достаточно сухим, но приятным голосом.

- Здравствуйте. - Поприветствовала её девочка.

- Орха, ты никак дочку себе завёл? - этот вопрос адресовался уже охотнику. Старуха перевела на него взгляд своих зеленых с крапинами глаз.

- Моё почтение тебе, Риа. Она пришла десять лун назад. Убежала от смерти.

- От смерти не убежать. - Прошамкала старуха - Это про неё ты рассказывал?

- Да.

- Славная девочка. Смышленая, бесстрашная. - Риа снова перевела взгляд на Тэйю. - Орха хорошо к тебе относится?

- Да, бабушка.

Старуха внезапно зашлась заливистым и хриплым смехом. Тэйя спряталась за Орху, совершенно не понимая, чем она так насмешила Риа.

- Я же говорила, что бесстрашная. - Произнесла она, утирая слёзы из глаз. - Бабушкой меня не побоялась назвать... Знаешь, что, девочка? Если Орха отпустит, приходи иногда ко мне. У меня девочка почти твоего возраста. Будет вам, о чём поговорить.

- Спасибо... - Она замялась, как теперь обращаться к старухе. - Риа. А где вы живёте?

- А вот я и хочу посмотреть, на что ты способна. Сама найдёшь. Прощай, Орха. Прощай, Ветер.

Тэйя озадаченно проводила Риа взглядом. Она так и не поняла, чем она рассмешила Старуху, и почему та считала, что девочка сама найдёт дорогу к её дому. Она подняла глаза на Орху.

- Все боятся называть её старой. - Сказал он, отвечая на её вопросительный взгляд.

- А сколько ей лет?

- Я не знаю. Я помню её старухой, ещё когда сам был в твоём возрасте.

- А моей маме было... - Тэйя пыталась вспомнить число, которое однажды назвала ей Ишчель. - Сорок тысяч лет! Но, выглядела она совсем-совсем молодой.

Девочка крайне обрадовалась, что вспомнила такой факт, но встретила озадаченный взгляд Орхи.

- Я говорю правду! Ты мне не веришь?

- Я верю тебе, маленькая волчица.

Орха поднял её над головой, усадил на плечи, и они направились в место, которое Тэйя теперь уже могла называть словом "дом".

По её глазам он понял, что терпение её на исходе. Он прищурил один глаз и спросил:

- Почему же ты не заглянешь в мою голову, и не узнаешь, что я тебе приготовил?

- Так не получится сюрприза! - Смутилась Тэйя.

- Очень хорошо, девочка моя. А теперь подсядь ко мне.

Тэйя резво села рядом и постаралась заглянуть Орхе через руку. Он достал из-за пазухи свёрток и вложил ей в руки. Она тихонько ойкнула, когда ощутила вес внезапного подарка. Развязав кожаный шнурок, развернула кожу. Внутри лежали парные ножи длиной с её локоть. Светлый металл лезвия дополняло чернение самого полотна. Рукояти, выполненные из кости приятно отдавали теплом. Смущение, восторг и испуг.

- Я думаю, они станут тебе хорошими учителями. - Сказал Орха, разглядев палитру эмоций на лице девочки. - Маленькой волчице придется научиться обращаться с клыками, если она хочет отдать долг плохому человеку.

Тэйя едва сдерживала слёзы. Кинжалы пробудили совсем ещё свежие воспоминания и страхи о Ллотре. Но оружие в руках придавало ей смелости. Теперь, когда она встретит его в следующий раз, она даст ему достойный отпор.

- Спасибо, Орха. Я обещаю научиться. - Сказала она.

- Это хорошо, маленькая волчица. Через одну весну, когда тебе исполниться семь зим, мы начнем учиться. А пока спрячь их куда-нибудь. Они пока немного великоваты для тебя.

* * *

- Давай быстрей, мальчики! Скоро стемнеет, и я не хочу здесь себе всё отморозить!

Говорившая лукавила. Она не могла замерзнуть. Просто, создавая такую видимость, она становилась более человечной для них. Почти такой же. Сидя на вороной кобыле и укутавшись в шерстяное одеяло, она бесстрастно взирала на них сверху. Покорные. Они называли её Леди Арра. Война. И все те смертные, которые поколениями говорили будто у войны не женское лицо, просто не видели её лица. Прекрасная и обворожительная. Только великолепие проявлялось в тот миг, когда один смертный убивал другого с её именем на устах. С того самого момента, когда первый человек взял в руки камень, чтобы умертвить другого. Когда много позже стрела или пуля пробивала плоть живой мишени. Всё ради неё. Лишь горстка братьев знала её истинное имя.

Лилит, Афина, Хелла - всё это были лишь тени её имени. Менялись времена и человечества. Она оставалась вечно молодой и вечно голодной. Тсагга.

Её дом сейчас был в самом сердце черного континента, как называли его смертные. Десперра. Город-оазис в чреве пустыни. Тсагга пришла сюда несколько лет назад и следом за ней невидимым призраком потянулась война. Она ещё не началась, но уже витала в воздухе. Ещё несколько лет спокойствия - и начнется кровавая жатва. И в это самое затишье Проклятый посетил её дом. Угольная кожа, алые переплетения вен и артерий, глаза цвета палой листвы. Он пришел на закате, жадно взял её, и перед тем, как раствориться в ночных сумерках, наказал ждать его знак в небе.

- Скажите мне, что это будет? - Спросила она, всё ещё ощущая истому, и жар в чреслах.

- Наше сердце. - Ответил он. - Чёрное и холодное. Забери его себе и воспользуйся им. Или отдай достойному.

- Но, как его использовать?

- Ответ есть у одного из твоих братьев.

- Но, у кого именно? - недоуменно спросила она. Проклятый улыбнулся напоследок.

- Мы пришлем его к тебе...

Она спала, когда впервые почувствовала это. Через её тело словно прошел разряд электричества. И тихий-тихий голос в голове шептал, что она обязана найти упавшую звезду. Она вышла на балкон нагая, и ночной пустынный воздух холодил её черную кожу. Красная черта пересекала небосклон и стремительно приближалась к земле. Пора выдвигаться. Если она поспешит, к утру они будут там.

Меньше чем до рассвета они приехали туда на добрых конях. Воронка была хорошо видна, но ветер и песок грозились зарыть её до конца дня. Два десятка крепких мужчин, раздетых по пояс, широкими деревянными лопатами откапывали упавший метеорит. За день они углубились на четыре метра.

"Где же этот треклятый кусок камня?" - подумалось ей. "Насколько глубоко он зарылся в песок?"

Она понимала, что поиски могут затянуться на несколько дней и ночей. Ей не хотелось изнурять людей, но и терпением создатели её не наделили. Когда солнце почти уже скрылось, из ямы донесся голос:

- Что-то твердое, леди Арра! - Один из молодых. Гарр. Если он и вправду нашел сердце, то сегодня она впустит его в своё ложе.

- Копайте глубже! - Голос её оставался строгим, но внутри она ликовала.

Гарр откинул лопату, и, упав на колени, начал откидывать песок голыми руками. Когда он прикоснулся голой рукой к камню, его словно обожгло холодом. Он вскрикнул и выругался.

- Надевайте рукавицы! - крикнула Тсагга. - Не то все руки обожжёте. А они мне ещё пригодятся.

Первый и самый большой кусок был размером с человеческую голову. Когда Гарр извлек его из песка, он бережно отряхнул его и покрутил в лучах угасающего солнца. Металл не просто не отражал свет, а будто бы сам поедал его. Тсагга услышала тихий шепот Гарра: "Это прекрасно..." Остальная дюжина кусков - не больше кулака. Чёрный метеорит был чрезвычайно лёгким и очень крепким. Тсагга удивилась, как при своих размерах он не сгорел в плотных слоях атмосферы. Впрочем, если Проклятый явится ещё раз, она обязательно задаст ему этот вопрос.

Мужчины аккуратно, словно нечто хрупкое, вытаскивали звезду часть за частью. Передавали из рук в руки и упаковали их в плотную кожаную суму. Суму приторочили к седлу Тсагги. Она не удержалась и запустила туда руку. Нащупала металл и ощутила его силу, его волю. Её он не обжигал. Он ласкал и грел её руку. Она была довольна, хоть и не до конца понимала, что делать с этой находкой дальше. Если Проклятый сказал правду (а она могла сейчас убедиться в правоте одного из его предсказаний), то скоро заявится один из её братьев. Только вот кто? Дроах? Кромм? Тахеш? Шаалак? Вот уже полтора цикла от них не было никаких вестей. Впрочем, позже.

Сейчас Тсаггу занимала мысль о том, что молодой и крепкий человек сегодня возляжет с ней, и она до рассвета вытянет из него все силы. Их кони поравнялись, и он улыбался, глядя на свою госпожу. Она улыбалась ему в ответ. Между ног у неё разливалось приятное тепло.

* * *

Жизнь в Деспере - огромном городе за каменными стенами била ключом. Как будто и не было здесь ужасного мора. Разве что совсем недавно всё было совершенно по-другому. Чума, горы трупов, костры,

чадящие в небо сизым дымом, мухи и падальщики. Чумные доктора в жутких масках и больные черной смертью, умирающие в агонии. Падающая звезда привела его сюда. Её яркая головня словно указывала путь.

Он прибыл на Чёрный континент задолго до этого события, оставив дом и Ишчель в Старом Свете. Он, словно одержимый, рвался туда, где бушевала невиданная доселе болезнь, выкашивающая города и страны. По прибытию он был поражен и зачарован инфекцией. Спустя десятки бессонных ночей, он нашел лекарство. Когда удалось локализовать очаг болезни в одной стране, он отправлялся в другую. Затем - ещё в одну. И везде - зараза, расползающаяся в жарком климате, как огонь в сухом лесу.

Только здесь было не так. Эпидемия закончилась. А в воздухе было нечто эфемерное. Агрессия, страх, жадность - всё смешивалось в коктейль, предвещающий ещё более страшную пандемию. Войну. И Присутствие. Странное колющее ощущение в подкорке. Насколько он знал, никого из братьев здесь нет. На всякий случай, он окликнул их. Велер шатался по старому свету. Тотль - по Новому. Цогуа вообще был вне досягаемости его зова. И всё-таки...

Ллотр остался разобраться с этим вопросом. Остановиться и выдохнуть хотя бы на время. Пока люди по какой-то неведомой причине не начнут убивать друг друга.

На третий день пребывания здесь он развел камин в своей комнате. Уголь жарко полыхал, и длинные тени плясали на стенах. И когда он нащупал существо такое же древнее и такое же сильное, как и он сам, оно отозвалось:

- Ну, здравствуй, сладкий белый братик. Приходи ко мне завтра утром в "дом мечей" и мы славно поговорим...

Голос принадлежал женщине.

* * *

Они все невероятно его бесили. Напыщенные, дерзкие и смертные. Капитан этой лохани едва согласился взять его с собой. Старый, нечесаный старикан, проживший, видимо большую часть жизни на море, чем на суше и оттого тронувшийся головой. Он долго смотрел на незнакомца, щурясь своими водянистыми глазами, и Шаалак чувствовал, как тяжело в его голове перекатываются мысли и варианты развития событий. В конце концов, он плюнул себе под ноги

коричневой от табака слюной, и сказал: Хорошо. Но, Шаалак чувствовал, что капитан не признает его за полноценного человека.

Даже матросы - и те ненавидели его. Они выделили ему гамак в трюме и деревянное ведро для нечистот. Кормёжка в сумму проезда не входила, хоть он и заплатил им парой золотых монет со стершимися от времени оборотами. Шаалак терпел такое обращение только потому, что в ближайшие несколько месяцев никто, кроме "мёртвой рыбы" не шел на черный континент. То ли капитан Вальд решил что-то перевезти, то ли наоборот. Шаалак понял только то, что чёрной смерти этот седой старик не боится. Или просто не представляет себе, что это такое.

- Капитану видать, водорослей в голову набилось, глянь какого страшного с собой взял...

- И не жрёт толком ничего, странный какой-то...

- Может, беглый невольник, гляди, как размалёван...

Шаалак слышал всё, что говорили, шептали или думали о нём матросы. Они ненавидели и боялись его одновременно. Лысый, мускулистый, с янтарными глазами и с татуировкой почти во всё тело, он мог быть уверен, что команда будет держаться от него на расстоянии. Страх будет довлеть над всеми чувствами, и они вряд-ли осмелятся предпринять что-то против него. Да и вряд-ли смогут серьезно ему навредить. Только вот у Шаалака были весьма конкретные мысли по поводу того, что ОН сделает с ними...

В конце второй недели, когда утихли штормы, и на горизонте замаячил берег, матросы подняли парус и убрали вёсла.

Они шли до самого заката, и на ночь встали на якорь всего в нескольких лигах от берега. Шаалак не спал. Он чувствовал, что немногочисленная команда собирается расходиться по каютам на отдых. Он вышел на палубу и вдохнул ночной ветер. На берегу ярко горело пламя огромного маяка, приглашая в тихую бухту. Где-то далеко, в пустынном городе - его сестра. Он вёз ей подарок. Прощальный дар перед тем, как съесть и поглотить её навсегда.

Сейчас он вспомнил о пауках, которые приносят своим самкам подарок, туго упакованный в паутину и листья. И пока самка разворачивает подарок - у самца есть время оплодотворить её. И, возможно, убежать, минуя, тем самым, гибели. "Я тоже принесу тебе

подарочек. И пока ты будешь рассматривать его, я сам съем тебя, сестричка! Только я не паук. Я - Змей!"

Проклятый отправил его к сестре на помощь. Они снова говорили своими загадками: "Бери свиток - отправляйся к сестре, у неё кое-что есть для тебя."

У него, между прочим, тоже есть кое-что для них всех.

Матрос, оставшийся на носу, пил нечто из обмотанной бечевой бутылки, и отвратительно распевал похабные песни. Хриплый голос мешался с криками чаек в черном ночном воздухе. Глаза его смотрели на берег и остальной мир для него сейчас не существовал вовсе. Рот Шаалака наполнился слюной. Он снял с себя просторные белые штаны и бросил их на палубу. Сцепил руки в замок над головой и дернулся. Громко хрустнули суставы. Он расслабился и закрыл глаза. Тело его вытянулось, и спустя несколько мгновений на досках, клубясь и изворачиваясь, оказалась огромный змей. Он, словно тень бросился на матроса, скрутил его, выбив воздух из лёгких, и тот захрипел. Шаалак сжал кольца ещё сильнее и человек затих. Змей проглотил его в секунды. Затем он бросился в каюту капитана, застав его громко храпящим прямо в одежде. Старое мясо было жестким и костлявым. Но, оно заслуживало такой участи. Тот, кому когда-то преклонялись, недостоин того, чтобы самому преклоняться перед кем-то. Особенно, перед старым смертным, считавшим его человеком второго сорта.

Шаалак обернулся человеком и сбил качающийся на крюке керосиновый фонарь, который Вельд забыл потушить. В животе была приятная сытая тяжесть. Он не торопясь вышел на палубу, подобрал штаны, металлический тубус и скользнул в воду. Из каюты начал валить дым - смоленное дерево хорошо занялось. Старая "дохлая рыба", которую некогда гордо именовали кораблем, пылала.

Когда он выбрался на берег, он снова принял человеческий вид. Он оглянулся на море и увидел догорающий остов корабля. Кто-нибудь из этих людей, возможно и спасся. Он бы с удовольствием съел и остальной экипаж, но времени на это не было. Пускай. Ему нужно дальше. К сестре.

Чернильное небо рассекла красная нить метеорита. Шаалак, всё ускоряя ход, направился туда, куда падала звезда.

Он достиг Десперры спустя четыре дня. После влажных и буйных джунглей, пустынные пески казались ему проклятием. Только

сестрица, наверное, должна быть настолько безумна, чтобы осесть здесь. Впрочем, её дело война, а не климат. Он просто шел делать своё дело.

- Дом мечей! - Он хмыкнул сломанным носом, когда Сестра открыла ему двери.

Заспанная, с волосами, заплетенными в десяток косиц, и полупрозрачной мужской рубахе, из которой то и дело норовят выскочить груди.

- По крайней мере, я не живу в сырой яме с позвоночниками вместо тростника на полу.

- Выбирай выражения! Мне поклоняются как Богу! - Шаалак прищурил один глаз.

- Мне тоже поклоняются. - Тсагга пожала плечами.

- Тебе, или твоей щёлке?

Сестра громко и достаточно сильно ударила его ладонью по лицу. Шаалак усмехнулся, облизываясь.

- Проходи, будь как дома. - Процедила она прищурившись. - И поменьше высовывай свой язык изо рта.

Тсагга босиком прошлепала в гостиную. Шаалак проследовал за ней. Дом мечей, помимо его скепсиса, и вправду был увешан оружием. Мечи разных эпох, копья, топоры, ножи и глефы развешаны на стенах. А ещё доспехи и огнестрельное оружие. Не смотря на дикость сочетания, вместе всё смотрелось достаточно органично. Из внутреннего убранства - печь, стол со стульями, да ковры на полу, вперемешку со шкурами животных.

- Долго собирала? - Брат указал головой на стены.

- С самого начала. - Ответила она.

- И зачем?

- Мне нравится убивать железом и огнём! Металл делает ровные раны, а пуля - круглые. - Сказала Тсагга.

- Махать железками - удел смертных. Ты должна убивать собственными руками, если ты и вправду хочешь быть богиней войны. Твои руки это и есть самое совершенное оружие.

- Прости братец, но нет. Есть вещи гораздо сильнее, чем пальцы или зубы.

- И что же это? Это то, ради чего я пришел сюда?

Тсагга только было открыла рот, но неслышно ступая, в комнату вошел Гарр. Он на мгновение застыл, обнаружив, что к хозяйке пришел гость. Тот был в разы шире, и брит наголо. И глаза его были странного медового цвета. А лицо - как у госпожи. Одно на двоих.

- Ты возлежишь с ним? - Спросил Шаалак с презрением в голосе. Тсагга шикнула на юношу, и тот удалился, поспешно хлопнув дверью.

- Ты не имеешь права судить меня.

- Ты размякла, сестрица. Ты ведешь себя совсем как ОНИ!

- Зато я не веду себя как дикое животное! Я не ем себе подобных!

- Я, значит, для тебя теперь животное, Тсагга? - Он горько усмехнулся и подошел к стене, на которой были развешены "железки". - Ты боишься меня, сестра. А ведь я очень надеялся на тебя. Я думал, мы будем вместе теперь... - Рука его скользила по клинкам, пальцы выбирали острую и тяжелую сталь. Он снял тяжелый двуручный меч и взвесил его в своей мощной ручище. - Ты назвала меня животным. А ведь животные во многом лучше нас. Не обманывают, не предают...

Шаалак развернулся лицом к сестре и увидел, что она направила на него ствол огромной бронебойной винтовки. Брови её сдвинуты, левая рука намертво вжалась в цевьё.

- Предупреждаю... - Угроза его утонула в оглушительном звуке выстрела.

Его припечатало к стене, отчего та окрасилась красным, а с подставок со звоном полетело холодное оружие. В груди Шаалака зияла внушительная дыра, ребра раздроблены, пара позвонков отсутствуют. Его повело вбок, но не упал. Тсагга всё ещё выжидала подвоха, но руки предательски дрожали. Брат опустил голову, будто бы пытаясь рассмотреть, насколько велика получилась дыра. А затем он резко дернулся вперед, сделав косой рубящий выпад вверх. Он упал растянувшись на полу, а Тсагга неистово завопила. Но предшествовал этому грохот упавшего перерубленного ствола и отсеченной левой руки сестры. Она бросила остатки винтовки и схватила окровавленный обрубок. Тсагга осела на пол и просто держала его, вопя во всё горло.

Шаалак неуклюже встал, и с маской отвращения на лице, снес сестре голову.

Рана в груди почти затянулась, когда в дом вбежал тот самый юнец, изрядно запыхавшийся. Он застыл в дверном проёме, глядя на учиненный разгром и свою госпожу, потерявшую голову в драке.

Шаалак только лишь взглянул на него, и тот моментально выскочил обратно.

- Беги, маленький человек. Твоя госпожа уже мертва. Сейчас я славно полакомлюсь ею... - пробурчал он себе под нос.

Когда она открыла глаза, их словно затянуло красной пеленой. Когда зрение немного прояснилось (причем видел только правый глаз), Тсагга увидела довольное лицо своего брата. Она скосила здоровый глаз, и увидела, что ниже горла у неё ничего нет.

Она попыталась открыть рот, но слова не шли. И кричать она тоже не могла. В таком состоянии она не протянет долго. Пару часов максимум. Потом мозг умрет.

- Видишь, как занятно получилось? - Будто растягивая слова и наслаждаясь ими, спросил Шаалак. - Тебя убили твои же железки. И ты ещё надеялась тягаться со мной? Глупая, слабая сестра. Стрелять надо было в голову... - Сказал Шаалак. - А теперь посмотри в мои глаза. Это последнее, что ты узришь перед тем, как я оттрапезничаю твоей головкой.

"Безумие! Так не должно быть! Брат не может убить меня! Я нужна Проклятому! ПОМОГИТЕ МНЕ!" - метались мысли в её агонизирующем мозгу.

Шаалак проглотил её. Проглотил и облизнулся. Когда желудочный сок разъест её череп и доберется до мозга, остальные братья почувствуют это. Пускай. Пусть приходят, дабы разобраться, что произошло. И если они окажутся такими же слабыми, как и беспутная сестра, он и их съест.

Он обшарил дом и нашел метеорит в её спальне. Шаалак достал осколок из сумки и пристально разглядывал его в утреннем свете. Осколок не блестел на солнце и будто бы втягивал его лучи внутрь себя. Туда, где был вечный холод и непроглядная тьма. И чем дольше Шаалак смотрел на него, тем глубже его затягивало внутрь, и голоса в голове шептали всё громче. Они что-то говорили ему, но он не мог разобрать ни слова в этом бормотании. Неизвестно, сколько бы он ещё пялился в кусок камня, но в дом кто-то вошел.

Шаалак спустился по лестнице и замер словно кот, увидевший чужака на своей территории. На него с такой же оторопью взирал бессмертный брат. Только белый. Молочная кожа, белые глаза, бесцветные волосы.

- День добрый. А где хозяйка? - Только и успел спросить Ллотр перед тем, как Шаалак, отбросив сумку в сторону, набросился на него.

Они сцепились и Шаалак, повалив вошедшего, безостановочно молотил его руками. Ллотр оторопело закрыл руками голову, а потом просто толкнул черного. Тот, выровнявшись, бросился к окровавленному мечу и с криками начал нападать.

Он рассекал воздух, напрасно пытаясь достать его. Белый братец был невероятно проворен, и гибок как ласка. Он уходил в стороны и извивался под самыми невероятными углами. И всегда за секунду до того, как кромка меча прикоснется к его плоти. Шаалак бил очень быстро, но противник, казалось, двигался быстрее времени.

Он неуклюже цеплял клинком деревянную мебель, и та разлеталась щепками. Он сбивал куски каменных стен и те осыпались песчанниковой крошкой. А вот врага он не зацепил ни разу. В какой-то момент, Ллотр, перекатившись в сторону, подхватил с пола нож длиной с локоть и начал быстрыми и точными движениями колоть черного брата. Нож входил в тело, раз за разом оставляя глубокие раны, которые тем не менее, быстро затягивались. Один не мог достать другого, второй не мог убить первого.

В какой-то момент этой пляски, Шаалак шумно выдохнул:

- Хватит! - Он опустил свой меч и выставил перед собой ладонь. Ллотр недоуменно застыл на месте, впрочем, не опуская нож. - Достаточно! А ты недурно дерешься ножом, врачеватель. - Шаалак прищурился, будто что-то задумал. - Опусти нож.

- Почему же? Я не уверен, что через секунду ты не набросишься на меня снова.

- Не наброшусь! - Сказал он и засмеялся. - У меня есть к тебе предложение...

Когда они покинули дом мечей, каждый отправился своим путем. Ллотр с изрядно увеличившимся багажом отправился на север, в сторону портов, откуда корабли шли до Старого Света. Сумка с камнями и тубус с письменами Проклятого теперь всецело занимали его разум.

Шаалак отплыл обратно на запад. Он думал о том, насколько правильно поступил, отдав белому брату сердце Проклятого. Когда рука белого брата прикоснулась к камню, что-то в нём изменилось. Словно частичка черного бога проникла к Ллотру в голову. Он

дернулся, но руки не отнял. Теперь осталось только ждать. Пройдёт время, и Проклятый шаг за шагом завладеет его разумом. Ллотр сильный и достойный таких подарков. Скоро он собственными руками расправится со своими братьями. А когда из дороги сойдутся снова, их останется всего лишь двое.

Глава 15

ГЛАВА 15

- Левой рукой работай! Не открывайся! Теперь бей!

На свежий снег брызнула горячая кровь. Уже не первая за сегодня. Крики Орхи перемежались лишь шумным дыханием Тэйи и звоном металла о металл. Девочка училась бою на ножах. В руках у неё были не заточённые клинки. У Орхи - клыки.

Когда Тэйе исполнилось семь, он, как и обещал, начал учить её фехтованию. В первый год - деревянными ножиками. Во второй - стальными, но не заточенными. Следующие пять лет превратились для неё в нескончаемую полосу шрамов и увечий.

Орха тренировал её каждый день. С утра и до полудня. Если в эти дни он не уходил далеко в море на охоту. Тогда Тэйя ходила к Аю, и наблюдала, как та занимается с травами. За эти годы Орхе удалось стать для неё жестоким, но в то же время, хорошим наставником. Он нещадно бил и резал её, если она заслуживала того в бою. Помимо фехтования он хлестал её длинной цепью, развивая ловкость и скорость. И если Тэйя была невнимательной или недостаточно проворной - пощады не было. Но, и похвалу девочка слышала не реже, чем получала очередной шрам.

Для неё Орха разделился на две амбивалентные личности. Одна личность - добрый и заботливый человек, ставший для неё отцом, которого у неё никогда не было. Другая - жесткий и бескомпромиссный наставник, не знающий жалости в тренировках. И если одного Орху она любила и обожала, то другого - люто ненавидела всем сердцем. Впрочем, она ненавидела ещё и себя, когда оказывалась невнимательной или чересчур медлительной в схватке.

- От своего врага пощады не жди!

Орха кружил вокруг неё, и старался развернуть её так, чтобы низкое солнце светило ей прямо в лицо. И когда она прищурилась, он сделал рубящий выпад снизу вверх и выбил у Тэйи нож из правой руки. Она попыталась достать его левой, но он ушел вбок и сделал подсечку ногой. Тэйя рухнула спиной в снег и он навалился на неё,

прижав её руки своими ногами. Приставил холодное острое лезвие к шее.

- Ты мертва. - Фатально произнес Орха и встал с неё. - На сегодня всё.

Тэйя молча встала и отряхнулась от снега. Её переполняла ненависть. Она несколько секунд жевала губу и пыталась подобрать слова, вихрем метавшиеся в голове.

- Мне ведь только тринадцать лет! - она готова была расплакаться.

- Мне было ровно столько же, когда я убил первого своего кита. - невозмутимо ответил Орха, хмурясь.

- Мне иногда кажется, что тебе это доставляет удовольствие. - Сказала она с вызовом.

- Ничуть, маленькая волчица. Я просто хочу, чтобы ты вышла победителем из боя. - Произнес он ровным тоном.

- Может, я его и так одолею. - Она обиженно свела руки на груди в замок.

- А может, и нет. Может, он только того и ждёт, что ты в порыве ярости явишься к нему и облегчишь его работу. Ты даже ни разу не одолела в бою меня. А даже я не выстою против того человека.

- Ты дрался нечестно! Ты ослепил меня!

- Враги вообще не самые честные люди. Они могут и в спину ударить. Просто признайся, что ты была недостаточно ловкой.

- Я была ловкой! И быстрой! - Закричала Тэйя.

- Ну, ладно. - Холодным тоном сказал Орха. - Тогда принеси мне полярного кота.

- Хорошо! - Вскрикнула она. - Без проблем. Дай мне...

- Нет-нет-нет, маленькая волчица. Без ножей. И не смей подчинять его волю. - Орха увидел, как округлились ее глаза, и приоткрылся рот. - Можешь не взрослого. Поймай его и свяжи его веревками. Принеси мне его живого, и тогда я возьму тебя с собой на охоту.

- И больше не будешь лупить меня цепью! - Тэйя решила увеличить ставку.

- Хорошо. Не буду. Но, только живого и невредимого.

Они вернулись в хижину и Орха выдал девочке несколько метров плотной веревки. Тэйя не стала заходить внутрь, а просто ждала на улице, всё так же сцепив руки на груди. Когда он вышел - молча выхватила веревку, и бегом отправилась вдоль побережья туда, где в

нескольких лигах от поселка, на низких скалах пробивались чахлые сосны, снежные секвойи и мамонтовые деревья, вперемешку с колючими кустарниками. Они называли это Редким Лесом.

Орха смотрел ей вслед, пока она совсем не скрылась из виду.

- Столько же, сколько и тебе сейчас. Только отцу моему это стоило жизни. - Сказал он куда-то в пустоту.

Поймать полярного кота! Легко! Полярный кот может, и быстрее, но не умнее её. Орха завтра утром собирался уходить на охоту, но она успеет принести его еще до заката солнца.

В месте, где Стылая Река разрезала Редкий Лес, ледяные торосы наползали прямо на скальные пласты. Огромные острые куски серого с прожилками сланца торчали, словно обломки костей доисторических монстров. Редкие клочки земли ютили на себе растительность. Скальный берег облюбовали чайки. Коты изредка охотились на них. Но, вероятнее всего их можно встретить в глубине леса, гораздо дальше от берега.

Тэйя, стараясь как можно аккуратнее и как можно тише, кралась по камням, высматривая серые тени. Дикие коты были внушительных размеров, но при этом передвигались бесшумно и, порой смертельно быстро. Серая с чёрным шкура, когти как крюки и длинные клыки, чуть выдающиеся изо рта. Однажды Тэйя с Орхой наблюдали, как Полярный кот загнал небольшого шерстяного зверя с двумя рогами на носу. Кот был свиреп и раз за разом набрасывался на на животное, пока оно, обессилев, не упало от многих кровоточащих ран. Затем он, рыча, принялся трапезничать. Воспоминание заставило девочку вздрогнуть.

Тем не менее, она закрыла глаза и сосредоточилась, для храбрости сжав бухту веревки покрепче. Она попыталась почувствовать, есть ли поблизости Полярные коты. Просто дотянуться до сознания Орха не запрещал. Она ощутила семейство тощих мышей, которые недавно вышли из спячки и боязливо ждали темноты, чтобы выйти на промысел. Был огромный лось, бивший копытом рыхлый лед в поисках лишайников. А ещё сычуги, глухари и лисы.

Котов поблизости не было. Тэйя решила выманить зверя из леса. Она подманила к себе крикливую чайку и, извиняясь перед ней, сломала ей крыло. Она услышала, как глухо треснула кость под кожей и перьями. Тэйя отнесла птицу на каменную площадку перед

краснолистыми мамонтовыми деревьями и отпустила её сознание. Птица начала отчаянно кричать о боли, и крики её разносились на лиги вглубь леса. Она хлопала здоровым крылом, безуспешно пытаясь взлететь. Она клюнула палец девочки и из ранки проступила капелька крови.

- Глупая птица! - Сказала Тэйя, обсасывая палец. - Сейчас придет большой кот и слопает тебя!

Птица закричала в ответ и снова попыталась достать её руку.

- Так тебе и надо! - Тэйя развернулась, и бегло удалилась в своё убежище.

Она ждала. Ждала долго и мяла в руках связанную заранее петлю. Крики чайки оглашали серую пустошь до самых сумерек. Иногда птица затыкалась, но потом возобновляла голосить вновь. Тэйе уже хотелось свернуть дурацкой чайке шею, когда она заметила стремительную тень, стелющуюся по камням.

Кот! Не взрослый, но уже и не маленький. Он приблизился к птице на расстояние пары прыжков и замер, внимательно обнюхивая воздух. На секунду глянул в сторону девочки, и Тэйя ощутила на себе проникающий взгляд двух светящихся плошек. Ей хотелось спрятаться, но она осталась неподвижной, чтобы не выдать себя. Когда, казалось, кот заинтересовался ей как добычей, он резко отвернулся, в два прыжка достиг чайку и перекусил ей шею. Назойливые крики стихли. Кот сцепил мощные челюсти на шее, высоко задирал голову, и потащил добычу куда-то вглубь леса.

Пора!

Разматывая веревку и раскручивая на ходу петлю, Тэйя стремительно бросилась в сторону хищника. Она едва сдерживала себя, дабы не завопить от охотничьего азарта. Кот заметил её, бросил безжизненную тушку птицы и угрожающе зашипел, обнажив полную пасть зубов. Тэйю это не остановило. Она, не сбавляя хода, сокращала расстояние между ними. Кот с воплями бросился ей навстречу. Когда их разделяло меньше фута, Тэйя высоко подпрыгнула, и пролетая над ошеломленным хищником, набросила петлю ему на шею. Она приземлилась на камень и почувствовала, как натянулась веревка.

- Попался!

Девочка победно вскричала, отчего кот взбесился ещё сильнее. Он считал, что ни петля на шее, ни мелкий двуногий хищник не смогут

его остановить. Он дернулся в сторону, захрипел, мотая головой и снова бросился на Тэйю. Тэйя ушла в сторону, и попыталась набросить веревку на лапы. Кот, каким-то чудом выскользнул из очередной петли.

Всё повторилось. На этот раз веревка всё-таки обхватила заднюю лапу. Но тут кот достал её. Он набросился, метя в лицо, и Тэйя закрыла голову руками. Кот в секунды исполосовал их рваными ранами. Рукава платья разорвались и окрасились в красный.

Веревка размоталась и упала на землю. Тэйя ударила зверя ногой и тот откатился, зловеще рыча. Она сосредоточилась, пытаясь заживить раны, но получалось плохо. Они кровили и болели. Кот яростно тряс лапой, пытаясь сбросить с неё петлю. Ничего не выходило. Он мотал головой, но тщетно. Он начал заходить по кругу, и Тэйя в такт его шагам уходила в другую сторону, не спуская с него взгляд.

"Не моргай! Смотри ему прямо в глаза и ни в коем случае не уводи взгляд. Как только ты дашь слабину, он нападет"

Голос Орхи, всплыл из подсознания.

"А может, я и хочу, чтобы он напал. Может, мне того и надо?" Ответила сама себе Тэйя.

Она дернулась вперед, хватая конец веревки, и тут же перекатилась вбок, краем глаза заметив серую тень, мелькнувшую в нескольких дюймах от неё. Она, стоя на коленях, бросила всю бухту зверю прямо в морду. Кот, не ожидавший такого, начал яростно кусать веревку зубами и рвать её передними лапами, отчего запутался и свалился набок.

Тэйя подскочила и ударила его кулаком по голове. Кот, вопреки её планам, не лишился сознания, и ударил задними лапами прямо в живот. Тэйю скрутило от резкой боли и она зажала живот левой рукой. Правой она ещё раз ударила животное. На этот раз гораздо сильнее. Кот обмяк и затих.

Она проверила его дыхание. Живой. Не дожидаясь, пока он очнется, она быстро и насколько удалось, крепко связала его.

Живот и руки всё ещё ныли. Раны глубокие и затягиваются очень плохо. Но Орха теперь признает, что она сильная и ловкая, раз скрутила такого зверя. Она отдышалась, взвалила связанную тушу себе на плечи и отправилась домой.

Когда она достигла хижины из шкур и китовьих костей, было уже совсем темно. Очаг едва тлел, но внутри было тепло. Последнюю лигу зверь очнулся и безуспешно ворочался и рычал у Тэйи на закорках. Она внесла, бросила его на пол, и сказала:

- Вот тебе кот, Орха! Теперь ты... - И только в этот момент она заметила, что внутри никого нет. - Орха?

Она обошла хижину кругом, но, ни Орхи, ни его лодки не нашла. Тэйя подбросила несколько крупных поленьев в костер и принялась ждать. Когда взошло солнце, его всё ещё не было. И когда оно снова зашло - тоже.

Кота она посадила на цепь, приладив один её конец ко вмёрзшему колу, куда Орха привязывал лодку. Когда она в очередной раз вышла его покормить, кот ещё шипел на неё, но уже не бросался, норовясь выцарапать ей глаза.

На исходе третьего дня, она вышла на берег и до боли в глазах вглядывалась в крайнее море, холодного черного цвета. Она пыталась нащупать сознание Орхи настолько, насколько позволяли её силы. Лига. Две лиги! ТРИ ЛИГИ! Она почувствовала, что у нее носом идет кровь. Но Орхи не было.

Она не спала до самого рассвета. И только тогда заметила небольшое темное пятно на воде.

- Орха! - Она отчаянно закричала, с разбегу прыгая в холодную вода. Вода обожгла её тело, но она со всех сил начала грести к нему. Неумело, глотая соленую воду, фыркая как нерпа, но она гребла! Оставляя за собой мутные барашки, бултыхая ногами, плыла.

Он держался рукой за обломок лодки. Сначала она даже не понимала, жив он или нет. Правой руки не хватает, к телу привязан гарпун, на волосы и бороду намерз лёд. От лодки тоже мало что осталось. Уцелел лишь её деревянный нос, криво державшийся на воде. Тэйя поняла, что Орха греб, покуда хватало сил, а потом он просто отдался на волю течения. Он был холоден, как лёд, но всё ещё жив.

- Орха, не умирай, пожалуйста! - Тэйя гребла ногами, толкая обломок с едва живым человеком к берегу. - Пожалуйста, не бросай меня. Ты обещал... - По щекам катились слёзы. Они холодили и кололи лицо. - Я поймала полярного кота, как ты просил. Он дожидается тебя на цепи. Там, дома... Ты обещал не умирать. Ты обещал...

Она молила его не умирать, хватая ртом и выплёвывая соленую воду.

Когда она втащила его в натопленную хижину, она раздела его, насколько смогла, накрыла сразу несколькими одеялами и бегом бросилась в поселок. Когда она пробежала мимо привязанного кота, тот проснулся и вздыбился, шипя. Тэйя даже не заметила этого. Единственной её мыслью было застать Риа дома. Старуха сможет помочь. Обязательно. Потому, что она попросит. Потому, что Орха обещал не бросать её.

Риа пела над Орхой свои песни. Снаружи, срывая цепь, метался и кричал кот. И всякий раз, когда звуки прекращались, Тэйя думала, что он сорвался и убежал. Но, всякий раз неистовство животного продолжалось. Цепь была крепкой.

Тэйя осталась в хижине с Орхой и Риа. Понять, что поёт старуха, было совершенно невозможно. Это было какой-то особой силой, неподвластной для её понимания. Не прекращая гомонить, она перетянула и зашила старой костяной иглой культю, оставшуюся от правой руки Орхи. При помощи Тэйи они перевернули его на живот, и Риа долго колода мужчину внизу спины всё той же иглой. И её песнь. То затухая, то вновь набирая голос, она разгоняла тени от костра по углам.

Тени шевелились и жались в углах, то и дело норовя выскочить оттуда. Тэйю они пугали, но уйти, оставив Орху она не могла.

Это продолжалось долго. На исходе какого-то часа Тэйя присоединилась к старухе. Сначала тихо, потом всё громче приноровилась повторять за Риа её странные слова. И только тогда их смысл стал отдаленно доходить до неё. Риа взывала к теням и богам. К живым и мёртвым. И к самому времени. Сила, прикоснувшаяся к Тэйе напугала её. Даже малая часть не смогла бы повиноваться ей при всём желании. Но, старуха знала как заставить силы работать.

Орху терзал сильный жар. Он то потел, то покрывался холодной испариной. Его сущность дважды едва не покидала тело, но всякий раз, стараниями старухи возвращалась обратно. В такие моменты он дрожал и тело его выгибалось дугой. Тэйя боялась старухи. Но, старуха помогала. Орха пока ещё принадлежал к миру живых.

Когда голос её стал совсем тихим, и разобрать, что бормочет Риа стало тяжело, Тэйя ощутила резкую боль внизу живота. Слабую, и

очень странную. Запустив руку под нижнее бельё, она увидела алую кровь на кончиках пальцев. Она тихо ойкнула и подняв глаза, увидела, что Риа пристально смотрит на неё. Старуха выкрикнула что-то напоследок и упала рядом с Орхой. Тэйя сначала испугалась, что старуха испустила дух. Но, когда убедилась, что она жива, укрыла их обоих шкурами, и подбросила в очаг дров. Они спали. Тэйя чувствовала беспокойный сон старой Риа, и мерное покачивание Орхи по бесконечным черным волнам снов. Словно на его любимой лодке в безбрежном крайнем море.

Выйдя на улицу, она обнаружила кота испуганным. Сердце его колотилось, а в голове был лишь иррациональный страх. Кот чуял и видел духов.

Тэйя подошла к нему не испытывая никакого страха. Сейчас перед ней был не свирепый хищник Редкого леса, а маленький испуганный котенок. Тэйя положила руку ему на голову и приказала успокоиться. Кот затих и уселся на снег. Теперь он принадлежал ей целиком.

** *

Ей не было места на этом празднике. Всегда чужая среди этих чужих людей. С их песнями и музыкой. С Орхой она могла бы праздновать вместе с ними. Но, сейчас...

Аю, завидев Тэйю, обняла её, будто та могла замерзнуть, и пригласила к себе в хижину.

- Риа сегодня не будет. Она останется на празднике до самого рассвета. Или пока не упьётся и не уснет. - Аю засмеялась. - Пойдём ко мне.

Внутри огонь играл причудливыми тенями на стенах. И не было никакой музыки, кроме треска поленьев в костре и завывания ветра на улице. Почти тишина, таившая в себе едва уловимые шорохи. Запахи сушеных трав, вперемешку с дымом. Стены увешаны шкурами, бронзовыми украшениями, предметами неизвестного назначения и плетеным из ветвей и ниток амулетом, неправильной квадратной формы. Украшенный перьями, костью и деревянными бусинами, он начинал покачиваться от любого движения воздуха.

- Что это? - Конструкция привлекла внимание Тэйи и не позволяла оторвать от себя взгляд.

- Мы называем его "Ловец ветра". - Ответила Аю. - Он способен притягивать китовые песни и отгонять прочь песни ветров.

- Песни ветров? - Переспросила Тэйя.

- Песни ветров приносят дурные сновидения. А китовьи - наоборот, приятные. - Ответила Аю. - Этот талисман словно сетью, ловит кошмары, а остальные сны отдает спящему человеку.

- Мне всегда снятся неприятные вещи. - С грустью сказала Тэйя. - По крайней мере, я не помню ни одного хорошего. Поэтому я стараюсь спать как можно меньше. То есть по необходимости.

- Ты ведь нечасто спишь, да? - Спросила Аю, склонив голову набок.

- Раз в несколько месяцев примерно. Моему мозгу тоже иногда нужно отдыхать.

- Тогда я надеюсь, что сегодняшние сновидения тебе будут петь киты.

- Я даже не знаю, удастся ли мне сегодня уснуть после праздника.

- Я думаю, ты сегодня хорошо выспишься. Я ведь не просто так пригласила тебя к себе.

- То есть твоё внимание ко мне сегодняшним вечером неискренне? - Удивленно спросила Тэйя.

- Нет, что ты! Я такого не говорила. Ты мне очень понравилась. Настолько, что не знай, я кто ты такая, отправилась бы с тобой на край мира. Только мне нет места на твоей дороге.

Тэйя, не сводя глаз со смуглой девушки, с двумя огненно-рыжими косами, присела к костру. Аю уселась напротив, и сбросила с себя длинную меховую куртку, оставшись в лёгкой белой рубахе на шнурке и в кожаных штанах. Она, немного смущенно уставилась в огонь и заговорила не поднимая глаз:

- Когда я увидела тебя в первый раз, я не хотела верить себе. Дитя Праматери, да ещё и совсем ребенок. Это было настолько невероятно... И эта твоя сила. Она ещё не проснулась окончательно, но ты уже можешь столько всего! Откровенно, я тебе даже завидую. Прости, это, наверное, не очень приятно слышать. Но, я говорю тебе это потому, что я... влюбилась в тебя.

- Ты красивая, Аю. Ты мне тоже очень нравишься. Но, почему ты говоришь о том, что тебе нет места в моей жизни?

- Потому, что мужчина моей судьбы ещё не пришел ко мне. Но, он появится очень скоро. Незадолго после того, как ты уйдешь.

- Я не собираюсь никуда уходить. И я не уйду без тебя! - Сказала Тэйя.

- Ох, девочка. - Аю подняла голову и посмотрела ей в глаза. - Ты столько всего натерпелась. Но, это, к сожалению, ещё не всё.

Тэйя уставилась в огонь и в уголках её глаз появились слёзы. Она считала что здесь заканчивается кошмар, и начинается новая жизнь. Она встретила в этом мире на краю земли, людей, ставших ей близкими, и вот Течение снова забирает их у неё. Течение хочет, чтобы она осталась одна.

- Не плачь. Иди ко мне.

Тэйя подошла к девушке и легла, положив голову ей на колени. От Аю пахло мёдом, травами и цитрусом. Одной рукой она гладила белоснежные короткие волосы Тэйи. Запах и тепло успокаивали и вызывали какие-то совершенно новые чувства. Между ног разливалось тело, а сердце ускорило свой ход.

- Сейчас я хочу кое-что сделать с тобой. Ты обещаешь, что будешь слушаться меня?

- Обещаю, что бы это ни было.

- Хорошо. А теперь закрой глаза и слушай.

Аю вынула из кармана небольшую деревянную коробочку. А спустя пару секунд Туум услышала вибрирующий звук. Он становился то низким, то высоким. И голос Аю. Он разливался волнами; то затихая, то нарастая снова.

- Закрой глаза. Ты в толще воды. Тебе не страшно, и ты не тонешь. Вода теплая, но света очень мало, и он растворяется в ней. Ты отчетливо слышишь саму себя. Прислушайся. Что ты слышишь?

- Своё сердце.

- Хорошо. А теперь представь, что кроме тебя и твоего сердца не остается больше ничего. Только бесконечная пустота, наполненная сиянием далеких звезд. И стук твоего сердца. Он замедляется и ты засыпаешь.

Ты засыпаешь?..

- Я засыпаю.

Вибрирующий звук становился всё приглушенней. Всё дальше. Пока не растворился вовсе, остановившись на одной низкой ноте.

А потом Аю сделала странное. Она запустила свой язык в рот Тэйи. Ещё секунду Тэйя ощущала жгучий сладкий вкус во рту, а потом всё пропало.

- Здравствуй дитя-маятник. Я же говорил, что мы ещё встретимся. - Голос заполнил всё пространство.

- Здравствуй Бизон. - Тэйя узнала его.

- Ты готова? - Спросил голос.

- Я не знаю. Я боюсь.

- Не бойся. Просто смотри.

И голос начал показывать Тэйе всё, что предшествовало её рождению. Она увидела, как Кхаа встретил и полюбил Маат, ставшую ему женой, и подарившую ему девочку с белоснежными волосами. Увидела, как к Матери Кхаа - Рате пришел Тотль, и как до этого он приходил к её матери, и к матери её матери. А ещё, как Ллотр убил Кхаа и всё его племя.

Тотль брал женщин с любовью и надеждой. И всё ради того, чтобы создать подобного себе ребенка. Тэйя видела, как Ллотр в своём безумии убил своих братьев. Как он когда-то давно любил свою сестру - Ишчель. Ту, которая стала для Тэйи матерью. Как после выгнал её. И что предшествовало этому путешествие на континент, где никогда нет снега, и где живут люди с черного цвета кожей. Как Ллотр встретил таких же как и он сам бессмертных брата и сестру, как от них он прознал про упавшую звезду, и как он сделал из сердца Проклятого дюжину черных ножей, способных убить детей Бизона.

И все видения были яркими и наполнены кровавыми подробностями тех минувших событий.

Тэйя плакала. Она понимала, что всё это из-за неё. Жизни всех этих людей были положены на алтарь, дабы девочка выжила и выросла. И даже Ишчель пожертвовала своей жизнью ради неё. Девочка увидела, как Ллотр отсекает ей голову.

- Это всё из-за меня, да? - Спросила Тэйя, когда калейдоскоп событий прекратился.

- Нет. Не из-за тебя. Но, ты собственным появлением на свет нарушила правила Игры. И Игра в ответ лишала жизни всех тех, кто тебе дорог. Только ведь твоё появление не зависело от тебя. Поэтому, и твоей вины за этим нет. Твоё имя значит "Последний Ветер". Ветер,

приносящий смерть. И ветер этот убивает всех, кто любит тебя. Всех тех, кого любишь ты. В этом твоё проклятие, Дитя.

- Я не хочу так! - она упала на колени и заплакала. - Я хочу, чтобы... Чтобы это всё прекратилось. Как мне закончить всё это? Как закончить Игру?

- Вас осталось только двое. Ты и Ллотр. Он сейчас слаб телом, но с ним сила Проклятого. А у тебя есть сердце Праматери. Возьми его с собой, если хочешь закончить всё это.

- У меня нет ничьего сердца. - Удивленно сказала Тэйя.

- Ошибаешься. Оно последние годы было рядом с тобой, ноты об этом не знала. Оно давало тебе сил, пока первая твоя кровь не разбудила силу, дремлющую внутри тебя. - при воспоминании о первой крови Тэйя залилась краской. - Ты можешь закончить игру в любом случае. Она длится уже очень долго, и не может продолжаться бесконечно.

- Спасибо, Бизон. Спасибо, что показал мне кто я такая.

- Ты всегда была самой собой. Только теперь ты ЗНАЕШЬ Себя. - Бизон сделал паузу. - А теперь иди. Возвращайся из этого сумрачного мира в свой. И поступай так, как считаешь нужным.

Всё растворилось в этом призрачном месте, и снова Тэйя осталась наедине с темнотой. Впрочем, сама она тоже словно растворилась, и поняла, что сознание её возвращается туда, где низкий вибрирующий звук гуляет в хижине.

Аю! Она звала её! Тэйя открыла глаза и увидела красивое улыбающееся лицо девушки.

- Ты уходила очень далеко. - Сказала она Тэйе. - Я чувствовала, что ты видишь на сотни и сотни сотен лет назад. И то, что тебе не очень понравилось то, что ты там увидела.

- Там была смерть. И этот человек.

- Какой человек? - Вопросила Аю.

- Он и не человек вовсе. - Сказала, подумав Тэйя. - Он такой, как и я. Только сумасшедший и хочет меня убить. Дважды я спасалась от него. Теперь пришло нам время встретиться. - Тэйя поймала на себе недоуменный взгляд видицы, и обреченно вздохнула. - Это хорошо, что скоро к тебе придет твой мужчина, Аю. Я очень рада за тебя. Нам с тобой не было бы счастья вдвоём (если бы кто-то из нас прожил достаточно долго для того, чтобы насладиться этим самым счастьем).

- Я не совсем поняла тебя, Тэйя, но я рада, что ты не держишь на меня плохого. - Она снова заулыбалась. - А теперь прости меня, мне надо ненадолго отлучиться.

- Ты куда? - заволновалась девочка.

- Я скоро. Просто пойду, сделаю немного желтого снега. - Последнее она сказала Тэйе на ухо, и та растерянно кивнула.

Когда Аю вернулась, Тэйя ждала её у полога.

- Аю, прости, уже много времени... И мне пора - Затараторила она.

- Тэйя, успокойся. Останься до утра.

- Нет. - Аю видела, что это решение далось ей нелегко. - Мне, правда, пора, вдруг Орхе что-то нужно.

- Ладно, иди. Я знаю, куда ты скоро отправишься. Только прими от меня кое-что.

Тэйя напряженно затихла. Сюрприз от Аю?

- Вот, возьми. - Аю выдала Тэйе тугой сверток, перетянутый бечевкой.

- Что это?

- Дома поглядишь. Мне оно уже мало, а вот тебе должно быть впору.

- Спасибо. - Произнесла Тэйя и робко поцеловала Аю в щёку. А потом быстро исчезла из хижины.

- Не за что, Маленькая Волчица. Это самое меньшее, что я могу тебе дать. - Сказала Аю, оставшись одна.

Она ещё долго играла на своём инструменте, пока головни костра не стали серыми. Через четыре луны явится её мужчина и увезет её в далекие края, где нет зимы и снега. При условии, что девочка справится со своим врагом. Она обязана справится. Аю искренне надеялась, что Тэйя знает, что надо делать.

Орха не спал и неуклюже ворочался в кровати. Когда Тэйя вошла, он пытался сесть, помогая себе оставшейся рукой. Она спешно подошла к нему и помогла ему облокотиться спиной на кресло, которое она связала ему из внушительных лосиных костей. Орха отмахивался от неё культёй, но она крепко схватила и усадила его в одно мгновение.

- Надо же, какая ты стала. - Орха поднял на неё глаза. - Я всё думал, что ты навсегда останешься маленькой девочкой. Которую надо

защищать от мира. А теперь ты ворочаешь меня, словно кабанью тушу. Впрочем, от меня теперь мало что осталось.

- Орха, прекрати. Ты спас меня и был ко мне добр. Почему я не могу отблагодарить тебя?

- Ты уже спасла меня однажды. Этого более чем...

- Орха! - Она перебила его со слезами в глазах.

- Что такое, девочка моя? Что случилось? - Она бросилась к нему в объятия и зарыдала.

Кот, дремая у огня, лишь дернул ухом, но не проснулся.

- Я теперь знаю всё! И про маму, и про отца. И про ту, другую маму, которая носила меня в себе. И про то, что смерть забирает всех, кто мне дорог.

- Ну, не плачь. Ты не вправе горевать о том, какую судьбу дала тебе Праматерь.

- Я не о том!

- А о чем же?

- Смерть и тебя заберет! А я не хочу тебя терять.

- Тэйя, девочка моя. - Он гладил её волосы. - Я готов. Я скучаю по моей Крии, и всё чаще думаю о том, что она меня уже заждалась.

- Орха, ты обещал! Не уходи, прошу тебя!

Он даже не знал, что ей ответить. За пять лун с момента его самой последней охоты он отощал, потерял руку и ноги его больше не слушались. Лучше бы он тогда утонул вместе с лодкой. Лучше уж так, чем быть всего лишь тенью самого себя. Не способного к тому же держать оружие в руках.

- Тэйя, подай, пожалуйста, мою сумку с гарпуном.

Она нехотя, утирая слёзы, встала и принялась рыться в купе вещей, сваленных в углу. Принесла сумку Орхе.

Тот запустил в неё руку и достал камень. Медового цвета, казавшийся живым существом в свете костра.

- Что это? - Спросила девочка.

- Это сердце Праматери. Я нашел его ровно в день, когда ты родилась. За пять зим до того, как ты появилась здесь. Сначала оно треснуло, но потом трещина как будто исчезла.

- Как такое может быть? - Тэйя недоуменно подняла брови.

- Я не знаю. - Пожал плечами Орха. - Я только говорю то, что видел.

- И ты хочешь отдать его мне?

- Да. Когда ты соберешься уйти.

- Я не уйду, пока тебе требуется моя помощь! Я не брошу тебя!

- Хорошо, девочка моя. Но, знай, оно твоё.

- Я возьму его Орха. А теперь ложись отдыхать.

Она уложила его на лежак, и сама решила отоспаться. Пусть ей снятся кошмары! Ужаснее того, что ей сегодня показала Аю, она вряд-ли увидит. Только если ночной кошмар заканчивается с пробуждением, её кошмары будут преследовать её постоянно.

Орха всё не спал. Он видел, как Тэйя заснула почти сразу, как улеглась. Видел, как кот, отъевшийся до внушительных размеров, улегся рядом с ней. Теперь он уже был ЕЁ зверем. Невероятно, но она смогла приручить его.

Орха понимал, что девочка не уйдет, покуда он будет для неё обузой. Он всё уже для себя решил. Он принялся медленно и тихо раздеваться, стараясь не потревожить ничей сон. Спустя бесконечное число минут и семь потов, он всё-таки разделся донага и подтягиваясь на одной руке, выполз на улицу. Снег и ветер в доли секунд сковали его тело. Он задрожал, но не сдался. Это будет последняя схватка безногого калеки с суровой зимней природой.

В конце концов, когда-то она обязана была победить. Орха дополз до самого берега и улегся на лед под низким ночным небом. Звёзды роняли свои отражения на густую гладь соленого крайнего моря. Его отец верил, что первый человек их рода вышел из моря. И в море должен уйти. Орха вспомнил лицо своего отца. Заросшее, с отсутствующими отмороженными ушами, и глазами, подобными звериным. Бесконечно добрый с матерью, но безжалостный к китам. Один кит убил его отца. Другой - оставил калекой его самого.

Орха рукой подтянул к себе колени и закрыл глаза. Ветер пел ему последнюю колыбельную песню.

Она обнаружила его утром. Она ревела и проклинала его. Он был мёртв.

- Орха! Ты обещал! - Она снова и снова опускала кулаки на безжизненное тело. Она обнимала и просила его не умирать. В конце концов, когда поток слёз иссяк, а вместо этого пришло осознание кончины, она встала и во второй раз направилась к Риа.

Они связали каркас из кости и дерева, и обтянули его кожами моржей и тюленей. Потому, что так делали далёкие потомки. Они плавали на таких лодках ещё тысячу зим назад. Они одели Орху, и вложили в руку его гарпун, потому, что он не оставил после себя мужчин, достойных его оружия. Они пели ему песни и плакали по нем, потому, что так принято.

Когда лодка, тронутая течением, начала стремительно уменьшаться в размерах, Риа прокашлялась и произнесла своим старым голосом:

- Прощай, Орха, сын Валла. Гроза китов и косаток. Славный воин и хороший отец. Праматерь испытывала тебя всю твою жизнь, и теперь ты волен упокоиться от всех проявлений её. Отправляйся к своей жене Крии, что ждёт тебя на другом берегу моря. И к своему отцу. И к отцу своего отца. И к первым людям, которые примут тебя к себе.

Тэйя не плакала. Она уже выплакала все свои слёзы, и просто отпустила Орху. Когда старуха закончила свою речь, Тэйя добавила:

- Прощай, папа.

Когда она развернула куль, полученный накануне в подарок, она обнаружила комплект одежды. Штаны и рубаха из серой тюленьей шкуры. Всё на шнурках, и шито будто бы на неё. Костюм сидел приятно и нигде ничего не стеснял. Тэйя попробовала подвигаться в нём, и спустя какое то время, будто бы совершенно забыла о том, что на ней какая-либо одежда.

Она перетряхнула Сумку Орхи и оттуда выпал камень. Когда она взяла его в руки, он разломился надвое. Внутри была тонкая острая кость, заканчивающаяся костяным же кольцом. Она сжала её в кулаке.

Голос и тепло, исходившие из кости, успокаивали. Они говорили, что теперь девочка может встретиться с последним белым братом. Тэйя ещё крепче сжала кость и произнесла:

- Здравствуй, Дядя. Я иду к тебе.

Глава 16

ГЛАВА 16

Ему казалось, что он впал в бесконечный, непрекращающийся сон. Солнце всходило на востоке и садилось на западе. Зимой был снег, а летом - нет. Днём светило солнце. Ночью - звёзды. Раз в месяц две луны были полными.

Ну, а чертов нож вращался вокруг своей оси.

Вращался.

Вращался.

Вращался.

И так восемь лет. Восемь долгих лет в ожидании, того, что этот человеческий компас прекратит шуршать и замрет в каком-то одном положении.

Если бы он ничего не ждал, он мог бы сидеть здесь тысячу лет. Или две. Или миллион. Не имеет значения. Он бы разговаривал сам с собой, точил ножи, собирал пыль и паутину своей вынужденной спячкой. Он бы занимался всем, чем угодно, кроме ожидания. Но сейчас он именно это и делал. И эта мысль грызла его изо дня в день. Проклятый не появлялся. И даже не проявлял никаких признаков жизни. Если он умер от старости - наплевать! Но, в какой-то момент Ллотр даже начал скучать по его гнусным нравоучениям и тому, что он имел обыкновение показывать картины вероятных событий. С грустью, Ллотр признавал, что без него скучно. Только всё это блекло в сравнении с постоянным ожиданием того, что появится девчонка.

Девчонка. Сейчас ей уже тринадцать. Из её дырки уже протекла кровь, и сила проснулась. Пускай. Так даже лучше. Так интереснее. Может, она и вправду стала настолько хороша, что сможет впечатлить его. Может, не зря Тотль старался, и покрывал тех диких самок. И отдал за неё свою жизнь впридачу. Ещё и сестру сюда приплёл. А сестричка тоже хороша! Привязалась к человеческому детенышу! И сама себя погубила.

А может, девчонка присоединится к нему? Он такой вариант вовсе не отметал. И если она способна - она сможет дать вполне себе

здоровое потомство. И детки их заполонят этот пустой и унылый шар, именуемый планетой.

Ллотр усмехнулся собственным мыслям. Потомство? Что за чушь? Девка дикая и наверняка, неуправляемая. Интересно, что-бы на это сказал Проклятый?

Но, тот молчал.

Пускай.

Может, Ллотр займёт его место когда убьет девчонку? Вполне возможно. Пройдёт тысяча лет и его мозг адаптируется к тем видениям, которые пока ему неподконтрольны. И в следующем цикле... А будет ли следующий цикл? Конечно же будет. Пока он жив, вселенная будет двигаться по заданной ей траектории. Нужно только немного подождать.

Немного подождать.

Подождать.

Подождать.

Сначала он даже не понял, спит он или нет. Вернее, снится ли это, или всё-же наяву? Ллотр встал с кровати и несколько минут молча смотрел на нож. Нож остановился.

Не шевелился.

Тишина.

Он указывал на север. Ллотр немного крутанул его в сторону, но тот вернулся в исходное положение. Он попробовал ещё. И ещё. Тот упрямо показывал одно и то же направление.

- Наконец-то. - Хрипло произнес Ллотр.

* * *

Ей больше не требовалось держать его на цепи. Как на обычной, сделанной из металла, так и на ментальной тоже. На второй день кот перестал бояться или предпринять попытки удрать. Он отлучался только на охоту, и возвращался обратно к Тэйе. Они исправно останавливались на ночлег каждый вечер. Тэйя спала лишь изредка, а вот зверь отсыпался постоянно. Тэйя старалась дать животному хорошо отдохнуть, так как за день они проходили весьма внушительные расстояния.

На очередной ночлежке она вспоминала, как восемь лет назад (как давно это было!) она так же в сопровождении животного пересекала этот маршрут. Всё дальше и дальше, в край вечного снега и холодного

моря, где она могла бы спрятаться под изумрудным сияющим небом. Только тогда она голодная и испуганная, бежала от смерти. Теперь она шла к ней на встречу с гордо поднятой головой. Про себя она считала, что готова к этому событию. Только вот надеялась, что на самом деле до этого не дойдёт.

Клыки она отдала Риа. Старуха найдёт им достойного хозяина. Если конечно когда-то они понадобятся такой же заблудшей душе. Два янтарных полусердия она подарила Аю. Сила в них ещё теплилась, и Тэйе хотелось верить, что это - достойный дар для неё.

С собой она взяла только лишь кость, висевшую теперь на шнурке на тонкой шее. Если Бизон сказал правду, то другого оружия ей не понадобится. По ночам она иногда снимала её, бережно любуясь и представляя, как одним точным ударом убьет Ллотра. Кость с хрустом пробьёт кость, достанет до мозга, и враг будет повержен. Всё закончится. А на счёт того, что будет дальше, и будет ли оно вообще, Тэйя старалась не думать.

Полярное сияние осталось далеко позади и Тэйя подозревала, что Ллотр уже знает, что она сама идет к нему. Самую малость, но её это пугало. Природа всё это время защищала и бережно хранила девочку ото всех. Теперь, она осталась наедине со своим врагом. Она даже не понимала, боится ли она его. Ей хотелось думать, что боится она собственного страха. Она с лёгкой завистью смотрела на кота. Тот делал вид, что ничего не боится.

Когда они перешли горный хребет, перед ними, за заснеженным полем, встал густой старый лес.

Осталось ещё немного. Если, конечно, ОН не ждет её где-то там.

Первым опасность почуял кот. Он прижал уши, и зашипел, опустив хвост.

- Что там, котик?

Она пригляделась, и только тогда заметила Ллотра, испуганно вздрогнув.

Словно призрак, шатаясь, он вышел на укрытое белое поле. В той самой окровавленной и драной одежде, что и тогда. Кровавые потеки казались черными. Висевшие лоскуты платья трепал ветер. Волосы серые и спутанные, неопрятной копной налезали на лицо. Взгляд - пустой, словно жизнь из него ушла уже давным-давно. Но, самым страшным в его облике было то, что из его головы, словно обломки

рогов, торчали две черных рукояти ножей. Тэйя не представляла, какая боль, должно быть, каждый день ощущать в голове врезавшееся инородное тело. И что могло заставить сотворить его с собой такое? Если он вообще, сам сделал это?

- Здравствуй, девочка моя! - От его внезапного хриплого крика с воплями с деревьев разлетелись вороны. Кот с ужасом обмочился прямо на снег. Тэйя ощутила всю силу ненависти в его голосе. - Ты, наконец-то пришла ко мне. Как же долго ты заставила меня ждать...

Тэйя молчала. Сколько всего она хотела высказать этому существу (она давно перестала считать его человеком), но сейчас слова встали в горле. Руки судорожно обшаривали тело в поисках ножей. Ей сейчас нужно что-то реальное. То, за что можно зацепиться. Что даст хоть какое-то ощущение защиты. Без "клыков" она почувствовала себя голой и уязвимой. А затем рука сама поползла к шее, и она сжала кость.

"НЕ БОЙСЯ, ДЕВОЧКА. Я РЯДОМ!" Ласковый женский голос возник прямо в её голове.

"ОН ТОЖЕ СМЕРТЕН."

Это придало ей сил.

- Я не боюсь тебя! - Закричала она ухмыляющемуся безумцу, стараясь не выдать дрожь в предательском голосе.

В ответ он лишь громко рассмеялся. Кот, окончательно обезумел от этого смеха. Он жалобно крича, побежал прочь из этого места. Она не стала на него злиться за это предательство. Возможно, он единственный, кто сегодня выживет. Тэйя снова осталась один на один с Ллотром.

- Тогда подойди же сюда, деточка! Подойди ко мне, и я вырежу твоё маленькое белое сердечко прямо из груди! - Ллотр вынул из своей сумки два крупных ножа и сжал их в руках. Тэйя сдернула кость, перехватила её для удара, и что есть сил, ринулась на него.

Снег, слежавшимися комками вылетал из-под её ног, короткие белоснежные волосы развевались на ветру, в глазах отражалась холодная решимость и жажда крови. Ллотр стоял не шевелясь. Она понимала, что всё это - не более чем обман. Хитрый трюк. Она знала, насколько он быстр. Знала, как ловок. Она искренне просила всех богов быть хоть отчасти такой же быстрой. Он оставался

неподвижным до момента, когда казалось, оружие Тэйи неминуемо настигло его.

Он увернулся в сторону, но контрвыпад не сделал. Тэйя, вскричав, ударила снова, метя в шею. Он лихо закрутился, и оказался прямо за её спиной. Она на секунду растерялась, и полетела вперед, падая от мощного удара ногой в спину. Она едва удержалась на ногах, и встала.

- Ты очень медленная, но ты хорошо дерешься. Как для девочки. - Ллотр усмехнулся и тупой стороной ножа убрал длинные волосы, спавшие на лицо.

Тэйя сделала ложный выпад, и Ллотр уклонился от него. Она попыталась достать его со спины, когда он открыл её, но он развернулся и ударил Тэйю рукоятью ножа прямо в висок.

В голове зазвенело и она пошатнулась.

- А тебя хорошо выучили, девочка. Скажи, а что, нормальное оружие тебе не смогли дать?

Тэйе хотелось плакать. Она чувствовала, что волосы на голове слиплись от крови. Она даже не задела его. А ведь он только ещё забавлялся с ней.

"Не плачь! - Сказала она себе. - Все твои близкие люди погибли ради тебя! Ни за что не дай ему убить тебя!"

Она выдохнула, и снова встала в боевую стойку. Пусть теперь он атакует.

- Нападай! - Вскрикнула она ему.

И он напал.

Всё так, как учил Орха. Смотреть глазами и думать руками.

Ллотр сделал ложный выпад метя в лицо. Тэйя ушла в сторону и назад. Ллотр сделал ещё выпад. Теперь прямой в живот. Она снова увернулась. Два рубящих в район шеи. Снова ушла.

Ллотр начал двигаться быстрее. Он молниеносно обвил Тэйю в объятьях и полоснул ей сначала по щеке, а затем между лопаток. Два тонких надреза, которые начали кровоточить только несколько секунд спустя. Он усмехаясь, наблюдал, как она скривилась от боли.

- А твоя кровь сладенькая. - Сказал Ллотр, слизывая алые капли с лезвия. - Знаешь, я когда-то давно был знаком с одним из черных братьев...

Тэйя начала медленно кружить вокруг него.

- И он любил оборачиваться змеем и поедать плоть. Людей, животных, таких же как он... - Продолжил Ллотр, не обращая внимания на танец девочки. - А я вот думаю...

Тэйя уже была у него за спиной, когда он заканчивал свою мысль.

- Смог бы я переваривать кровь?...

Тэйя прыгнула на него, метя в затылок, но он в момент развернулся и схватил её за шею прямо в прыжке. Нож из его руки упал, а Тэйя начала задыхаться. Пальцы, словно металлические, больно впивались в горло и перекрывали поток кислорода. В довершение Ллотр вогнал второй нож ей в живот. Тэйся стиснула зубы, но не издала ни звука. Он притянул её ближе и облизал её губы, на которых проступила кровь.

Спустя секунду он склонил голову набок и спросил:

- Ты же не думала всерьёз, что достанешь меня ЭТИМ? - Он пальцем указал на белую кость в её руке. - И что это вообще за штука?

- Вот и попробуй. - Процедила она сквозь зубы.

Кость, пробив грудину, вошла ему в сердце. Было больно. Но ещё нестерпимо жгло.

- Что это за дрянь?! - Закричал он ей прямо в лицо. - ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА, СУКА?!

Ллотр отшвырнул Тэйю от себя и ухватил кость. При соприкосновении с рукой, кожа на ладони пошла волдырями и зашипела, а кость, словно живя собственной жизнью, ещё глубже вошла ему в грудь. Ллотр вскрикнул, резко замолчал и сделал пару шагов назад.

Тэйя, лежала в снегу и грудь её ходила ходуном. Было очень больно. Из живота на снег текло красное. Она сцепила зубы, вынула из себя черный нож и отбросила его в сторону. Все силы она направила на рану. Та медленно затягивалась.

Она рискнула посмотреть, что там с Ллотром и увидела, что тот стоит, замерев. Голова упала на грудь, изо рта течет кровь. На рубахе расцвело алое пятно. Правой рукой всё ещё держится за кость, торчащую почти по самое колечко. Прошла минута. Вторая. Тэйя уверенно встала на ноги, и направилась к Ллотру. Спадавшие грязные волосы закрывали его лицо, и она не видела, открыты его глаза или нет. Он казался мёртвым. Только она не была до конца уверена в этом.

Когда она подошла к нему почти вплотную, он взмахнул левой рукой, всё ещё сжимавшей нож. Нож едва не зацепил её шею. Она сама не поняла, как она избежала этого удара. Видимо, тело отреагировало быстрее, чем мозг. Тэйя выгнулась дугой, едва не падая, а Ллотра, от вложенной в удар силы, повело в сторону. Он закашлялся, сплёвывая кровь, и сказал:

- А ты быстрая. Или это я становлюсь медленным? Хрен поймёшь... - Он сделал паузу - Я не знаю, что это за штуку ты в меня всадила, но клянусь Проклятым, если я её выну, то засуну её...

Он так и не закончил свою мысль. Тэйя, запрыгнула на него, уперевшись ногами ему в грудь, а руками схватилась за рукояти ножей, торчащие из его головы. Она выпрямилась, словно пружина. А затем под вопли Ллотра, сделала сальто назад и приземлилась уже с ножами в руках.

Ллотр схватился за голову. Помимо того, что раны кровоточили и причиняли дикую невыносимую боль, к нему вернулся Проклятый со всеми своими видениями. Эта девка додумалась вынуть их! Она, сама того не ведая, прорвала плотину, и теперь видения заполонили его сознание целиком.

Девочка смотрела, как её самый страшный враг корчится в конвульсиях. Он держал голову руками, и выгибался под самыми невероятными углами. Он не кричал, не проклинал её. Он только хрипел, не в силах выразить свои страдания словами. Мятый снег под ним превратился в кровавую кашу. Из ушей текла кровь.

Он умирал.

Тэйя заглянула в его разум, и увидела там беспомощное существо. Окровавленное, обессиленное. Оно испуганно сжималось, не в силах противостоять давлению некой непонятной силы. Силы, разрушавшей само его сознание. И пока он ещё мог воспринимать информацию, Тэйя собралась с мыслями.

- Ты! Ты ведь слышишь меня, не так ли? Знаю, что слишишь... Это тебе за всё, что ты сделал. За всех тех, чьи жизни ты оборвал. Ишчель, Тотль, Кхаа, Велер..

- Прекрати... - Захрипел он. Но, девочка, будто не слышала его, и продолжала:

- Цогуа, Руфь, Мира, Джакка...

- ПРЕКРАТИ!

Но она продолжала перечислять имена, которые знала.

- ... и ещё тысячи и тысячи тысяч неповинных ни в чём людей. Они умерли из-за тебя. Ты охотился за мной ещё до моего рождения. И вот я выросла. Твой больной закостеневший разум не в состоянии осознать, что меня спасла только любовь и отчаянная жертва многих людей.

- Тогда давай. - Ллотр снова закашлялся и сплюнул кровавыми сгустками. - Добей меня, дрянь!

Она нависла над ним, как валькирия. Белоснежные волосы, тронутые солнцем. Кровь, запекшаяся на лице, и яростная гримаса отмщения. Он никогда бы не поверил, что в небытие его отправит девочка, не достигшая даже совершеннолетия.

Она смотрела ему в глаза, и Ллотр видел в них отвращение и... Жалость?

- Быстрая смерть для тебя слишком лёгкое избавление.

"Всё кончено" - подумал Ллотр.

Следом за этой мыслью пришла тьма.

* * *

Его сознание умирало. Они понимали это. Понимали по тому, как разрушаются его нейронные соединения. Как клетки мозга, не подчитываемые больше кислородом, угасают. Сознание рассыпается на мирриады ярких картинок, переживая состояние регресса.

В его маленькой голове раньше не было места для них двоих. Пока он являлся полноценным хозяином своего тела, разумеется. А теперь там стало гораздо свободнее.

Хорошее тело. Крепкое, мускулистое, быстро заживают раны, процесс деления клеток постоянный. А ещё небольшой бонус в виде сверхспособностей. Чудный донор! Когда он впервые подселился сюда, он понял, что лучшего тела ему не найти. Да и сознание подходящее. Нужно только забросить побольше крючков. Они крепко зацепятся здесь. И будут понемногу разъедать всё то, что делало его тем, кем он есть. Все его догмы и морали будут подвержены сомнению. И скоро, очень скоро он отринет себя самого, и станет неким симбионтом. Но сам он этого знать не будет.

Ни к чему ему знать всё это.

Сейчас-сейчас...

Уже совсем скоро...

Ещё немного...

Вот теперь!

Проклятый, доселе ютившийся где-то на самом краю его сознания, почувствовал власть. Физическое тело. Как долго он не мог взять управление в свои руки! Он скажет, как долго. Тринадцать тысяч лет в голове этого олуха, и ещё втрое больше в виде бесплотного духа, заточенного в собственном каменном сердце. Это была его самая большая уловка, и самое горькое разочарование. И только сейчас всё сработало так, как надо. Девочка сделала всю работу. Ллотр, тоже молодец, конечно. Особенно сейчас, когда отправился к создателям.

Проклятый засмеялся от возбуждения.

Он разворачивался, и пускал свои корни-щупальца глубоко в эту голову.

Ещё несколько мгновений, и новое тело будет всецело принадлежать ему.

Как когда-то давно. Он уже и забыл это сладострастное ощущение.

Сейчас-сейчас...

Уже совсем скоро...

* * *

Тэйя оглянулась на хруст снега за спиной. Ей овладел иррациональный страх, но она заставляла себя продолжать смотреть на эту невероятную картину.

Тело Ллотра тлело. Вернее, оно дымилось. А ещё оно вставало на ноги, роняя на снег струпья обуглившейся кожи. Волосы вспыхнули и моментально обгорели. Тэйя на секунду подумала о том, что хорошо, что она не слышит этих запахов. Ветер уносил их в противоположную сторону.

На свет обнажалась угольного цвета кожа, с красными жилками кровеносных сосудов. И когда последняя крупица отпала, существо открыло глаза. Глаза цвета палой листвы.

Тэйя открыла рот в изумлении.

Существо меж тем вынуло из груди кость, словно та была всего лишь занозой в пальце. Оно встряхнулось и захрустело суставами.

- Как долго мы этого ждали! - Произнесло оно, обращаясь одновременно к Тэйе, и, ни к кому конкретно.

- Кто ты? - Только и смогла спросить девочка. Сейчас она понимала, что от дрожи в голосе уже не избавиться.

- Мы? - Переспросило существо. - Мы - это мы. Мы вернулись! - Оно победоносно захлопало в ладоши и и подпрыгнуло на месте. - Мы ждали, когда ты убьешь этого мелкого, заносчивого, возомнившего себя богом, паршивца. И сейчас, когда его нет, мы заняли его место. Не ахти что, конечно, но и так сойдёт.

- Кто вы? - Снова спросила Тэйя.

- Нас зовут Алаам. Но, вы называете нас Проклятым. Это, кстати, в корне неправильно. Фактически, мы не были прокляты. Мы всегда были такими, какие есть. Всегда были самим собой. В некоторых племенах, даже в этом цикле, сохранились истории о нас, и о нашем сердце. Готов признать, что отчасти в этих сказках есть доля правды. Ты убила Ллотра. Я поздравляю тебя с этим. Всё-таки он был хорошей машиной для убийств. Настоящим мясником. А убить убийцу - многого стоит.

Но, есть и хорошие новости. Теперь нам ничего не мешает полностью завладеть его телом. Оно крепкое, и мы сможем существовать ещё долгое время.

Тэйя не знала, чего ожидать от этого существа, пробудившегося в мёртвом теле Ллотра. Если он смог выжить, то, возможно, сила его велика. Только вот, что ему надо от неё?

- Нам действительно нужно кое-что, что ты носишь в себе. - Ответил он Тэйе. - Мы просили Ллотра поймать тебя и привести к нам, но он не смог. И вот теперь ты здесь, и стоишь перед нами. Это просто подарок Течения.

У девочки не было слов. Что бы ни хотел забрать Проклятый, ей это не нравилось.

- Не бойся, девочка. - Он ухмыльнулся, облизав губы длинным языком. - Это будет быстро и не больно. Если, конечно, ты не будешь сопротивляться.

Он метнулся к ней настолько быстро, что она едва смогла видеть его движения. Смазанная тень, оставлявшая за собой след из парящего чёрного дыма. И снег плавился там, куда наступала его нога. Он схватил её за горло, но Тэйя не раздумывая вонзила нож туда, куда могла достать. В его руку. Нож, с хрустом начал плавиться и врезаться в тело. Он торчал, словно проступившая сквозь тело чёрная кость.

Проклятый выпустил Тэйю и удивленно посмотрел на эту внезапную реакцию. Ни боли, ни потери он не почувствовал.

В голове Тэйи пронеслась мысль: "Если даже это его не берет, то можно ли убить его вообще?"

- Нет, девочка. Так просто ты нас не убьешь.

Он достал нож из руки, и тот вышел с каким-то хрустом и отвратительным чавканьем. Нож преобразился. Лезвие его выглядело, как остро обломанная, черного цвета, кривая кость. Она бугрилась наростами и шипами.

Проклятый снова напал, но Тэйя ловко отпрыгнула. Он метил в грудь и плечи, колол в шею, и девочка едва успевала уворачиваться от его выпадов. В конце концов, когда она неаккуратно открыла тыл, нож вошел ей в лёгкое через спину. Тэйя упала на колени и сплюнула кровью.

- Не очень притяно, не правда ли? - Спросил он. - Главное, что сердце не задето.

- А тебе есть до этого дело? - Спросила Тэйя, напрасно пытаясь достать рукой до рукояти.

- Конечно есть! Оно нам нужно, чтобы оно билось в нашей груди, толкало нашу кровь по венам. Питало наш мозг. Хочешь взглянуть, каково это? Существовать без своего сердца?

- НЕТ! Пожалуйста!

- Смотри... - Проклятый ухватился пальцами рук за обе стороны груди, запустил пальцы глубоко внутрь, и развел кости и плоть. Зёв был черен, как пропасть, а внутри была бордовая пустота. - Не нравится?

Тэйя отвернулась.

- Вот и нам не нравится. - Вздохнуло существо. Дыра сомкнулась обратно, словно челюсти. - Так что будь хорошей девочкой и поди к нам.

- Нет... - Заплакала Тэйя.

- Не плачь, девочка. Мы сделаем тоненький и аккуратненький разрез в твоей груди, и достанем твоё живое сердечко!

Проклятый в момент метнулся к остаткам кожаной сумки Ллотра, чернеющей в грязном буром снегу, достал оттуда большой тесак и снова появился перед Тэйей. Нож в руке Проклятого будто ожил. Он пустил ростки, проникающие под кожу, и намертво сплетающие кости,

плоть и металл. К клинку прилила кровь существа, лезвие расцвело и запульсировало красными жилами. Проклятый на несколько мгновений застыл, любуясь такой неожиданной красотой.

Тэйя протянула к нему руки, но он ножом ударил сначала по одной, затем по другой. Она вскрикнула, но рук не убрала. Она улыбалась.

- Чему ты ухмыляешься? - Спросил он.

- Я прощаю тебя. - Ласково сказала Девочка.

- Что!? - Закричал он.

- Я прощаю тебя за всё, что ты сделал.

- Прекрати! - Тэйя чувствовала, как его охватывает паника.

А дальше она просто прыгнула к нему в объятия, прямо на выставленный нож. Тот мягко и почти не встречая препятствий вошел ей в сердце.

- ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛА!? - Закричал ей в лицо Проклятый.

- Я прощаю тебя... - Снова прошептала девочка.

Она крепко обняла его и заплакала. Слёзы лились из её глаз, а она шептала ему слова любви и прощения. И она искренне в это верила.

Проклятый кричал. Он пытался сбросить с себя Тэйю, вырваться прочь из её объятий. Это приносило ему невероятную боль. И когда хватка её ослабела, он бросил её на землю.

Девочка была мертва. Её сознание стремительно унеслось прочь. Проклятый ревел и проклинал её за то, что она сделала. Но, ещё больше он ненавидел её за её слова.

Он не верил, что она смогла простить его. Убить - нет. Но, вот простить? Проклятый не понимал, как она смогла поверить в собственные слова.

Он смотрел на свои руки. Алые краски вен тускнели. Кожа ссохлась. Через день, может через два, он начнет разлагаться. И тогда исчезнет окончательно...

Мир тускнел перед его глазами, глубоко запавшими в сухой череп, обтянутый тонкой серой кожей. Эти глаза видели миллионы лет, и миллионы жизней. Событий, вероятностей. Время всех времен показывало ему всё. И его триумф в том числе. А может, он настолько сильно хотел этого, что не видел больше ничего другого? Глаза болели. Сейчас они видели только мутные серые пятна. Солнце огромной рыжей кляксой проступало сквозь серые мазки облаков. Его глаза

боялись солнца. Но, сейчас они видели именно его. Он закрыл их, но солнце всё же пробивалось сквозь прозрачные веки. Он открыл их снова, в самый последний раз. Глаза цвета палой листвы остекленели.

* * *

Она стояла на залитом солнцем поле из маков. Бескрайняя ширь красного цвета колыхалось волнами и оттеняла её простое белое платье. Открытые плечи, ниспадающие на них рыжие волосы. Взгляд зеленых глаз устремлен вперед. Крупные груди едва выглядывали из разреза одежд. Лицо, плечи и грудь усеивали тысячи веснушек. Отметины солнца в этом свете казались золотом.

Она грустила.

Она улыбалась.

Он подошел к ней неслышно, легко для своих габаритов. Выше ее почти на голову, широкоплечий, мускулистый. Богатырь и атлант. Даже со своим телосложением она казалась хрупкой девочкой рядом с ним. Он опустил свою косматую голову ей на плечо, нежно обнял её живот, и поцеловал в шею. От него пахло свежим сеном, грубой шерстью. От неё - весенними цветами и пряностями.

- Здравствуй. - Сказал он ей.

- Здравствуй. - Ответила она ему, не поворачивая головы. - Я ждала тебя. Как только всё закончилось, я поняла, что ты придешь ко мне.

- Теперь мы снова будем вместе. - Он поцеловал её в щёку, и она засмеялась, когда его густая борода прошлась по её скуле.

- Посмотри, как здесь красиво. Я думала, что больше не увижу всё это.

- А я знал, что мы снова будем вместе. Может, через тысячу лет, может, через миллион... - Он затих. - Это произошло здесь?

- Да. - Ответила она. - Девочка оказалась храброй и сообразительной. Она одолела их обоих.

- Только это стоило ей жизни. - С грустью в голосе сказал он.

- Она пожертвовала собой. Это разные вещи. Её смерть не была напрасной. Благодаря её жизни, жизнь здесь, в этом мире, продолжится. Только теперь уже не будет бесконечной игры. Не будет братьев, раздираемых ненавистью друг к другу. Не будет темного бога, алчущего погубить всё это, и потом править горсткой пепла и костей на безжизненной планете.

- Но, люди останутся.

- Останутся. - Подтвердила она. - Они будут жить, плодиться, радоваться...

- А ещё воевать, и убивать себе подобных. - Окончил он.

- Они глупы. Но, я люблю их. Они мои дети.

- Они и мои дети тоже. - Сказал мужчина.

- И твои тоже. - Повторила она.

- А если люди забудут тебя? Забудут нас?

- Это уже не важно. Главное, что они будут жить.

- Может, подарим девочке новую жизнь? - Он первый прервал тишину. - С родителями, друзьями и любимым человеком.

- Хорошая мысль. А мы сможем?

- Теперь, когда мы вместе - да.

Они ещё долго стояли, обнявшись. Пока последние лучи солнца не растворились в маковом поле.

* * *

Пробуждение давалось ей с трудом. Будильник надрывался уже в который раз, но она совершенно не реагировала на него и вместо этого крепче обняла одеяло.

- Ты вообще думаешь просыпаться? - голос Мамы из кухни.

Девочка открыла глаза и первые мгновения пыталась узнать свою комнату. Залита солнечным светом. Повсюду вещи, книги и несколько спортивных наград на полке. Всё такое родное, и всё ровно в тех местах, где и вечером.

Она до сих пор пребывала одной ногой во сне. Впервые в жизни ей приснился настолько яркий и настолько жуткий кошмар.

- Как-то там всё перепуталось... - Сказала она сама себе. - Или нет?

Она бегом спустилась в кухню и застала мать у духовой печи. Отец с невозмутимым видом читал новости с большого сенсорного телефона.

- Мама! Ты здесь!

- Очень хорошо, что и ты здесь. Давай садись завтракать; ты ведь не хочешь пропустить университетские занятия? - сказала Ишчель

- Спускаться в пижаме к завтраку не совсем культурно. - Сказал отец, не отрываясь от телефона. В какой-то момент он перестал бороться с этой её привычкой, и только ворчал по этому поводу.

Девочка ещё секунду стояла в замешательстве, а потом бросилась к маме в объятья.

- Что с тобой такое? - Спросила мать удивленно. Тэйя ещё сильнее обняла её.

- Я так Вас люблю... Мне такое приснилось. И всё будто бы взаправду.

- Мы тоже очень тебя любим. - Сказала мать, удивленная внезапным утренним проявлением дочери. - Ну, чего ты?.. Чего тебе такое приснилось?

- Много чего. Как будто бы ты не моя мама, а мой дядя Ллотр плохой, и пытался убить меня, и ещё много всего нехорошего...

- Почему бы тебе не написать обо всём этом? - Спросил отец, отведя взгляд от телефона.

- Я подумаю над этим. - Сказала Тэйя.

- А теперь завтрак, и на занятия! - Мать сделала вихряющий жест кухонным полотенцем, будто бы подгоняя девочку к столу. Тэйя послушно села и уплетая завтрак, принялась увлеченно рассказывать самые яркие моменты, под удивленно поднятые брови отца и раскрытый рот матери.

На улице было тепло. Весна в этом году пришла на несколько недель раньше положенного. Когда она пыталась поймать автобус, следующий до её университета, в кармане засигналил телефон. Тэйя достала его, и увидела входящее сообщение от Аю.

"Доброе утро! Я люблю тебя."

ЭПИЛОГ.

Они сидели в просторной комнате с большими окнами за столом с игральной доской.

Мальчик передвинул маленькую белую фигурку по доске и сказал:

- Всё. Партия окончена.

- Так нечестно! - Вскрикнула маленькая рыжая девочка.

Она отодвинулась на стуле, и уперла руки в бока. Щёки её надулись, а лоб нахмурился. В ярких зеленых глазах появились две маленькие слезинки.

- Эй, не плачь! Давай в следующий раз ты будешь играть белыми? - Предложил мальчик.

- Не хочу белыми. Они скучные.

- Они не скучные. Они априори положительные. Это две большие разницы.

- Черные лучше!

- Черные слишком хаотичны, на мой взгляд.

- Тогда может быть ты в следующий раз создашь вселенную из своего положительного порядка?

- Ты же знаешь, что не бывает одного без другого. Не надо снова поднимать этот разговор.

- Просто ты всё время выигрываешь.

- Попрошу заметить, эта партия растянулась на целых три цикла. И только в конце третьего ты лишилась последней фигуры. А один из моих белых переметнулся на твою сторону.

- Это всё из-за той девчонки.

- Ну, что поделать, ты недооценила возможность создавать нечто большое из малого. К тому же, это стало возможным только благодаря хаосу.

- Это самый обычный генетический взрыв.

- Почему же ты тогда не воспользовалась этой возможностью? Правила этого не воспрещают.

- Правила, по-моему, стоит обновить.

- Возможно, их стоит немного ужесточить.

- Нет! - Встрепенулась девочка. Не надо! Давай оставим всё как есть.

- В конце-концов, партия была честной.

- Да. Только я снова проиграла.

- Это не страшно. Ты же не обиделась на меня, сестричка? - С хитрым прищуром спросил он.

- Нет. - Солгала она.

Они некоторое время молчали, глядя на доску. Два маленьких ребенка, с абсолютно идентичными лицами, только вот мальчик был беловолосым, а девочка рыжей.

- Ещё партию? - Спросил мальчик.

- Да. - Ответила девочка. - Только в этот раз я беру белых.

2015-2018 г.г.

Керчь-Москва-Керчь